

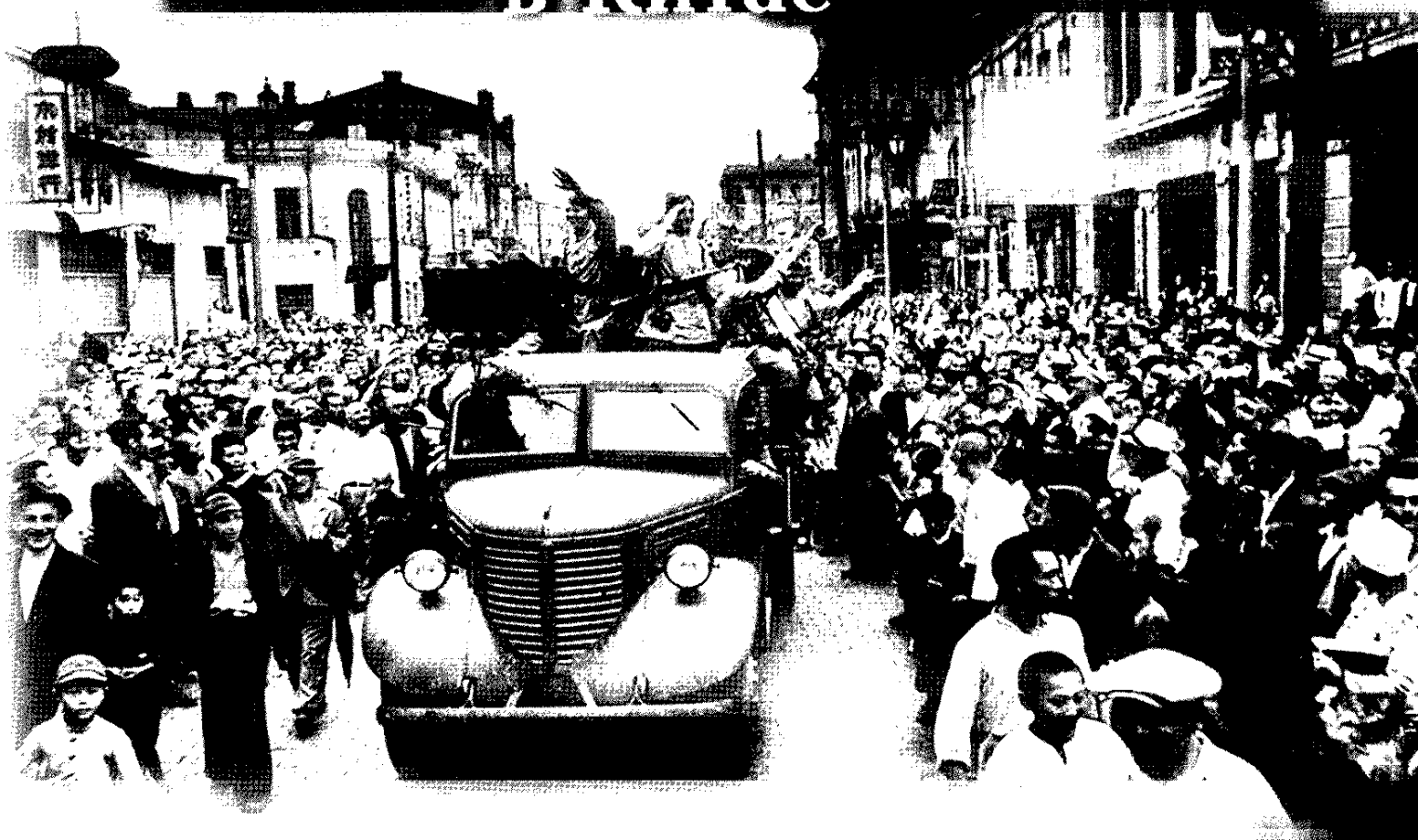
Н.Н. Аблажей

С ВОСТОКА НА ВОСТОК
Российская эмиграция
в Китае

А. А. Аюлажей

С ВОСТОКА НА ВОСТОК

Российская эмиграция в Китае

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н.Н. АБЛАЖЕЙ

**С ВОСТОКА НА ВОСТОК
РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ**

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН В.А. Ламин

НОВОСИБИРСК
2007

УДК 94(47):314
ББК 63.3(2)6-27
А15

Утверждено в печать
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты
член-корреспондент РАН Б.В. Базаров,
доктор исторических наук Е.Г. Водичев,
доктор исторических наук С.А. Красильников

Аблажей Н.Н.

А15 С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей; отв. ред. В.А. Ламин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

ISBN 978-5-7692-0929-1

Издание осуществлено при содействии
Американского совета научных сообществ (ACLS)
и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Монография посвящена истории российской эмиграции в Китае в XX в., представленной выходцами из Российской империи и СССР. На фоне политической и экономической истории двух стран исследуются закономерности и факторы формирования, трансформации и распада эмигрантского сообщества. Впервые привлеченные материалы позволили установить масштабы эмиграции и реэмиграции, раскрыть специфику адаптации мигрантов, показать процесс советизации белой эмиграции. Существенное внимание в работе уделено анализу репрессивной политики в отношении реэмигрантов и использования их труда в СССР.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг лиц, интересующихся историей эмиграции в Китае и политических репрессий в СССР.

УДК 94(47):314
ББК 63.3(2)6-27

ISBN 978-5-7692-0929-1

© Аблажей Н.Н., 2007
© Институт истории СО РАН, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)	15
1.1. Факторы и императивы миграции из Российской империи в Китай	17
1.2. Территории расселения	32
1.3. Регулирование внешних миграций в Советской России	50
1.4. Белая эмиграция и советская колония	69
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ЭМИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА (КОНЕЦ 20-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 40-х ГОДОВ)	84
2.1. Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия	85
2.2. Продажа КВЖД и репатриация советского персонала дороги	96
2.3. Карательная политика в отношении харбинцев и других групп репатриантов	115
2.4. Эмиграция в период японской оккупации Маньчжурии	138
ГЛАВА 3. АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РЕПАТРИАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-х ГОДОВ)	150
3.1. Послевоенная реэмиграционная политика Советского Союза	151
3.2. Советизация эмигрантского сообщества в Китае	158
3.3. Репатриация советских граждан из Китая в первые послевоенные годы	172
3.4. Репрессивные кампании и использование труда реэмигрантов	185
ГЛАВА 4. РАСПАД ДИАСПОРЫ И ИНТЕГРАЦИЯ РЕПАТРИАНТОВ В СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-х – НАЧАЛО 60-х ГОДОВ)	196
4.1. Репатриационная политика СССР в эпоху «великой дружбы» с Китаем	197
4.2. Сокращение советской колонии в КНР	207
4.3. Репатриация советских граждан из Маньчжурии и Синьцзяна	219
4.4. Экономическая и социокультурная адаптация репатриантов из Китая в СССР	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
ПРИМЕЧАНИЯ	247
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	274
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	286
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	293
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	296
ФОТОГРАФИИ	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 80-х – первой половине 90-х годов были рассекречены многие архивохранилища по новейшей российской истории, сняты сроки давности с материалов закрытого хранения. Историки получили возможность приступить к планомерному научному изучению прежде не исследованных тем и сюжетов. В полной мере это относится к документам, содержащим информацию по истории эмиграции и реэмиграции в СССР, на которых еще недавно стояли грифы «секретно» и «совершенно секретно». В советском обществе секретность выступала как особый социальный институт, а секретные отделы и части, предназначенные для защиты информации, существовали на всех уровнях государственной и политической власти. Не менее важно и то обстоятельство, что рассекречивание архивов позволило вывести изучение многих сюжетов из плоскости публицистики на научный уровень. Вместе с тем из-за незавершенности рассекречивания российских архивных фондов у исследователей сохраняются серьезные трудности: они на каждом шагу сталкиваются со значительным массивом документов, которые до сих пор находятся в фондах секретного делопроизводства.

Все эти трудности не стали непреодолимым препятствием для подготовки настоящей книги. Их удалось преодолеть за счет привлечения новых материалов, ранее не вводившихся в научный оборот. Автор видел свою задачу в том, чтобы в максимальной степени опереться на документально подтвержденные факты и события, избегая характерных для многих публицистических работ домыслов и умозрительных конструкций.

В центре внимания книги – история российской диаспоры в Китае в XX в., представленной выходцами из Российской империи и СССР. На фоне политической и экономической истории двух стран исследуются закономерности и факторы образования, трансформации и распада эмигрантского сообщества. Книга охватывает период от начала массовой эмиграции из России, связанной с событиями Первой мировой и Гражданской войн, до репатриации во второй половине 50-х – начале 60-х годов. В ряде случаев в текст включены экскурсы и в другие исторические периоды.

В сущности, в книге предпринята попытка обобщающего исследования феномена российской диаспоры в Китае, которое осуществлено посредством изучения межгосударственной миграции, структуры эмигрантского сообщества, коллективного менталитета диаспоры и процессов этнокультурной адаптации. Через историю диаспоры прослеживаются судьбы полумиллиона эмигрантов из Российской империи и СССР, занесенных в Китай событиями первой трети XX в., и их потомков. На страницах книги представлена панорама человеческих судеб на протяжении полувековой истории российского эмигрантского сообщества в Китае, прослеживаются судьбы тех, кто принял решение навсегда остаться в Китае, вторично эмигрировать либо вернуться на историческую родину.

Такая постановка проблемы потребовала от автора исследовать комплекс задач, выдвинув несколько рабочих гипотез. Предстояло разработать категориальный аппарат, адекватный задаче изучения диаспоры и межгосударственных миграций. Несмотря на то что миграционные процессы являются предметом исследования экономической и исторической демографии, межгосударственные миграции до сих пор остаются малоизученными. Не существует не только методологии и методики изучения эмиграции и реэмиграции, – нет даже приблизительных количественных оценок масштабов безвозвратной миграции русскоязычного населения в Азию (в отличие от исследований трудовой миграции из России в Америку в начале XX в.) и количественных оценок реэмиграции.

В последнее время в отечественной и зарубежной (казахстанской и китайской) историографии усилилось внимание к истории отдельных этнических групп (ирригент и диаспор). Исследования диаспор и ирригент занимают одно из приоритетных мест в западной историографии, в частности в конфликтологии, истории международных отношений и этнической истории. Несмотря на значительный массив работ, посвященных российской диаспоре в различных странах, в том числе в Китае, следует отметить приоритетность в указанной сфере подходов, относящихся в политической истории, и крайне фрагментарное отражение социально-экономических, демографических и этнических аспектов истории выходцев из России в этой стране. Существуют отдельные исследования по истории казахской и тувинской диаспор в Китае, однако данная тема нуждается в дальнейшей разработке. Несколько обособленно на этом фоне выглядит активное изучение этнической специфики Синьцзяна и Маньчжурии в трудах отечественных и китайских исследователей, которые посвящены демографическим аспектам развития национальных меньшинств Китая.

При изучении эмиграционного движения автор опирался на следующие представления. Интенсивная миграция в Китай в начале XX в. явилась следствием колониальной политики Российской империи в Азии и инерционным продолжением территориального роста России. Политические катаклизмы периода российской смуты усилили миграционное движение, внутренняя логика которого была уже определена. Попытки экспортировать коммунизм в Азию стали вариантом «советского» колониализма. Ситуация радикально изменилась после Второй мировой войны и образования КНР, что предопределило передачу Китаю собственности, ранее принадлежавшей России и Советскому Союзу, и вывоз русскоязычного населения из страны.

Российское эмигрантское сообщество представляло собой диаспору классического типа (а не транснациональную общность, как большинство современных диаспор), в которой доминировали этнический и национально-государственный компоненты, был ярко выражен набор характеристик диаспоры. Несмотря на то что данное сообщество в течение долгого времени представляло собой устойчивую совокупность, в его внутренней эволюции преобладали деструктивные факторы, и после того как прекратился приток населения из страны-донора, она была обречена на исчезновение.

Следует затронуть вопрос и об эффективности советской миграционной политики. Можно предположить, что запрет на эмиграцию из СССР, с одной стороны, привел к всплеску нелегальной миграции, а с другой – разрушил многосторонние связи и контакты приграничного населения, способствовал формированию того самого «железного занавеса», который изолировал СССР от остального мира. При оценке экономической целесообразности реэмиграции в ряде случаев вызывают недоумение соотношение затрат, понесенных на возвращение населения в страну и последовавшие репрессии. У исследователей советского тоталитаризма нет однозначного ответа на вопросы о логике советской репрессивной политики и эффективности экономики, основанной на плановом распределении трудовых ресурсов.

Нам предстояло реконструировать модели адаптации эмигрантов в инокультурной среде и реэмигрантов на исторической родине. Поскольку практически любое культурное окружение стремится к интеграции и ассимиляции эмигрантов, было необходимо выяснить, привела ли массовая эмиграция из России к межкультурному диалогу в условиях Китая или, наоборот, обострила конфликт культур. Можно предположить, что на протяжении нескольких десятилетий существования диаспоры в усло-

виях китайской культуры размывания российской культурной идентичности не произошло. Более того, ее устойчивость обеспечила воспроизводство культуры, способствуя тем самым переносу и западных ценностей. Адаптация же эмигрантов в рамках существующей переселенческой группы или национального меньшинства позволила избежать маргинализации. Именно невозможность полностью отказаться от рефлексии собственной культурной идентичности и преимущественная адаптация не в национальных структурах, а в структуре диаспоры во многом предопределили возвращение эмигрантов на историческую родину и безболезненность реинтеграции.

Не исключено, что в рамках работы, посвященной исследованию миграционных процессов и истории диаспор, можно было бы поставить и более широкие цели. С теоретической точки зрения имело бы смысл подробнее остановиться на сюжетах, связанных с пограничной миграцией, дать характеристику основных этнических групп, составляющих российскую диаспору, осуществить оценку социально-экономических последствий межгосударственной миграции. Однако достижение этих целей на данном этапе не представляется возможным, в первую очередь из-за ограниченности документальной базы такого рода исследования.

Работа состоит из четырех глав. В первой главе «Формирование российской эмиграции в Китае» исследуются факторы и императивы миграционного движения в Китай из восточных и центрально-азиатских районов Российской империи (позднее – СССР) в первой четверти XX в. Показана роль России в хозяйственном освоении Маньчжурии, описываются основные направления хозяйственной деятельности российских граждан в Китае. Даются количественные и качественные характеристики эмиграционных потоков, связанных с национально-освободительным движением в Средней Азии в 1916 г., завершением Гражданской войны сначала на Урале и в Сибири, затем на Дальнем Востоке, характеризуются территории компактного расселения эмигрантов. Описываются изменения в правовом статусе российских переселенцев и беженцев в связи с развалом Российской империи и созданием СССР, анализируются особенности разработанных в СССР института гражданства и основ миграционной политики. Показывается, что сложившаяся правовая коллизия в отношении национально-государственного статуса перемещенного населения во многом способствовала разделению диаспоры на две противоположные политические составляющие: белую эмиграцию и советскую колонию.

Во второй главе «Эволюция эмигрантского сообщества» описаны два взаимосвязанных этапа истории эмиграции: период совместного совет-

При изучении эмиграционного движения автор опирался на следующие представления. Интенсивная миграция в Китай в начале XX в. явилась следствием колониальной политики Российской империи в Азии и инерционным продолжением территориального роста России. Политические катаклизмы периода российской смуты усилили миграционное движение, внутренняя логика которого была уже определена. Попытки экспортировать коммунизм в Азию стали вариантом «советского» колониализма. Ситуация радикально изменилась после Второй мировой войны и образования КНР, что предопределило передачу Китаю собственности, ранее принадлежавшей России и Советскому Союзу, и вывоз русскоязычного населения из страны.

Российское эмигрантское сообщество представляло собой диаспору классического типа (а не транснациональную общность, как большинство современных диаспор), в которой доминировали этнический и национально-государственный компоненты, был ярко выражен набор характеристик диаспоры. Несмотря на то что данное сообщество в течение долгого времени представляло собой устойчивую совокупность, в его внутренней эволюции преобладали деструктивные факторы, и после того как прекратился приток населения из страны-донора, она была обречена на исчезновение.

Следует затронуть вопрос и об эффективности советской миграционной политики. Можно предположить, что запрет на эмиграцию из СССР, с одной стороны, привел к всплеску нелегальной миграции, а с другой – разрушил многосторонние связи и контакты приграничного населения, способствовал формированию того самого «железного занавеса», который изолировал СССР от остального мира. При оценке экономической целесообразности реэмиграции в ряде случаев вызывают недоумение соотношение затрат, понесенных на возвращение населения в страну и последовавшие репрессии. У исследователей советского тоталитаризма нет однозначного ответа на вопросы о логике советской репрессивной политики и эффективности экономики, основанной на плановом распределении трудовых ресурсов.

Нам предстояло реконструировать модели адаптации эмигрантов в инокультурной среде и реэмигрантов на исторической родине. Поскольку практически любое культурное окружение стремится к интеграции и ассимиляции эмигрантов, было необходимо выяснить, привела ли массовая эмиграция из России к межкультурному диалогу в условиях Китая или, наоборот, обострила конфликт культур. Можно предположить, что на протяжении нескольких десятилетий существования диаспоры в усло-

виях китайской культуры размывания российской культурной идентичности не произошло. Более того, ее устойчивость обеспечила воспроизводство культуры, способствуя тем самым переносу и западных ценностей. Адаптация же эмигрантов в рамках существующей переселенческой группы или национального меньшинства позволила избежать маргинализации. Именно невозможность полностью отказаться от рефлексии собственной культурной идентичности и преимущественная адаптация не в национальных структурах, а в структуре диаспоры во многом предопределили возвращение эмигрантов на историческую родину и безболезненность реинтеграции.

Не исключено, что в рамках работы, посвященной исследованию миграционных процессов и истории диаспор, можно было бы поставить и более широкие цели. С теоретической точки зрения имело бы смысл подробнее остановиться на сюжетах, связанных с пограничной миграцией, дать характеристику основных этнических групп, составляющих российскую диаспору, осуществить оценку социально-экономических последствий межгосударственной миграции. Однако достижение этих целей на данном этапе не представляется возможным, в первую очередь из-за ограниченности документальной базы такого рода исследования.

Работа состоит из четырех глав. В первой главе «Формирование российской эмиграции в Китае» исследуются факторы и императивы миграционного движения в Китай из восточных и центрально-азиатских районов Российской империи (позднее – СССР) в первой четверти XX в. Показана роль России в хозяйственном освоении Маньчжурии, описываются основные направления хозяйственной деятельности российских граждан в Китае. Даются количественные и качественные характеристики эмиграционных потоков, связанных с национально-освободительным движением в Средней Азии в 1916 г., завершением Гражданской войны сначала на Урале и в Сибири, затем на Дальнем Востоке, характеризуются территории компактного расселения эмигрантов. Описываются изменения в правовом статусе российских переселенцев и беженцев в связи с развалом Российской империи и созданием СССР, анализируются особенности разработанных в СССР института гражданства и основ миграционной политики. Показывается, что сложившаяся правовая коллизия в отношении национально-государственного статуса перемещенного населения во многом способствовала разделению диаспоры на две противоположные политические составляющие: белую эмиграцию и советскую колонию.

Во второй главе «Эволюция эмигрантского сообщества» описаны два взаимосвязанных этапа истории эмиграции: период совместного совет-

ско-китайского управления КВЖД и активной деятельности Коминтерна и период японской оккупации Маньчжурии и существования Маньчжоу-Го. Рассматривается политика японских оккупационных властей по отношению к белой эмиграции, фиксируются ее последствия – трансформация общественных институтов диаспоры и изменение правового положения лиц, ранее имевших советское гражданство, но не возвратившихся в СССР. Описываются две волны реэвакуации советского населения из Китая: в 1929 г. в связи с советско-китайским конфликтом и в 1935 г. после продажи КВЖД. Наряду с возвратной миграцией в СССР на рубеже 20–30-х годов, анализируется массовая нелегальная эмиграция населения советского приграничья в Китай, вызванная коллективизацией и голодом. Особое место в главе занимает анализ карательной политики в отношении харбинцев и других групп реэмигрантов, которая осуществлялась на протяжении всех 20–30-х годов и пик которой пришелся на период «большого» террора.

В третьей главе «Азиатский вектор репатриационной политики СССР» анализируется реэмиграционная политика Советского Союза в послевоенный период. Даются количественные оценки масштабов послевоенной советизации белоэмигрантского сообщества в Китае, двух волн репатриации: принудительной 1945 г. и добровольной 1947 г. Значительное внимание уделено использованию труда реэмигрантов в послевоенной экономике СССР и репрессивным кампаниям второй половины 40-х – начала 50-х годов.

В четвертой главе «Распад диаспоры и интеграция репатриантов в советское общество» детально описываются подготовка и ход репатриации 1954–1961 гг. Показаны поэтапное сокращение советской колонии по всем регионам КНР, ликвидация общественных и экономических организаций, структур самоуправления диаспоры. Серьезное внимание уделено внешнеполитическим аспектам, двустороннему сотрудничеству КНР и СССР по реализации планов выезда из Китая лиц, получивших советское гражданство, а также последствиям репатриации для обеих стран. Особый акцент сделан на особенностях экономической и социокультурной адаптации репатриантов к советским условиям.

Для исследования эмиграционных и реэмиграционных процессов, проходивших в XX в. между Россией и Китаем, были использованы разнообразные источники, среди которых можно выделить опубликованные материалы и архивные документы. Их можно классифицировать по следующим группам: 1) законодательные акты в сфере гражданства и миграционной политики, в том числе в сфере эмиграции и реэмиграции;

2) распорядительные документы центральных и местных органов власти, включая ведомственную документацию; 3) статистика; 4) массовые источники периода репрессий, в том числе следственные и фильтрационные дела; 5) периодическая печать; 6) мемуары.

На основании имевшихся в нашем распоряжении юридических документов были реконструированы ключевые аспекты миграционного законодательства Российской империи (СССР) и Китая (КНР), выявлены происходившие в нем изменения, прежде всего в таких сферах, как натурализация, иммиграция, эмиграция и реэмиграция. Интерес представляли также законодательные акты по вопросам опаций, гражданства и политических амнистий. Однако на основании только изданных государством законов невозможно в полном объеме представить динамику советской миграционной политики. Этот блок источников необходимо рассматривать во взаимосвязи с обширной директивной документацией различных руководящих, государственных и партийных инстанций. Анализ законодательства Китая в сфере гражданства наряду с анализом конвенций Лиги Наций и ООН, регулировавших международно-правовые вопросы гражданства и статус беженцев из России и СССР, позволил оценить условия натурализации апатридов в Китае и проследить изменения в их правовом положении на протяжении первой половины XX в.

Изучение директивных материалов руководящих государственных и партийных инстанций помогло выявить основные направления политики в отношении реэмигрантов и механизм ее реализации как в центре, так и на местах. Среди директивных материалов особо следует выделить документы партийных органов. Весьма ценную информацию содержат материалы особых папок Политбюро «по КВЖД», «по Маньчжурии» и «по Синьцзяну», включающие, в частности, директивы, на основании которых НКВДом были приняты основные внешнеполитические решения, в том числе касавшиеся КВЖД. Именно в фондах региональных органов ВКП(б) – КПСС отложились обширные доклады, подготовленные региональными управлениями НКВД – КГБ. В них отражена ситуация в российско-китайском пограничье, дается информация о фактах нарушений государственной границы, контрабанды и бандитизма, о политическом состоянии населения приграничных территорий и его связях с населением сопредельных государств, о причинах выселения из пограничной полосы, об оперативном обслуживании реэмигрантов. В таких документах раскрываются мотивы и тактика проведения кампаний по «изъятию антисоветского населения», механизм репрессий в отношении харбинцев и других «контрреволюционных элементов».

К директивным материалам относятся постановления и распоряжения союзного и республиканских правительств о репатриации и перемещениях населения, документация специальных переселенческих управлений, отделов и беженских комиссий при центральном правительстве и региональных органах власти. В центральных архивах широко представлена отчетная документация по итогам послевоенной репатриации, в том числе имеется значительный комплекс документов по репатриации из Китая. В меньшей степени представлены материалы по репатриации 20–30-х годов. Эти документы в целом позволяют судить о специфике оперативной работы по репатриации, о численности реэмигрантов и их распределении по территории страны. Богатый фактический материал содержится в региональных архивах, где в фондах исполкомов отложилось делопроизводство областных, краевых или республиканских переселенческих отделов и отделов переселения и организованного набора (оргнабора), что позволило восстановить численность репатриантов в каждом конкретном регионе и выявить комплекс мероприятий местных властей по реализации государственной репатриационной политики. Среди региональных архивных собраний встречаются богатые фонды переселенческих отделов, материалы которых как раз и дали возможность реконструировать важнейшие аспекты деятельности местных властей по размещению и обустройству граждан, прибывших из-за границы в порядке реэмиграции. Следует также отметить, что в ряде регионов подобного рода документы по-прежнему находятся в секретных отделах архивов: работа по их рассекречиванию завершена далеко не везде. В совокупности материалы из фондов партии и исполнительной власти приграничных с Китаем регионов содержат разнообразную по характеру документацию об эмиграционном и реэмиграционном движении 20–50-х годов.

Что касается статистических материалов, то в досоветский период российской статистикой фиксировались наиболее масштабные переселения за рубеж. Велся также учет прибывших из-за рубежа и убывших за рубеж, отслеживалась динамика миграции на азиатской границе. В отношении советского периода представляется весьма проблематичным говорить о статистике эмиграции и иммиграции. Хотя вопросами межгосударственной миграции в 20–30-е годы занимались специализированные статистические структуры, даже в их материалах информация об эмиграции из СССР отдельных национальных групп представлена лишь частично. Отсутствует целостная картина внешней миграции населения. Между тем материалы министерств иностранных и внутренних дел, региональ-

ных органов исполнительной власти свидетельствуют о высокой миграционной активности населения в Советском Союзе, сохранявшейся вопреки жесткой эмиграционной политике. К сожалению, ограниченность источниковой базы, обусловленная неполнотой статистических данных об эмиграции и реэмиграции в советский период, не позволила дать количественную картину эмиграции и репатриации на протяжении всего XX в.

Среди ведомственной делопроизводственной документации особо хотелось бы остановиться на документах НКВД – МВД и НКВД – КГБ СССР. Изучение различных материалов специального делопроизводства позволяет проанализировать динамику политических репрессий как в целом, так и в отношении отдельных категорий репрессированных. Но надеждам историков на широкое использование и масштабное введение в научный оборот делопроизводственных документов НКВД не суждено было сбыться. Массовые источники по истории государственных репрессий по-прежнему малодоступны для исследователей. Тем не менее в данной работе удалось использовать значительное количество архивно-следственных и проверочно-фильтрационных дел.

В нашем распоряжении оказались отдельные уголовно-следственные дела репрессированных харбинцев и реэмигрантов, осужденных в 20–40-х годах по политическим мотивам, хранящиеся в ряде региональных архивов ФСБ, а также в региональных государственных архивах, поскольку в отдельных субъектах РФ следственные дела переданы в специальные архивы административных органов. Следует отметить, что в наибольшей степени ограничен доступ именно к следственным делам, переданным на хранение в государственные архивы, что связано с различиями в толковании Положения об использовании уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел.

Следственные дела содержат богатейший материал по истории репрессий, и при соответствующей статистической обработке у исследователей появляются большие возможности для изучения особенностей советского судопроизводства, в том числе для реконструкции следственных действий и механизма внесудебных фальсификаций периода «большого террора». Следует констатировать, что подавляющее большинство следственных дел в отношении харбинцев и реэмигрантов фальсифицировано. Тем не менее во многих случаях они содержат ценную информацию биографического характера, в том числе и о событиях периода эмиграции. Наибольшую ценность для нашего исследования представ-

ляли данные о механизме репрессий, а также о мотивах и технологии фальсификации. Анализ архивно-следственных дел позволяет говорить о нескольких волнах террора в отношении перебежчиков, харбинцев и реэмигрантов, самая масштабная из которых имела место в рамках так называемой «харбинской операции» 1937–1938 гг. Но даже при условии доступности значительного массива следственных дел необходимо расширение источниковой базы. Поскольку в массе своей большинство материалов из архивов карательных органов для нас было недоступно, для оценки масштабов репрессий в отношении харбинцев в монографии использована сводная информационно-аналитическая документация, любезно предоставленная обществом «Мемориал».

Важнейшим массовым источником для нашего исследования стали фильтрационные дела, являющие собой разновидность материалов специального делопроизводства НКВД–КГБ. Данные материалы находились на хранении в областных управлениях, которые частично передали эти материалы в виде особых фильтрационных фондов в региональные государственные архивы. Среди многомиллионного массива проверочно-фильтрационных (фильтрационно-следственных) дел периода 20–50-х годов, большую часть из которых составляют материалы на военнопленных и перемещенных лиц периода Второй мировой войны, имеются документы на реэмигрантов разных лет, в том числе на реэмигрантов из Китая. Большинство этих документов рассекречено, но в ряде случаев и здесь приходилось сталкиваться с ограничениями в доступе и использовании.

Проверочно-фильтрационные дела в своей массе незначительны по объему, имеют типовую структуру и персональный характер. В 20–30-е годы фильтрационные дела оформлялись преимущественно на перебежчиков из Восточной Европы, однако имеется небольшой блок дел на перебежчиков, нелегально перешедших советско-китайскую границу. Для второй половины 40-х годов можно выделить фильтрационные дела лиц, захваченных на территории Китая сотрудниками «Смерша», и реэмигрантов, добровольно приехавших в СССР из различных государств, в том числе из Китая, по послевоенной репатриационной программе. Фильтрационные дела второй половины 50-х годов составлены на репатриантов, прибывших в СССР из Китая и ряда стран Восточной Европы. Данные дела позволяют выявить специфику фильтрации для различных категорий репатриантов.

Исключительную значимость для исследования имели документы НКВД – МИД СССР. Доклады советских консульств 20–50-х годов, сконцентрированные в фондах «Референтура по Маньчжурии» и «Референту-

ра по Китаю» Архива внешней политики Российской Федерации, позволили осветить различные аспекты межгосударственных отношений СССР и Китая, дать развернутую социально-политическую характеристику как советской колонии, так и белой эмиграции. Благодаря высокой информативности консульских отчетов и агентурных материалов удалось определить численность эмиграции и масштабы реэмиграции, правовое и социально-экономическое положение диаспоры. Данный вид источников логично дополняют партийные материалы, документы Коминтерна, советских военных формирований, участвовавших в военных операциях на территории Синьцзяна. Отдельную группу материалов составили отчеты пограничных войск ОГПУ периода советско-китайского конфликта 1929 г., хранящихся в Центральном архиве ФСБ РФ.

В работе широко использовались источники мемуарного характера, отражающие различные периоды развития эмигрантского сообщества и советской колонии в ряде районов Китая. Часть мемуаров издана еще в период эмиграции, в 20–40-е годы, другие – уже в 90-е годы в России. Среди опубликованных мемуаров доминируют воспоминания, посвященные харбинской ветви эмиграции. На порядок меньше документальных свидетельств по истории эмиграции в Синьцзяне. На Западе публиковались в основном мемуары шанхайцев. К этой группе источников также относятся неопубликованные и опубликованные воспоминания бывших эмигрантов из Китая. На сегодня подобные документальные коллекции имеются во многих региональных архивах. Они представлены в личных фондах реэмигрантов, часто входят в структуру материалов, характеризующих деятельность харбинских организаций и ассоциаций, пик деятельности которых пришелся на конец 80-х – 90-е годы. Пополнение этих коллекций идет преимущественно за счет семейных архивов бывших реэмигрантов и архивов харбинских обществ, где сосредоточены материалы личного характера и фотодокументы. Мемуаристика широко представлена также в изданиях харбинских обществ и в региональной прессе.

Данную группу источников логично дополняют фокусированные интервью, проведенные автором в ходе личных встреч с репатриантами разных лет. Они представляют собой самостоятельный исторический источник, позволяющий восстановить биографию респондента, выявить специфику различных периодов репатриации. В целом источники мемуарного характера позволили рассмотреть вопрос о гуманитарных последствиях эмиграции и реэмиграции.

В работе широко использовались эмигрантские периодические издания, выходившие в Китае в 20–40-х годах, прежде всего крупнейшие

харбинские газеты, содержащие обширную информацию о жизни и деятельности эмигрантского сообщества Китая. Кроме того, широко привлекались советские и просоветские периодические издания, также выходившие на территории Китая в 20–40-е годы. Особо следует упомянуть о сводных обзорах эмигрантской прессы, которые содержатся в фондах НКВД, НКВД, ЦК ВКП(б) и имеют различное происхождение. Наиболее часто встречаются еженедельные издания, публиковавшиеся информационным отделом ЦК ВКП(б), тематические подборки, подготовленные по текущим материалам эмигрантской прессы спецслужбами или зарубежными отделами ТАСС.

Фотодокументы по истории репатриации из Китая частично отложились в собрании Центрального государственного архива кино- и фото документов, а также в коллекциях Дальневосточного отдела МИД и Управления по делам репатриации. Большая часть фото документов, представленных в монографии, обнаружена в частных архивах и материалах следственных дел.

Документальную основу книги составили материалы частных и архивных коллекций. В этой связи автор хотел бы выразить свою благодарность архивным работникам и всем, кто оказал помощь в подготовке книги. Необходимо также упомянуть о финансовой и институциональной поддержке, которую обеспечили при работе над книгой Американский совет научных сообществ (American Council of Learned Societies) и Российский гуманитарный научный фонд.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

Русская (российская) послереволюционная диаспора – сложное полиэтничное и поликультурное явление. Она многолика, ареалы ее расселения обширны, а этнокультурные составляющие характеризуются обычно как уникальный исторический феномен XX в. В постсоветский период подобная трактовка стала общепринятой как в сфере обывденного сознания, так и в научной среде. С другой стороны, практически отождествляются термины «этническое меньшинство» и «диаспора». Такое понимание проблемы предопределило и направленность большинства современных отечественных исследований.

Широкая распространенность процесса образования диаспор в мировой истории, появление «новых диаспор» в связи с глобализацией потребовали унификации и уточнения терминологии. Западная исследовательская традиция основывается на тезисе, что не все сообщества мигрантов, в том числе интегрированные этнические и религиозные общины, правомерно рассматривать как диаспоры. Социология в изучении диаспор фиксирует различие «трудовых» (сельскохозяйственных) и «мобилизованных» (культурных) диаспор, при этом считается, что последние обладают более высоким политическим, экономическим и организационным потенциалом. Стабилизация диаспор связана с замедлением миграционных процессов, расселением мигрантов и формированием институциональных основ эмигрантского сообщества. Такой подход представляется более адекватным при изучении диаспор конца XIX – первой половины XX в., поскольку позволяет, во-первых, описать становление и развитие институтов жизнедеятельности сообществ, ставших диаспорами в различные периоды их существования, а во-вторых, выявить их этнокультурную специфику.

Появление российской диаспоры в Китае тесно связано с демаркацией границы и колониальной политикой Российской империи. К середине XIX в. в российско-китайских отношениях накопилось много проблем в области пограничного размежевания и развития торговли. Гражд-

данская война серьезно ослабила Цинскую империю, а «опиумные войны» положили конец политике самоизоляции. Открытие китайских портов для иностранной торговли и широкая экономическая экспансия западных держав вызвали активизацию дальневосточной и центрально-азиатской политики России. В результате подписания Агунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров была определена восточная часть границы между Россией и Китаем и намечена западная. Петербургский договор (1881 г.) установил среднеазиатскую границу, урегулировав статус Илийского края, который вошел в состав вскоре образованной китайской провинции Синьцзян. Окраинные территории цинского Китая (Урянхай и Внешняя Монголия) представляли собой буферные зоны, ставшие эпицентрами политической активности как для Китая, так и для России. Судьбы больших и малых народов приграничья находились в прямой зависимости от динамики и особенностей взаимоотношений двух стран.

Российская империя, приступив к хозяйственному освоению периферийных территорий, расширила масштабы политического и экономического проникновения в Центральную Азию и на зарубежный Дальний Восток. До этого Россия довольствовалась лишь тем, что с 1858 г. (Тяньцзинский договор) наряду с западными державами получила право на ведение коммерции морским путем через открытые для иностранной торговли порты. Как и другие западные страны, она получила право назначать в такие порты своих консулов. Российским подданным, равно как и другим иностранцам, в открытых городах Китая разрешалось заниматься торговлей и прочими видами экономической деятельности. Россияне имели право экстерриториальности, так как находились под юрисдикцией российских законов. В конце XIX в. Россия получила две концессионные территории в городах Северного Китая (Ханькоу и Тяньцзин). Еще Кяхтинский договор (1727 г.) закрепил согласие китайских властей на пребывание в Пекине Российской духовной миссии. К концу столетия в Центральном Китае и Синьцзяне Россия имела значительную сеть консульских структур.

Благодаря серии арендных и концессионных соглашений в конце XIX – начале XX в. Российской империи удалось «выторговать» у Китая режим наибольшего благоприятствования на северо-востоке страны, в Маньчжурии, потеснив на время своего основного конкурента – Японию. В августе 1896 г. был подписан договор о постройке и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а арендованная на 80 лет территория, по которой должна была пройти железнодорожная магистраль, представляла собой «полосу отчуждения», или концессию.

В зоне полосы отчуждения КВЖД создавались благоприятные тарифный и таможенный режимы, предоставлялись право транзита войск как в военное, так и в мирное время, по российскому образцу формировалась система управления территорией. По договору от марта 1898 г. Россия получила в аренду на 25 лет южную часть Ляодунского полуострова с правом создания там военно-морских баз. В июне 1898 г. получена концессия на строительство южной ветки КВЖД в Южной Маньчжурии. В начале XX в. Россия сумела заключить дополнительные концессионные договоры на добычу на территории Маньчжурии полезных ископаемых и разработку лесных угодий. В полосе отчуждения КВЖД российские подданные обладали правом экстерриториальности. Японии к этому времени удалось получить лишь селтльменты в Северном Китае. В Маньчжурии ее позиции оказались ущемлены. Однако и сам Китай с начала XX столетия активизировал колониционную политику на северо-востоке, последовательно проводя в жизнь принципы закрепления границ и доминирования в Маньчжурии.

Поражение России в Русско-японской войне привело к потере военных баз и южной ветки дороги; страна полностью лишилась Южной Маньчжурии. Серия русско-японских конвенций разделила территорию Северо-Восточного Китая на сферы влияния. Влияние России распространялось на западную и северную части Маньчжурии, Япония доминировала во Внутренней Монголии. В 1907 г. Россия открыла свои консульства по линии КВЖД и в Южной Маньчжурии. В годы Первой мировой войны Россия сумела отстоять свои приоритеты в Северной Маньчжурии, Внешней Монголии и Урянхае. Япония, в свою очередь, добилась от Китая расширения своих привилегий в Маньчжурии и Внутренней Монголии, и теперь они были аналогичны российским. Революция 1911 г. в Китае завершилась свержением монархии и созданием республики. Спустя шесть лет изменилась политическая система и в России. Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала начало функциональных изменений в двусторонних отношениях.

1.1. Факторы и императивы миграции из Российской империи в Китай

Миграционные потоки в Китай из России конца XIX – первой четверти XX в. были весьма разнообразны по своему социально-экономическому, демографическому и этническому составу. Существенно разли-

чались и факторы перемещений населения. Развитие двусторонних связей между Россией и Китаем стимулировало межгосударственную миграцию. В структуре возвратных миграций доминировала приграничная миграция, преимущественно маятниковая и сезонная. Часть миграционных потоков приобрела долговременный и безвозвратный характер. Эмиграция была вызвана демаркацией границы, хозяйственным освоением Маньчжурии, реакцией этнических групп российского приграничья на колонизацию окраин, национальными движениями, революцией и Гражданской войной.

В целом демаркация границы, проведенная по естественным рубежам, не привела к нарушению единства приграничных территорий России и Китая. Граница между Российской империей и Китаем являлась самой протяженной сухопутной границей в мире: ее длина равнялась примерно 8 тыс. верст¹. В течение двух столетий форпостом торговли с Китаем и миграции на его северо-восток была территория Забайкалья. Сезонные приграничные перемещения были связаны преимущественно с национальными особенностями ведения хозяйства, такими как кочевое скотоводство, а маятниковая миграция обуславливалась торговлей и отходничеством населения. Приграничные регионы имели значительное сходство в социально-экономическом развитии. Многообразный характер связей определялся взаимозависимостью этих территорий, контакты осуществлялись как на уровне администрации регионов, так и самим населением. Развитие российских и китайских приграничных территорий базировалось на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. В основе приграничных коммуникаций лежали также сложившиеся этнические и родственные связи.

Хозяйственная деятельность России на границе с Маньчжурией регулировалась российско-китайскими межгосударственными договорами, которые регламентировали производство и приграничную торговлю для подданных обоих государств. Это касалось населения, проживавшего вдоль рек Уссури, Амур и Сунгари. Айгунский договор устранил территориальные ограничения в русско-китайской пограничной торговле, которая лежала в основе экономических отношений русского населения Дальнего Востока и Маньчжурии. Вся вторую половину XIX в. в полосе шириной в 50 верст по обе стороны русско-китайской границы она осуществлялась в режиме порто-франко (беспошлинно). Ужесточение таможенного режима началось в первые годы XX в., а спустя десятилетие по инициативе российской стороны беспошлинная торговля была окончательно ликвидирована. Помимо торговли в приграничном экономическом

сотрудничестве огромную роль играли сезонные сельскохозяйственные работы, аренда земли и промыслы. В результате разносторонних экономических контактов население пограничья имело налаженные хозяйственные, а также торговые и культурные связи.

Успешно развивались экономическое сотрудничество и торговля также в российско-синьцзянском пограничье. В Синьцзяне русский торговый капитал был широко представлен в крупных городах и селениях Западного Китая, таких как Дурбулджин, Шихо, Манас, Урумчи, Гучен, Хами, Чугучак и Кульджа². Доминировал он и в приграничной полосе, где российские подданные также имели право беспошлинной торговли. Заложенные российско-китайскими договорами условия пограничной торговли не пересматривались десятилетиями.

В структуре межгосударственного миграционного потока значительное место занимала этническая миграция, наиболее разнообразная по структуре и масштабам. Переселение ряда этнических групп в Монголию и Китай было вызвано комплексом национальных, социально-экономических, политических и религиозных причин. Перемещение через государственные и административные границы некоторых этносов обуславливалось тем, что эти границы не совпадали с этнической территорией. Наиболее распространенными были миграции крупных групп того или иного этноса, объединенных в кланы, роды, территориальные и религиозные общности, а в самом процессе перемещения доминировала цепная миграция, т.е. миграция какой-то части группы влекла за собой неизбежное скорое переселение и остальной ее части. Роль национального фактора в миграционном движении продолжала оставаться значительной на протяжении второй половины XIX в. и первой половины XX в.

Демаркация не решила всех проблем, связанных с принадлежностью и статусом пограничных территорий, определением подданства приграничного населения. После демаркации дальневосточной границы, последовавшей за подписанием Айгунского договора 1858 г., в западной части Зейско-Буреинской равнины по левому берегу Амура в период с 1858 по 1901 г. существовал район компактного оседлого проживания китайских подданных – так называемый маньчжурский клин, где насчитывалось несколько десятков поселков и заимок, заселенных китайцами, маньчжурами и даурами, численность которых существенно колебалась (от 7 до 15 тыс. чел.)³, а статус оставался неопределенным. Во второй половине XIX в. китайская сторона отстаивала свои права и на зазейский анклав, осуществляя здесь административный и налоговый контроль. Лишь в 1883 г. экстерриториальность зазейских маньчжур была отменена. Ос-

новной отток китайцев из этого района происходил в 80–90-е годы XIX в. и был связан с обострением земельных споров между амурскими казаками и китайским земледельческим населением. В июле 1900 г. в ходе российско-китайского противостояния на Амуре в период восстания ихэтуаней (Боксерского восстания), приведшего к крупномасштабному военному конфликту в районе Благовещенска, Зазейский район был ликвидирован, китайские селения сожжены, часть жителей ушла в Китай, а остальные были уничтожены крестьянским ополчением. В ноябре 1901 г. земли Зазейского района отошли в распоряжение Амурского казачьего войска.

В конце XIX в. отмечались факты миграции из Южно-Уссурийского края в Китай российских подданных из числа корейского населения. С начала 60-х годов XIX в. началась корейская эмиграция в Южно-Уссурийский край, и в приграничье возник район компактного расселения. Самое крупное массовое переселение корейцев произошло в конце 1869 – начале 1870 г., когда из-за неурожая и последовавшего затем голода в провинции Хамгён в край перешло 7 тыс. корейцев. Корейские и китайские власти требовали возвращения всех переселенцев. Российская сторона первоначально одобряла корейское переселение рассматривавшееся наряду с российской колонизацией как возможность освоить край. Приток корейцев быстро увеличивался, и это заставило русские власти заняться их расселением из пограничья в глубь края и на Амур, предпринять шаги, ограничивающие миграцию, и начать переговоры о возвращении части переселенцев. При уточнении государственной границы Китай заявил свои претензии на корейскую деревню Савеловку, которая была передана ему в 1886 г. Вопрос подданства корейского населения требовал решения. Согласно распоряжениям приамурских властей и в соответствии с Сеульской конвенцией 1884 г. корейские мигранты, прибывшие на территорию России до 1884 г., имели право на российское подданство и могли остаться в стране, прибывшим же позже указанного года предписывалось в течение двух лет вернуться на родину. Корейское население, имевшее российское подданство, было причислено к сословию государственных крестьян. В 1897 г. в Приамурском крае было зарегистрировано 13 тыс. корейцев, из которых около 10 тыс. чел. были признаны российскими подданными⁴.

Демаркация российско-китайской границы в районе Синьцзяна в 80-х годах XIX в., осуществленная после присоединения к Российской империи Средней Азии, привела к территориальному разделению казахского этноса. Установленная граница, определенная главным образом

по географическому признаку, фактически разделила казахов, проживавших в приграничье. На территории трех округов (Илийского, Тарбагатайского и Алтайского) китайской провинции Синьцзян остались кочевать 137 тыс. казахов.

По Петербургскому договору Россия возвращала Илийский край, за исключением небольшой западной части, где разрешалось селиться местным жителям, пожелавшим принять российское подданство. Предусматривалось также небольшое исправление границы в верховьях Черного Иртыша для размещения дунганских беженцев. В целом российские власти не приветствовали массовых миграций мусульман из Китая. Массовые откочевки дунган и уйгур из Синьцзяна имели место в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. (более 10 тыс. чел.) и в первой половине 80-х годов в связи с передачей Россией Илийского края Китаю (более 56 тыс. чел.)⁵.

Россия всегда была заинтересована в увеличении численности немусульманского населения в Средней Азии, поэтому содействовала миграции калмыков. В середине 60-х годов XIX в. их из Синьцзяна переселилось более 20 тыс. чел.⁶ Впоследствии часть калмыков приняла российское подданство, другие откочевали обратно в Синьцзян или переселились во Внутреннюю Монголию. Наблюдалось несколько волн миграции в Россию и китайских казахов. В конце 70-х годов XIX в. на Алтай в Чуйскую долину откочевало около тысячи семей казахов. Затем часть их была вытеснена в Китай, другие осели на русской территории, но российское подданство они получили лишь в конце XIX в. Откочевки казахов из Монголии имели место также в 1913 г., при этом некоторых беженцев выслали обратно, а другие смогли осесть в России.

Наиболее острым являлся вопрос об эмиграции казахов. Наряду с маятниковой сезонной миграцией в 80–90-е годы наметилась тенденция массового переселения казахов в Китай. Это движение было вызвано разделением этноса в ходе демаркации. Помимо этого, предоставление подданства Российской империи приграничному населению повлекло за собой распространение на него норм российского законодательства, рост налогов, а впоследствии и обострение земельного вопроса. Миграцию стимулировала нерешенность проблемы подданства казахского населения, проживавшего на территории Синьцзяна. Широко была распространена практика, когда переселенцы сохраняли российское подданство, платя налоги одновременно и России, и Китаю⁷.

В 1900 г. массовые откочевки казахов и уйгур в Синьцзян стали следствием голода, хотя уже в конце XIX в. российские военные власти в Тур-

кестане ужесточили свою позицию в отношении бегства казахов в Китай. В начале XX в. Совет министров, стремясь ограничить миграцию, принял решение исключать из русского подданства перебежчиков в Китай из Семиреченской и Семипалатинской областей – решение, которое распространялось в основном на уйгуров, казахов и дунган⁸. Вопрос о подданстве был урегулирован только в 1914 г., когда в ходе консультаций между китайскими властями Синьцзяна и русским консулом в Урумчи была достигнута соответствующая договоренность. Отправной точкой для определения подданства стала дата миграции: до или после июля 1911 г. – времени начала Синхайской революции в Китае. Переселенцы, прибывшие в Синьцзян до этой даты, становились китайскими подданными, тогда как мигранты, прибывшие позднее, возвращались в Российскую империю. Соглашение предусматривало также ежегодную репатриацию казахов из Синьцзяна, причем численность репатриантов могла достигать до 6 тыс. чел. Со своей стороны Китай, желая наладить учет казахского населения, провел серию административно-территориальных реформ в пограничных районах провинции Синьцзян.

Особый статус в составе Цинской империи имела территория Тувы. Во второй половине XIX – начале XX в. на территорию Урянхайского края, заселенную являвшимися подданными Китая сойотами и урянхайцами, наряду с русской колонизацией мигрировали и хакасы. В 1900 г. российское правительство приняло решение не выселять хакасов из Тувы⁹. Вне территории Урянхайского края тувинцы проживали в китайской части Алтая. В 1912 г. после выхода Внешней Монголии из-под контроля Пекина некоторая часть нойонов обратилась с просьбой о принятии в российское подданство. Летом 1914 г. Россия объявила протекторат над Тувой. Миграция тувинцев в китайскую часть Алтая и Монголию усилилась на рубеже 10–20-х годов: мигрировали в основном те, кто не принял революцию 1921 г. и советизацию Тувы.

Колонизация и переселение из Европейской России на периферийные территории обострили земельный и национальный вопросы на российских окраинах, заселенных титульными этническими группами. Русская колонизация Забайкалья привела к аграрному перенаселению и подстегнула эмиграцию бурят, преимущественно восточных, в Монголию и частично в Китай. Буряты Иркутской губернии и Забайкалья мигрировали главным образом во Внешнюю Монголию, незначительный поток шел дальше в Китай, Внутреннюю Монголию и Баргу. К началу Первой мировой войны туда переселилась почти треть агинских бурят¹⁰. Высокая миграционная активность наблюдалась и среди тунгусов

(современные эвенки), откочевывавших во Внутреннюю Монголию и Китай. Эмиграционное движение в приграничные районы происходило в период восстания 1900 г., когда тунгусское население Зейского района Иркутской губернии подверглось репрессиям со стороны казаков. Новая волна откочевки бурятского и тунгусского населения относится к периоду Первой мировой и Гражданской войн.

Интенсивный миграционный обмен вследствие аграрной колонизации наблюдался между Россией и Западным Китаем. В массовые переселения были вовлечены казахи, калмыки, киргизы, дауры, дунгане и таранчи. Активизация в начале XX в. миграции в Китай титульного населения из Казахстана и Средней Азии стала следствием переселенческой политики, обусловленной реализацией Столыпинской аграрной реформы. В результате реформы процесс изъятия у казахов-кочевников земли, считавшейся государственной собственностью, приобрел массовый характер, и к 1914 г. было изъято 40 млн десятин, что составило 20% общей земельной площади региона. Численность переселенцев из Европейской России за 50 лет составила почти 1,5 млн чел. Современные казахстанские исследователи склонны объяснять значительное сокращение численности казахов в первые два десятилетия XX в. их массовой эмиграцией в Китай. Они утверждают, что все казахское население Китая – это потомки мигрантов из Российской империи. Миграция 1902–1913 гг. в Китай и Внешнюю Монголию оценивается почти в 300 тыс. чел., что эквивалентно сокращению численности казахского населения Российской империи почти на 10%¹¹.

Новая волна этнических миграций из Российской империи в Китай относится к периоду Первой мировой войны и связана с национально-освободительным движением 1916 г. В годы войны на инородческое население страны была распространена всеобщая воинская повинность, предполагавшая, однако, и компромиссный вариант в виде призыва «на тыловые работы», что на практике означало массовые реквизиции скота. Последствием этого решения стала волна национальных выступлений по всей территории Российской империи. Кроме того, усугубились противоречия между коренным инородческим населением и русскими, в первую очередь казаками. Наиболее крупные волнения имели место в Средней Азии, Казахстане и Забайкалье.

В 1916 г. на территории Казахстана и Средней Азии вспыхнуло крупное национальное восстание. Помимо казахов в восстании участвовали уйгуры, узбеки, киргизы, дунгане и представители некоторых других народов Семиречья и Сырдарьинской области. Стихийные выступления

начались с июля, а пик восстания приходится на осень 1916 г. Восстание переросло в широкое национально-освободительное движение, которое приобрело организованный характер. Главными очагами восстания стали Семиречье и Торгайский край. Численность восставших составила около 50 тыс. чел. Для подавления восстания, продолжавшегося до декабря 1916 г., была привлечена регулярная армия. В результате восстания на туркестано-синьцзянской границе сложилась напряженная миграционная ситуация: помимо Семиречья и Туркестана эмиграционное движение захватило и Алтай. Первые откочевки начались в мае 1916 г., а наиболее массовый характер они приняли в августе–октябре. По данным российских военных властей, только из Семиречья в Китай откочевало свыше 150 тыс. чел.¹² Казахстанские исследователи оценивают миграционную волну 1916 г. в 300 тыс. казахов и киргизов¹³.

В разгар откочевки в августе 1916 г. с китайскими властями было достигнуто соглашение о недопущении беженцев в Синьцзян. Но соглашение носило скорее номинальный характер, так как китайская сторона не смогла противостоять нелегальной миграции. Граница на севере оказалась открытой, лишь власти Кашгарии предпринимали меры к ограничению переходов. В сентябре 1916 г. вопрос о казахских беженцах обсуждался на уровне МИДов обеих стран. Китай настаивал на репатриации и возмещении понесенных китайской стороной расходов.

Появление значительного количества беженцев в пределах Синьцзяна обострило межнациональную ситуацию в регионе. Кроме того, провинции грозил крупномасштабный голод. Беженцы оказались разорены из-за неоднократных грабежей со стороны русских и китайских военных формирований, а также местного населения. Китайские власти Синьцзяна, опасаясь присутствия российских карательных экспедиций на территории провинции, настаивали на репатриации беженцев обратно в Россию. Хотя миграция казахов в Синьцзян была следствием российской переселенческой политики и этнической напряженности в российском Туркестане, китайская сторона расценивала ее как фактор, усиливающий российское влияние в регионе. По этой причине Китай настаивал на репатриации. Первоначально российская сторона не исключала возможности проведения карательных экспедиций и массовых арестов, выступая при этом против возвращения перемещенного населения. Лишь с приходом к власти Временного правительства состоялись российско-синьцзянские переговоры, завершившиеся подписанием соглашения об амнистии рядовых беженцев и репатриации их на родину.

Репатриация проводилась с весны 1917 по осень 1918 г. Известно, что к маю 1917 г. в Киргизию возвратилось более 64 тыс. чел. и 160 тыс. – в Казахстан¹⁴. С началом Гражданской войны китайские власти Синьцзяна предпочли закрыть границу между провинцией и среднеазиатскими областями России. Тем не менее в период 1918–1920 гг. было еще несколько массовых откочевки в Китай уйгур, дунган и казахов¹⁵. Ликвидация Уральского и Семиреченского фронтов в 1920 г. привела к миграции в Синьцзян зажиточных слоев казахского и уйгурского населения.

Репатриация, начатая Временным правительством, была продолжена Советской властью. Первый, подписанный 27 мая 1920 г., советско-синьцзянский договор (Илийский протокол) затрагивал проблему репатриации казахских и киргизских беженцев. Следующая миграционная волна в Китай, вызванная голодом на отдельных казахских территориях, относится к 1921–1922 гг.

Эмиграция бурят усилилась после 1916 г. Она была вызвана мобилизацией местного населения на тыловую военную службу, ростом налогов и реквизициями скота. Пик эмиграционного движения в Монголию и Китай наблюдался в 1918–1919 гг. и был связан с Гражданской войной в регионе и желанием национальной элиты реализовать концепцию бурят-монгольского объединения. Если эмиграция бурят в Монголию приобрела массовый характер в начале XX в., то значительное миграционное движение в Китай относится к периоду Первой мировой и Гражданской войн. Направленная преимущественно в Монголию, миграционная волна транзитом прошла через территорию Барги и Внутренней Монголии, по местам компактного проживания монголов, затронув также эвенкийское население Забайкалья. Последующие миграционные волны из региона наблюдались в 20-х – начале 30-х годов, но поскольку в Монголии уже шел процесс советизации, эмиграционное движение изменило свой вектор: вместо Монголии эмигранты устремились в Китай¹⁶.

По отношению к трудовой миграции из России в Маньчжурию в начале XX в. вполне правомерно употребление терминов «переселение» и «колонизация». Переселенческое движение из России можно классифицировать как аграрно-промышленное. Миграция трудовых ресурсов из России на северо-восток Китая определялась потребностями быстро развивающейся региональной экономики и значительной емкостью рынка труда. Фактически в пользу Маньчжурии произошло перераспределение части трудовых ресурсов из аграрного сектора европейской части России и южных провинций Китая: мигранты абсорбировались индустриальными секторами экономики. Первоначальная ставка на то, что строи-

тельство КВЖД будет опираться на местные трудовые ресурсы, не оправдалась, поэтому пополнение рабочей силы, как низко-, так и высококвалифицированной, в первые годы строительства и эксплуатации дороги обеспечивалось прежде всего за счет России.

Под нажимом империалистических стран Китай был вынужден согласиться с «политикой открытых дверей», и Россия вслед за другими колониальными державами устремилась в Китай. В 1898 г. началось строительство КВЖД, которая была сооружена за пять лет. Вся полоса отчуждения занимала территорию площадью почти 112 тыс. га¹⁷, общая протяженность западной и восточной веток составила 1,5 тыс. км.

Строительство КВЖД стало крупным международным событием, но его последствия для России и Китая оказались далеко не однозначными. Бесспорно, что строительство дороги диктовалось экономическими и стратегическими интересами России на Дальнем Востоке: предполагалось, что это ускорит заселение Приамурья и подстегнет экономический рост на российском Дальнем Востоке в целом. Сибирь и Дальний Восток с постройкой магистрали сформировали единое экономическое пространство. Именно КВЖД, связанная с Забайкальской и Уссурийской железными дорогами, стала главной транспортной артерией для русского Дальнего Востока. Транссиб вместе с новой дорогой мог обеспечивать трансазиатский транзит грузоперевозок. Железнодорожный транспорт выигрывал конкуренцию у морского: доставка грузов из Европы на Дальний Восток осуществлялась теперь в три раза быстрее.

До прихода русских территория Маньчжурии практически не осваивалась, не исследовался даже ее ресурсный потенциал. Промышленность в регионе представляли лишь немногочисленные горно-добывающие предприятия и предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Строительство КВЖД стимулировало развитие производства в Маньчжурии. Российские инвестиции направлялись преимущественно в транспортную отрасль, сельское хозяйство, горную и лесную промышленность, финансовую сферу, торговлю и обрабатывающую промышленность. Эти же отрасли представлялись наиболее привлекательными и для японского капитала. Созданная транспортная и социальная инфраструктура ускорила урбанизацию территории и способствовала притоку населения как из Северного Китая, так и из России.

Массовое переселение в полосу отчуждения КВЖД началось с ввода дороги в эксплуатацию. Российские власти стимулировали аграрное переселение в Маньчжурию. В начале XX в. был разработан комплекс мероприятий, содействующих заселению полосы отчуждения русскими

крестьянами и казаками. В 1901–1903 гг. Военным ведомством и Министерством финансов был разработан комплекс нормативных актов, способствующих реализации планов русской военной колонизации Маньчжурии. В полосе дороги предполагалось создание военно-земледельческих поселений, поэтому приоритет в заселении отдавался строителям дороги и демобилизованным крестьянам и казакам из Охранной стражи КВЖД¹⁸. Русская военная колонизация Маньчжурии была свернута в 1906 г. ввиду эвакуации Маньчжурской армии, финансовой необеспеченности проекта и негативной реакции китайских властей. В 1909–1910 гг. и в 1913 г. предпринимались попытки реанимировать планы военного заселения зоны отчуждения КВЖД, но они окончились неудачей. Таким образом, проекты планомерного освоения Маньчжурского края так и остались нереализованными, а заселение приняло стихийный характер.

Оценить масштабы русской сельскохозяйственной колонизации в полном объеме пока не представляется возможным. По приблизительным данным, в 1907 г. производством сельскохозяйственной продукции в полосе отчуждения КВЖД было занято всего около 2–3 тыс. чел.¹⁹ Наивысшего уровня переселенческое движение в Маньчжурию из России достигло в первые годы реализации Столыпинской аграрной реформы. Главными причинами колонизации Маньчжурии, как и восточных регионов России, стало аграрное перенаселение европейской части страны. Мощная переселенческая волна, направленная преимущественно в Сибирь, транзитом пересекала Сибирский регион, частично оседая в Маньчжурии и частью устремляясь за океан, в страны переселенческого капитализма (Северо-Американские Соединенные Штаты и Австралию). Однако существенного прироста занятых в сельском хозяйстве не произошло. Поток в Маньчжурию русских колонистов был перекрыт мощной волной китайских переселенцев, три четверти из которых находили себе занятие в сфере сельскохозяйственного производства. В середине 20-х годов в сельском хозяйстве было занято около 50 тыс. россиян.

Основным сдерживающим фактором развития русского земледелия в регионе стал вопрос аренды земли. По договору 1896 г. Общество КВЖД получило право распоряжаться землями полосы отчуждения, сдавая участки колонистам в субаренду. В начале XX в. предпринимались шаги по расширению земельного фонда, отчуждаемого на нужды КВЖД. Так, предполагалось взять в концессию (на условиях длительной аренды) для выделения земельных наделов по 3 тыс. десятин на каждой станции западной и восточной веток КВЖД. Китайская сторона не пошла на увели-

чение размеров земельных концессий. Общество КВЖД и русские администрации в полосе отчуждения оказывали незначительную финансовую поддержку в виде дотаций мелким и средним крестьянским хозяйствам и отставным военным. Первоначально поселенцы получали земельные участки на условиях бесплатной аренды на 10 лет, впоследствии этот срок был сокращен.

В связи с нерешенностью земельного вопроса русское земледелие в полосе отчуждения носило, как правило, сопутствующий характер, – с его помощью сельскохозяйственный рынок наполнялся продукцией европейского типа. В экономике региона доминировала транспортная отрасль. Доля русских земледельцев, которые занимались одновременно животноводством, в том числе молочным, садоводством, пчеловодством и переработкой сельскохозяйственной продукции, в совокупной численности населения полосы отчуждения составляла лишь четвертую часть. Доминирующей формой русского земледельческого хозяйства в полосе отчуждения стали фермы и хутора. По линии полосы отчуждения земледелие преобладало на западной линии дороги в районе от Харбина до Нянцзышаня, на южной – от Харбина до Куаньчэнцзы (именно эта часть дороги осталась за Россией по Портсмутскому миру).

Помимо полосы отчуждения сельское хозяйство развивалось в северо-западной части Маньчжурии – в районе Барги, где китайская колонизация не приобрела значительных масштабов. Природные условия этого района позволяли применять лишь экстенсивные формы хозяйствования, сочетая земледелие с отхожими промыслами (охотой, рыболовством, сбором дикоросов и др.)²⁰. В районе Барги к северу от КВЖД сформировался компактный район – Трехречье, заселенный русскими колонистами.

Развитие транспорта сделало продукты и аграрное сырье из Маньчжурии доступными для российского Дальнего Востока, что превратило регион в крупнейшего экспортера сельскохозяйственной продукции. В сельском хозяйстве русские поселенцы смогли составить конкуренцию китайцам, ориентируясь в первую очередь на развитие коневодства, молочного животноводства, на производство пшеницы и ржи. Во многом благодаря хозяйственной деятельности русских в Северной Маньчжурии сформировался самостоятельный, относительно независимый от остальной части Китая рынок производства и потребления сельскохозяйственной продукции.

В структуре безвозвратных миграций в Маньчжурию доминировало промышленное переселение, направленное в города и населенные пункты по линии КВЖД и тяготеющие к ним экономические районы. Строи-

тельство КВЖД оказало огромное воздействие на процесс урбанизации в регионе. К моменту сдачи КВЖД в эксплуатацию на западной линии было 32 станции, на восточной – 20, на южной – 36. Вокруг депо и вокзалов стремительно росли новые кварталы и целые поселки. Ряд железнодорожных станций практически сразу получил статус городов. Харбин за 15 лет перешагнул 50-тысячный рубеж. Городское население первоначально увеличивалось благодаря притоку мигрантов именно из России, и до середины 20-х годов в ряде городов и станций полосы отчуждения русскоязычное население доминировало над китайским. Большинство населенных пунктов получило городской статус во второй половине 30-х годов.

В жизни городов и поселков по линии дороги главную роль играл транспорт. К городам тяготела и обрабатывающая промышленность: строились мукомольные, лесопильные, металлообрабатывающие, кирпичные, пивоваренные и другие предприятия. Становилась более сложной торговая инфраструктура. В Маньчжурии возникли крупные фирмы – производители и поставщики, как российские, так и иностранные. Экономика городов и населенных пунктов была неразрывно связана и с развитием коммунального хозяйства, культурной инфраструктуры, сферы быта. Почти половина городских предприятий находилась в собственности бывших подданных России, русские предприятия доминировали во многих отраслях городской экономики. В первой трети XX в. налоговые отчисления таких производств составляли до половины бюджета некоторых городов. Экономика Маньчжурии была неразрывно связана и с развитием банковской системы. Города в полосе отчуждения КВЖД интенсивно росли и благоустраивались. Центральные улицы застраивались двух-, трехэтажными зданиями европейского типа.

Интенсивно развивались также прилегающие к КВЖД концессионные территории. Русский капитал сыграл важную роль в развитии добывающей промышленности Маньчжурии. Когда-то бурно развивавшаяся золотопромышленность возродилась лишь частично²¹. В начале XX в. была проведена геологоразведка и началось промышленное освоение Чжалайнорского и Маньчжурского (Цаганулинского) буругольных месторождений. Возникшие на базе Чжалайнорского месторождения угольные копи стали основными поставщиком угля как для западной части КВЖД, так и для промышленных предприятий и населенных пунктов региона. В середине 20-х годов были разведаны угольные месторождения в районе ст. Мулин и началась разработка Мулинских угольных копей.

В начале XX в. значительные русские капиталы инвестировались в лесную промышленность Маньчжурии. Лесоперерабатывающие предприятия были организованы администрацией КВЖД и русскими лесопромышленниками. Основные лесные угодья, переданные в эксплуатацию русским, располагались вдоль восточной линии КВЖД. Только через 20 лет часть акций русских концессионных предприятий, работавших в сфере заготовки и переработки древесины, перешла к китайской стороне. Концессионные предприятия в лесной и добывающей промышленности обеспечивали трудоустройство нескольких тысяч русских жителей Маньчжурии и сыграли значительную роль в хозяйственном освоении края.

Масштабы переселения в Китай русского населения на протяжении двух первых десятилетий XX в. обуславливалась исключительно потребностями регионального рынка труда, поскольку благодаря мигрантам динамично развивались целые отрасли местной экономики. Численность русскоязычного населения на территории северо-востока Китая к началу Первой мировой войны составляла около 150 тыс. чел., из которых около 15–20 тыс. (из числа трудоспособных) было занято на транспорте и русских концессионных предприятиях в лесной и добывающей промышленности, около 40 тыс. – в сельском хозяйстве, остальные – в городской экономике и сфере услуг.

С началом Гражданской войны на востоке страны сложилась новая миграционная ситуация, специфика которой определялась характером и интенсивностью миграции. Ее особенностью стало доминирование эвакуации, беженства и эмиграции. Миграционные потоки этого периода оказались разнонаправленными, что делало практически все приграничные территории транзитными. Миграция, ставшая следствием революции и Гражданской войны в России, дала существенный прирост пришлому населению на территории Китая. Миграционную волну стимулировали экономическая разруха, распад государственных институтов и социальной инфраструктуры, голод и массовые эпидемии. Легальный выезд в Китай с целью эмиграции по масштабам оказался сопоставимым с беженством и эвакуацией. Первая волна массового перемещения населения из восточных регионов России в Китай и Монголию имела место в конце 1919 – начале 1920 г. и была следствием неблагоприятного для Белого движения развития военных действий на Южном Урале, в Туркестане и Сибири. Эмиграционная волна 1922 г. возникла с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В 1920–1921 гг. на территории Синьцзяна в беженских лагерях на реках Эмили и Бартал, около городов Чугучак, Кульджа, Мазари, Урум-

чи, Гучен дислоцировались после интернирования остатки воинских формирований Бакича, Дутова, Анненкова и др. Общая численность беженцев в лагерях достигла в 1920 г. 25–30 тыс. чел. Дальнейшее расщепление этой людской массы в 1920–1921 гг. происходило путем передислокаций, участия в военных действиях, значительной по своим масштабам реэмиграции и дальнейшей миграции беженцев в более удаленные от границы и благополучные в экономическом и политическом отношении районы Китая.

Большой миграционный поток из России в Маньчжурию наблюдался на всем протяжении Гражданской войны. С декабря 1920 г. по январь 1921 г. во время переброски через КВЖД частей белой Дальневосточной армии из Забайкалья в Приморье в полосе отчуждения дороги рассеялось около 5 тыс. чел. Транзит по КВЖД чехословацких войск в феврале–марте 1920 г. также стал каналом эмиграции для гражданских беженцев. В конце 1920 – весной 1921 г. наблюдался массовый уход из Дальневосточной республики на территорию Китая забайкальских казаков, проживавших в приграничных районах по рекам Аргунь и Онон.

Окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке привело к крупномасштабной эвакуации на северо-восток Китая населения из российского Приморья. При отступлении белых частей в октябре–ноябре 1922 г. проходила эвакуация войск и гражданского населения сухопутным и морским путем в Китай и Корею. В направлении китайского города Хуньчунь отбыло 9 тыс. чел., к ст. Пограничная – 3 тыс., из Владивостока – 10 тыс. чел. Вследствие массовой эмиграции образовались крупные беженские лагеря на территории Китая, Кореи и Филиппин. На территории Китая (близ Хуньчуня, Гирина, Цицикара) они просуществовали до 1924 г. Численность перемещенного в лагеря населения составляла в разное время от 7 до 10 тыс. чел.

Вынужденная миграция из России, вызванная Гражданской войной, обусловила интенсивный приток беженцев в Маньчжурию и Синьцзян. За четыре года в Китай прибыло около 100 тыс. эмигрантов. Оценивая количественные показатели миграции за первую четверть XX в., можно утверждать, что из России в Китай переместилось почти полмиллиона человек. Масштабы миграции нарастали в начале столетия и достигли своего пика в период Первой мировой и Гражданской войн. Массовая эмиграция сопровождалась не менее масштабным возвращением. К середине 20-х годов миграционные процессы, вызванные социальными катаклизмами в России, замедляются. Одновременно в основном завершается и процесс расселения эмигрантов.

1.2. Территории расселения

Массовая эмиграция из Российской империи и СССР, неоднократное изменение границ государства, интенсивная маятниковая и сезонная миграция населения приграничья привели к образованию за пределами страны крупных русскоязычных и ряда других диаспор. На территории Китая сформировались многочисленные городские общины, включавшие в себя выходцев из Российской империи, а также появились районы компактного расселения в сельской местности.

Этнические русские заселяли преимущественно Маньчжурию, и в первую очередь города и поселения вдоль полосы отчуждения КВЖД и прилегающие к дороге районы. Характерной была как индустриальная, так и сельскохозяйственная миграция. Наиболее плотно заселенной оказалась северо-западная часть Маньчжурии, и на протяжении первой трети XX в. вся полоса отчуждения КВЖД оставалась территорией, заселенной преимущественно русскими. По линии КВЖД в первой трети XX в. было сконцентрировано около 70% русскоязычного населения, большая часть которого проживала в г. Харбине. Следующим по численности русского населения районом была западная ветка дороги, затем – восточная и южная ветки.

Первым русскоязычным поселением на территории Китая по линии КВЖД стала ст. Маньчжурия (ныне – Маньчжоули). Небольшое монгольское поселение Фуржин-Булак, на месте которого возникла Маньчжурия, издавна было важным торговым пунктом, местом торговли монгольским сырьем, скотом и рыбой. С началом строительства КВЖД возник поселок строителей-железнодорожников. Практически сразу же ввиду близости к российской границе поселение получило статус города. Одним из первых зданий, построенных в городе, была контора Переселенческого управления – единственного по всей полосе отчуждения. Маньчжурия являлась важнейшим пунктом товарообмена и транспортировки грузов между северо-востоком Китая и Забайкальем. Недалеко от станции находились Чжалайнорские угольные копи.

Именно Маньчжурия больше других поселений напоминала провинциальный русский город. Поскольку город находился практически на границе, здесь происходили значительные колебания численности населения. Максимальная численность, приблизившаяся к 50 тыс. чел., отмечалась в начале XX в., после чего наблюдался отток русскоязычного

и китайского населения по всей территории полосы отчуждения КВЖД. Развитие и рост города напрямую зависели и от политического положения на границе. В годы Первой мировой и Гражданской войн станция являлась основной военной и транспортной базой. В 1918 г. в городе был сформирован Особый маньчжурский отряд атамана Г.М. Семенова. В 1921 г. в Маньчжурии действовало представительство Дальневосточной республики, с 1925 г. начало работу советское консульство, ставшее позднее центром консульского округа. В городе было три православных храма, несколько эмигрантских и советских школ. В конце первого десятилетия XX в. русскоязычная колония станции и города насчитывала около 5,5 тыс. чел.²², в конце 20-х годов – почти 8 тыс., в том числе 4,7 тыс. эмигрантов и около 3 тыс. советских граждан²³. После конфликта на КВЖД в 1929 г. город пришел в упадок на долгие годы. В 1929–1935 гг. происходило значительное сокращение численности русскоязычного населения из-за выезда советских граждан в СССР. С середины 30-х годов в городе проживало около 2,5 тыс. выходцев из бывшей Российской империи. Русские эмигранты были заняты скотоводством, гужевым промыслом и коммерцией. В 1942 г. в городе проживало всего 7 тыс. чел.²⁴

Второй по численности городской русскоязычной общиной по западной линии КВЖД была колония в административном центре района Барги г. Хайларе (ныне – Хулунь). Русские проживали компактно также в Хайларской долине. В 1907 г. в Хайларе приступило к работе российское консульство, а в 1908 г. было создано городское самоуправление. В первой трети XX в. Хайлар оставался небольшим городом со смешанным монгольским, китайским и русскоязычным населением. По состоянию на 1910 г. численность русских в городе оценивалась почти в 4,5 тыс. чел., к концу десятилетия она возросла до 5–6 тыс. (эмигранты составляли в 1929 г. 3,6 тыс., а советские граждане – 1,7 тыс. чел.)²⁵. К 1933 г. количество эмигрантов сократилось до 4,3 тыс., советских граждан – до 1,5 тыс. чел. Численность русских, принявших китайское гражданство, не превышала 200 чел.²⁶ Выходцы из России в этот период составляли до половины городских жителей. После продажи КВЖД Советскому Союзу доминирующей группой русскоязычного населения стали эмигранты, среди которых преобладали забайкальские казаки и татары. В 1940 г. в Хайларе проживало 30 тыс. чел.²⁷

Имеются неполные данные о численности русскоязычного населения станций Чжалантунь, Бухэду и др. В начале XX в. поселение Чжалантунь представляло собой поселок и железнодорожную станцию с преимущественно монгольским населением. Численность русскоязычной

колонии в 1907 г. составляла около 1,6 тыс. чел., тогда как на рубеже 20–30-х годов – всего лишь 600–700 чел.²⁸ Приток населения в Чжалантунь, так же как и в близлежащие поселки Фуляэрди, Шитоухэцзы, Чжалайнор, был связан в первую очередь с разработкой Чжалайнорского угольного месторождения. В 1907 г. на ст. Бухэду проживало 2,7 тыс. русских²⁹. Численность русской колонии оставалась неизменной вплоть до 20–30-х годов. Эмигранты, советские и русские, принявшие китайское гражданство, составляли здесь четверть населения. В начале 30-х годов ввиду прекращения лесных разработок численность русских значительно уменьшилась за счет оттока в Харбин и Хайлар. Часть русского населения была занята в сфере сельского хозяйства, в районе ст. Бухэду находилось четыре русских поселка. Около 100–150 чел. насчитывали на начало 30-х годов русские колонии на станциях Сяохаоцзы и Маньгоу³⁰.

Крупным населенным пунктом в районе западной ветки КВЖД был Цицикар, возникший в середине XVIII в. Через город проходила дорога из Мукдена на Мергень (Мергэн), к российской границе. Значительная часть русского населения проживала не в самом городе, а на станции, расположенной от него в 30 км. В городе имелись два православных храма, мечеть и синагога, несколько русских школ. С 1907 по 1920 г. в Цицикаре располагалось русское, а с 1925 по 1935 г. – советское консульство. После окончания Гражданской войны в России в Цицикаре некоторое время находились белые офицеры, служившие в воинских частях, отступивших из Приморья. После продажи дороги в городе и на станции проживало несколько сотен эмигрантов. Значительной были еврейская и старообрядческая колонии. В 30-е годы наметился отток эмигрантского населения из Цицикара в район Мергень и д. Эмигрантовки, а также в район Тайкана, вследствие чего там получили развитие хлебопашество и молочное животноводство.

На ст. Аньда, располагавшейся всего в четырех часах езды от Харбина, имелись православная церковь и школа. На рубеже 20–30-х годов численность русскоязычного населения здесь существенно колебалась. К 1930 г. эмигрантов было менее 30 чел., тогда как количество советских граждан увеличилось вдвое, достигнув почти 900 чел., но в 1933–1935 гг. численность последних также стремительно сократилась³¹. Тем не менее после продажи дороги именно на этом участке работали преимущественно русские эмигранты.

На западной линии КВЖД в 1907 г. насчитывалось 14,8 тыс. чел.³² Перепись 1910 г. отразила численность населения лишь на узловых станциях (более 16 тыс. чел.)³³. По данным Земельного отдела, на начало

1921 г. было зафиксировано 69,9 тыс. россиян³⁴. К сожалению, более поздних обобщенных данных о численности русскоязычного населения по восточной линии нет.

Основным районом, куда на протяжении первой четверти XX в. направлялась русская сельскохозяйственная колонизация, оставалась Барга, расположенная к западу от горной системы Большого Хингана на плато Хулунбуир (Хулунбуирский округ, ныне – Хулун-Буйр). Происхождение названия плато связано с озерами Хулунчи (Далайнор) и Буир-Нур. Барга – степной район с преобладанием равнинного рельефа. Долины Хайлара, Оршуны и Трехречья считались наиболее плодородными и перспективными для земледелия.

Формирование компактных поселений русскоязычных колонистов в сельских приграничных районах началось на рубеже XIX–XX вв., а пик освоения приходится на 10–20-е годы XX в. Наиболее густо этнические русские населяли Баргу, имевшую до 1920 г. статус автономной территории. Миграционные потоки направлялись сюда из приграничных казачьих районов Забайкальской области и Внутренней Монголии. Их значительный масштаб обуславливался ростом добычи золота, вводом в эксплуатацию КВЖД, началом разработки Чжалайнорского угольного месторождения. Численность русских в Хулунбуирском аймаке, по неполным данным за 1907 г., составляла 7 тыс. чел., в том числе в Аргунском хошуне было около тысячи дворов (более 5 тыс. чел.). В 1910 г. на территории Хулунбуирского аймака проживало 17 тыс. русских³⁵, в 1922 г. – уже 27 тыс. (без учета городов и некоторых сельских поселений). Земли в этом районе могли арендовать как эмигранты, так и советские граждане. На 1934 г. граждане СССР, проживавшие в Барге, составили около 9 тыс. чел. (29 % оседлого населения), русские эмигранты – 8,3 тыс., переселенцы – забайкальские буряты и тунгусы – 2,5 тыс. чел. (около 9% кочевого населения)³⁶. Таким образом, доля русского населения района Мергело-Хайларской долины была весьма значительной. Район оставался местом компактного расселения русских до начала 60-х годов.

На территории Хулунбуира выделялись два компактных района, заселенных русскими, – Трехречье и Приаргунье. Трехречье – сельский район, расположенный в долинах рек Ган, Дербул и Хаул к северу от КВЖД, важная земледельческая территория Внутренней Монголии. Первые русские заимки и три первых поселения – с. Ернишная, пос. Черноучиха и д. Манерка – появились здесь еще в XIX в. С конца XIX в. известен Верхний Тулунтуй. Для того чтобы попасть в Трехречье из Забайкалья, необходимо было переправиться через реку Аргунь и небольшой

хребет, где существовали проселочная дорога и несколько троп. Интенсивная колонизация началась в XX в., причем наиболее активно она проходила в годы Гражданской войны и коллективизации. В 20–30-е годы в Трехречье насчитывалось более 20 русских поселений, численность населения неуклонно росла, и к середине 30-х годов она составила около 5–6 тыс. чел.³⁷ Крупнейшими из поселков были Верх-Кули, Лабдарин (ныне – г. Аргунь), Усть-Урга, Драгоценка, Дубовая, Нармакчи, Ключевая, Щучье, Попирай, Покровка и Верх-Урга. Среди поселений преобладали села и хутора сибирского типа. На протяжении 20–30-х годов одни поселения исчезали, на их месте появлялись другие. Довольно часто какой-то поселок жители покидали, а спустя несколько лет он вновь возрождался. Доминирующей тенденцией был отток населения в глубь Трехречья в долины рек Дербул и Ган, что объяснялось, с одной стороны, политической нестабильностью на границе и серией советских карательных экспедиций, крупнейшая из которых проводилась в 1929 г., а с другой стороны, переориентацией хозяйственной деятельности – переходом ряда хозяйств от животноводства к земледелию.

Средний размер земельного надела составлял 10 десятин пахотной земли. Об увеличении посевных площадей в Трехречье свидетельствуют следующие данные: в 1924 г. посевная площадь равнялась 66 га, в 1926 г. – 740, в 1928 г. – 2 тыс., в 1932 г. – примерно 6 тыс., в 1933 г. – 10 тыс. га³⁸. В земледельческо-скотоводческом хозяйстве важную роль играло стойловое животноводство товарно-молочного направления. Здесь разводили в основном крупный рогатый скот и лошадей, отличных от монгольских пород. Русские переселенцы, привнесшие в регион свою систему полеводства, создали вместе с китайскими земледельцами многоотраслевое сельское хозяйство³⁹. В 30-е годы в ходе японской колонизации Маньчжурии была предпринята попытка реализации программы возрождения Трехречья, предполагавшей создание смешанных русско-японских сел и распространение русской аграрной культуры среди японских колонистов, закончившаяся неудачей.

К середине 40-х годов в Трехречье существовало 19 русских поселков. Еще четыре небольших поселка появились после Второй мировой войны. Административным центром Трехреченского района первоначально являлся пос. Щучье, с 1932 г. – Драгоценка, а в период японской оккупации – Найрумту (ныне – Саньхэ)⁴⁰. В Драгоценке располагались станичное правление, средняя школа, православный собор, небольшие заводы по переработке сельскохозяйственной продукции. Структура органов власти, созданная в Трехречье эмигрантами, вос-

производила институты казачьего самоуправления, которые значительно трансформировались лишь к середине 40-х годов, в результате советизации белой эмиграции.

Помимо русских территория Барги в 20-е годы заселялась бурятами и тунгусами, мигрировавшими из Забайкалья. Пик их эмиграционной активности пришелся на годы Гражданской войны, а вторая волна – на коллективизацию. Миграция прошла транзитом через Трехречье и Мергело-Хайларскую долину в малообжитые степи южной части Барги. На территории Трехречья буряты остались проживать в пос. Нармакчи. Наиболее интенсивно заселялся район Чэнэхэн (Шэнэхэн, в переводе с бурятского – «новое») – северная часть Олетского хошуна Барги, занимавший долину р. Чинхэ, правого притока р. Имингол, где сформировались многочисленные бурятская и тунгусская диаспоры. Чэнэхэн включает три могольские урочища – Чэнэхэн, Бурдун и Уитэн общей площадью примерно 450 кв. км. Район расположен к югу от КВЖД. В начале 20-х годов здесь сложился особый бурятский хошун, численность населения которого первоначально составляла 2,2 тыс. чел., а к концу 20-х годов оценивалась в 4,5 тыс. чел.⁴¹ На территории хошуна были организованы бурятские кооперативы, открыта начальная школа.

Обследования среди бурят МНР и Китайской Республики, проведенные в 20-е годы, зафиксировали более высокую степень зажиточности бурят, проживавших в Китае, по сравнению с бурятским населением Монголии⁴². Основное их занятие – скотоводство, в том числе овцеводство. В меньшей степени буряты занимались земледелием, охотой и рыболовством. Часть их работали в лесной промышленности. Согласно современным данным, на территории Эвенкийского и Баргутского хошунов автономного района Внутренняя Монголия проживает около 10 тыс. баргу-бурят.

Численность еще одной группы переселенцев, состоявшей из ороочнов и якутов, составляла в Барге к концу 20-х годов более 1 тыс. чел.⁴³ Вопрос о миграции эвенков в XX в. не получил освещения в литературе. Известно, что сразу после Гражданской войны незначительная часть эвенков вернулись в СССР⁴⁴. Тем не менее можно с большой долей уверенности утверждать, что среди 30 тыс. эвенков, проживающих сегодня в Эвенкийском хошуне автономного района Внутренняя Монголия (административный центр – г. Наньтун), есть и потомки тех, кто откочевал в Китай в 30-е годы.

Китайское Приаргунье (Приаргуньская долина), или правобережье, – это территория вдоль границы, пролежавшей между забайкальскими селами в районе от Аргунска до Заргола (в ряде случаев вплоть до г. Ци-

гань, напротив Усть-Уровской пограничной заставы). Район Приаргунья – традиционный район миграции населения из приграничных территорий Забайкалья. Далее по линии государственной границы от г. Шивэй до г. Цигань и до слияния рек Шилка и Аргунь расположен горный массив Малый Хинган, поэтому здесь приграничная территория практически не заселялась. Однако на участке границы по р. Амур количество поселений постепенно возрастало.

После демаркации российско-китайской границы китайские власти начали создавать военные поселения, призванные сдержать русскую колонизацию этого приграничного района. С 1909 г. Китай регламентирует использование сенокосных угодий и пастбищ на китайской стороне Аргуни и добычу золота⁴⁵. Приграничные районы Аргунского хошуна (иногда этот район также рассматривается как часть Трехречья) оставались заселенными русскими вплоть до советско-китайского конфликта 1929 г. Конфликт на КВЖД привел к уходу русских из этого района в глубь Трехречья.

Оценивая численность русскоязычного населения других приграничных районов, особо следует остановиться на русской колонии Сахалина (ныне – Хэйхе). Сахалин располагался на правом берегу Амура напротив Благовещенска и представлял собой типичный китайский приграничный город. В годы Гражданской войны он был базой как для белых, так и для красных. Летом 1918 г. сюда перебралось правление Амурского казачьего войска, а с ликвидацией советской власти в Приамурье вплоть до февраля 1920 г. город был местом укрытия для разрозненных отрядов красных. В конце 1920 г. здесь находилось около тысячи амурских казаков. Крупная русская колония сформировалась также в селении Чикадэ (напротив пос. Димского Поярского станичного округа); ее численность составляла около 200 чел.⁴⁶ В 1923 г. значительная часть казаков вернулась на родину, но в 1924 г. колония Сахалина вновь пополнилась в связи с Зазейским восстанием. Во второй половине 20-х годов из-за напряженной ситуации в приграничье большинство казаков переехали во внутренние районы Китая. На 1930 г. численность русских в Сахалине и китайском Приамурье составляла всего около 500 чел.⁴⁷

Харбин являлся экономическим и административным центром региона вплоть до 1934 г., оставаясь до конца 40-х годов одним из крупнейших центров русской диаспоры. С 1907 по 1920 г. в Харбине функционировало российское консульство, с 1924 по 1935 г. – советское генеральное консульство. В городе располагались администрация КВЖД, представительства российских, а затем и советских торговых фирм и хозяйст-

венных организаций. Два района города – Пристань и Новый Город были заселены в основном русскими и имели собственную администрацию. До начала 20-х годов численность русских в Харбине превышала численность китайского населения. На основании анализа статистических данных, полученных из различных источников, динамику численности русскоязычного населения города можно представить следующим образом: 1903 г. – 15,5 тыс. чел.⁴⁸, 1913 г. – 43,5 тыс. (60% населения города)⁴⁹, 1917 г. – 60 тыс., 1920 г. – 131 тыс. (45%), 1921 г. – 165 тыс., 1922 г. – 155 тыс., 1924 г. – 58 тыс. (около 21%), 1925 г. – 93 тыс., 1927 г. – 56 тыс., 1929 г. – 57 тыс., 1930 г. – 59 тыс. (19%), 1933 г. – 63 тыс., 1934 г. – 60 тыс. чел.⁵⁰ В период 1925–1935 гг. численность эмигрантов составляла 30–35 тыс. чел., советских граждан – 25–27 тыс.⁵¹, русских, принявших китайское гражданство, – 4–7 тыс. чел.⁵² Всплеск численности приходится на 1920–1922 гг. (в связи с Гражданской войной в России) и на 1925 г. (за счет миграции из других населенных пунктов и приезда из СССР). В целом можно утверждать, что постоянное русскоязычное население Харбина составляло во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов около 60 тыс. чел.

Расцвет «русского» эмигрантского Харбина относится к 20-м годам. К концу десятилетия здесь функционировало более 100 учебных заведений (как эмигрантских, так и советских), в том числе пять вузов. На протяжении 20–30-х годов существовало несколько десятков научных, общественных, политических и профессиональных организаций, в разное время издавалось до нескольких десятков эмигрантских газет и журналов.

На восточной линии КВЖД крупные общины сложились на узловых станциях Имяньпо, Ханьдаохэцзы и Пограничная. По данным на 1910 г., на ст. Имяньпо проживало около 4 тыс. чел, а после выезда советских железнодорожников в середине 30-х годов осталось всего несколько сотен эмигрантов. Имяньпо фактически являлась дачным районом для жителей Харбина. Эмигранты проживали также в небольшом поселке близ ст. Николаевка. Узловой станцией КВЖД была ст. Ханьдаохэцзы, где проживало в 1907 г. около 3,3 тыс. чел., действовали церковь и школа. В 12 верстах от станции располагалась старообрядческая деревня Романовка. Эмигрантское население было занято преимущественно сельским хозяйством, промыслами и охотой.

До начала строительства КВЖД на месте будущей станции Пограничная (ныне – Суйфэньхэ; китайское название город получил по названию реки Суйфын – Раздольная) находилось несколько небольших китайских населенных пунктов. Географическое положение и строитель-

ство дороги способствовали развитию поселка. Уже в начале XX в. ст. Пограничная считалась одним из значимых городов севера-востока Китая. Восточная ветка КВЖД вместе с Уссурийской железной дорогой представляла собой единую транспортную артерию. Численность русскоязычного населения на ст. Пограничная на 1907 г. составляла более 3 тыс. чел.⁵³ Советское представительство открылось на станции в декабре 1922 г., спустя два года начало работать консульство. На станции имелись многочисленные советские, китайские торговые представительства, а также представительства других стран. По данным на декабрь 1923 г., количество россиян составляло на Пограничной почти 2,7 тыс. чел.⁵⁴ Интенсивные транспортные контакты с российским Дальним Востоком сохранялись до начала 30-х годов, хотя основные пассажирские и грузовые перевозки осуществлялись по западной линии КВЖД. Во время японской оккупации город потерял свое значение как транспортный узел. Железнодорожные перевозки между Китаем и СССР через Пограничную возобновились только после Второй мировой войны. Тогда г. Суйфэньхэ был отнесен к числу городов государственного значения.

Вторым по численности населенным пунктом на восточной линии КВЖД в 20-е годы был Мулин, где проживало около 1,7 тыс. чел.⁵⁵ Строительство КВЖД ускорило развитие поселения Муданьцзян, расположенного в 200 км от границы с Россией. Численность россиян на ст. Эхо и в Муданьцзяне на конец 1923 г. составила почти 1 тыс. чел.⁵⁶ Стремительное развитие Муданьцзяна пришлось на период японской оккупации, в 1937 г. он получил статус города⁵⁷. Фактически произошло его слияние с железнодорожной станцией Эхо, построенной в 1903 г. Станция Эхо была знаменита тем, что здесь располагалось опытное поле КВЖД.

В 1907 г. на восточной линии КВЖД проживало более 7 тыс. чел.⁵⁸ Перепись 1910 г. отразила лишь численность населения на трех узловых станциях, здесь она составляла около 10 тыс. чел.⁵⁹ На начало 1921 г., по данным земельного отдела КВЖД, на этой части линии проживало 42,6 тыс. русских⁶⁰. На конец 1923 г. численность россиян составила 14,4 тыс. чел.⁶¹ Троекратное сокращение численности произошло всего за три года.

В Южной Маньчжурии по юго-восточной оконечности КВЖД, следуя букве соглашений 1898 г. о 25-летней аренде портов Далянь и Люшунь, российское правительство начало строительство порта Дальний (ныне – Далянь) и военной крепости Порт-Артур (ныне – Люйшунь). К началу Русско-японской войны на сооружение Дальнего и Порт-Артура российской казной было потрачено почти 23 млн руб. В Порт-Артуре

дислоцировался крупный российский гарнизон, численность которого в 1903 г. составляла 17 тыс., а в годы войны достигла 40 тыс. чел. В 1905 г. по условиям Портсмутского мира Порт-Артур и Дальний вместе с южным участком КВЖД (от г. Дальнего до ст. Куаньчэнцзы) были переданы Японии. После передачи Дальний был переименован в Дайрен, а вместо южной ветки КВЖД появилась Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД). В 1907 г. в Дайрене начало действовать российское консульство, просуществовавшее до октября 1920 г. Несмотря на монополию в крае японского концерна ЮМЖД, контролировавшего всю промышленность, к началу Первой мировой войны значительные русские капиталы (более 20 млн руб.) были вложены в жилищное строительство приморских городов. При этом русская колония оставалась крайне немногочисленной. В 20–30-е годы в Дайрене русская община насчитывала около 250–350 чел. В Порт-Артуре осталось всего несколько семей, хотя численность городского населения к 1940 г. возросла за счет японцев до 37 тыс. чел. Особую популярность в 30–40-е годы приобрело дачное местечко Какахаши, расположенное по линии Южно-маньчжурской железной дороги недалеко от Дайрена, где с 1932 по 1945 г. проживал атаман Г.М. Семенов. В летнее время в Какахаши съезжалось много дачников из Харбина, Мукдена, Тяньцзина и других городов. В Дайрене вплоть до начала японо-китайской войны 1937 г. действовало последнее на территории Маньчжурии советское торговое представительство. С началом Тихоокеанской войны численность русских жителей в Южной Маньчжурии возросла и составила более тысячи человек⁶². Русская колония резко увеличилась здесь после Второй мировой войны.

Достаточно влиятельной была русскоязычная колония в Мукдене (ныне – Шеньян) – административном, экономическом и политическом центре Маньчжурии. В 1905 г. русская армия была разгромлена именно в генеральном сражении при Мукдене. После Русско-японской войны в городе открылось российское консульство, здесь также находился российский военный аташе. Недалеко от Мукдена был сооружен храм – памятник русским воинам, погибшим в годы Русско-японской войны. После постройки КВЖД Мукден превратился в крупный торгово-транспортный центр на северо-востоке. Город не потерял своего значения во время японской оккупации, когда административной столицей стал Чанчунь, а его численность превысила 1,3 млн чел. В городе имелась многочисленная русская колония, действовали православная церковь и часовня, несколько школ. В начале XX в. один из городских районов назывался

Русским. В 30-е годы в Мукдене располагалась резиденция императора марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Чанчунь в 1932 г. был переименован в Синьцзин («Новая столица») и утвержден как столичный город Маньчжоу-Го. В 30-е годы здесь проживало несколько сотен русских эмигрантов, которые частично были привлечены к работе в правительственных учреждениях. Эмигранты стали основоположниками коврового и шоколадного производства. В Гиринае (ныне – Цзилинь) русская колония сложилась в результате отступления белых частей из Приморья. В окрестностях Гирина русский беженский лагерь просуществовал с февраля до осени 1923 г. Количество переведенных из Хуньчуня беженцев составляло около 10 тыс. чел.⁶³ В городе имелаь многочисленная татарская община.

В Северном Китае количество русских эмигрантов во второй половине 20-х годов не превышало 6 тыс. чел., они проживали в Тяньцзине, Пекине, Циндао, Ханькоу, Цинанфу и Чифу. Самой крупной была русская колония в Тяньцзине. Ее численность в дореволюционный период оценивалась в 200 чел., а резкий рост (до 2,5 тыс. чел.) относится к рубежу 20–30-х годов, когда после японской оккупации Маньчжурии сюда переехала часть русского населения Харбина. Тяньцзин являлся скорее эмигрантской провинцией, хотя культурная и политическая активность эмиграции в этом городе была заметной. В 20–40-х годах здесь существовало около 20 самостоятельных организаций, издавалось более десятка газет и журналов.

В Пекине жизнь колонии была связана в первую очередь с посольством и Российской духовной миссией. В середине 20-х годов в городе проживало около 500 россиян. В начале 30-х годов эмигрантов и советских граждан в структуре колонии было практически поровну. В середине 20-х годов русская колония Цинанфу (Цзинань, Цинаньфу), включавшая в себя только гражданское население, насчитывала около 400 чел. В городе дислоцировалась Русская дивизия генерала К.П. Нечаева (1-я отдельная бригада 1-й Мукденской армии). Ее численность в разное время составляла от 4 до 12 тыс. чел., из которых половина были русскими. В 1928 г. бригада была расформирована. В Цинанфу похоронено около 2 тыс. русских добровольцев, участвовавших в 1925–1927 гг. в китайской гражданской войне. Правительство провинции установило им памятник.

Портовый городок и курорт Циндао вплоть до 1914 г. являлся немецкой концессией. В середине 20-х годов численность русской колонии здесь составляла 300 чел., а спустя десятилетие она увеличилась вдвое,

но с началом Тихоокеанской войны вновь началось ее сокращение. Японцы оккупировали Циндао в начале 1938 г., и вскоре все эмигрантские организации были объединены в Антимоунистический комитет. До 1968 г. в городе стоял памятник героям Порт-Артура и российским морякам, погибшим в годы Русско-японской войны.

Ханькоу (ныне – Ухань) – один из тех городов, которые были открыты для иностранцев после подписания Нанкинского договора 1851 г. Долгие годы он был центром русской чайной торговли. Здесь было пять зон иностранных концессий, и одна из них – русская (с 1896 г.), охранявшаяся отрядом русских добровольцев. С начала XX в. в городе сложилась небольшая по численности (около 200 чел.), но влиятельная русская колония. Значительная часть русских капиталов была вложена в городское строительство. В городе существовали российское консульство, православная церковь и школа. Когда в 20-х годах построили железную дорогу Пекин – Ханькоу, город начал стремительно развиваться и стал первым крупным индустриальным центром внутренней части Китая. В 1924 г. русская концессия перешла под управление китайских властей. Максимальная численность русской колонии (500 чел.) зафиксирована в 20-х годах, в начале 30-х годов она составляла около 150 чел., а во второй половине 30-х – 40-е годы – 300–400 чел.⁶⁴

С начала 20-х годов резко увеличивается количество русских эмигрантов во всех портовых городах Восточного Китая, и в первую очередь в Шанхае, где численность русской колонии в 1917–1918 гг. не превышала 700–800 чел. Основной приток населения приходится на 20–30-е годы. По данным уполномоченного СССР в Шанхае, в 1924 г. в городе насчитывалось до 10 тыс. русских⁶⁵. Согласно официальной статистике, в 1930 г. здесь проживало почти 8 тыс. русских, в 1934 г. – 16,5 тыс., в 1935 г. – 19 тыс., в 1936 г. – 16 тыс.⁶⁶ Последняя цифра оставалась неизменной на протяжении второй половины 30-х – первой половины 40-х годов.

Шанхай представлял собой типичный колониальный город, обогатившийся за счет международной торговли и «опиумной войны». Основная масса русских проживала на территории французской концессии и составляла самую крупную иностранную колонию в городе. Главная особенность иностранной части Шанхая состояла в том, что до 1940 г. этот район города считался международной территорией, которую не затронули ни гражданская война в Китае, ни японская агрессия. Здесь существовало более 70 русских общественных эмигрантских организаций, около 10 православных церквей, несколько высших и средних учебных заведений, издавалось более 40 русских газет и журналов. Жизнь

советской колонии в Шанхае была организована вокруг генерального консульства и представительств советских хозяйственных организаций.

В структуре российской эмиграции северо-востока и севера Китая можно выделить помимо русской колонии и другие достаточно значительные этнические группы. Крупнейшей из них была еврейская. Большинство исследователей оценивают ее численность на начало XX в. в 1 тыс. чел., а спустя два десятилетия в ее составе было около 7 тыс. чел. Крупные организованные еврейские общины существовали в Харбине, Шанхае, Циндао, Дайрене, Мукдене и Тяньцзине. С приходом японцев некоторые еврейские общины были реорганизованы, но в целом в период оккупации положение еврейской колонии было достаточно стабильным. Деятельность еврейских общин в Китае была свернута во второй половине 50-х – начале 60-х годов, в основном в связи с массовым выездом еврейского населения в США, Канаду, Австралию и Израиль.

Значительной была украинская колония, численность которой, по разным источникам, колебалась в диапазоне от 2 до 20 тыс. чел. и более. Украинские национальные организации имелись в Харбине и Шанхае. Несмотря на то что достаточно широко были представлены ультранационалистические организации, украинская колония сохраняла пророссийскую ориентацию. Украинцы, вслед за казаками и русскими, оказались самой многочисленной этнической группой, большинство членов которой в 40–50-е годы вернулись из Китая в СССР.

Следующей по величине этнической группой являлись поляки. Их максимальная численность составляла 2,5–5 тыс. чел., а самым крупным землячеством было харбинское. Поскольку с начала 20-х и вплоть до конца 30-х годов существовала возможность получить польское гражданство путем оптации, это привело к сокращению численности поляков-эмигрантов. Колония тяготела к польскому консульству, широко участвуя в национальных праздниках и других мероприятиях. В 50-е годы Польша, как и СССР, провела репатриацию своего населения из Маньчжурии.

В целом в Маньчжурии и Северном Китае численность русскоязычной колонии на вторую половину 20-х годов оценивалось приблизительно в 155–170 тыс. чел.⁶⁷ По данным Лиги Наций и Красного креста, численность эмигрантов составила в 1930 г. – 127 тыс., в 1937 г. – 94 тыс. чел.⁶⁸

Помимо Маньчжурии активно заселялся и северо-запад Китая – провинция Синьцзян. Широкие торговые и экономические связи, интенсивная маятниковая миграция способствовали оседанию части российской колонии на территории этой провинции. Русскоязычная диаспора начала формироваться здесь со второй половины XIX в. и к концу столетия

насчитывала около 2 тыс. чел.⁶⁹ Сельскохозяйственная колонизация из России была направлена преимущественно в приграничный Илийский край. Первые казачьи поселения здесь появились еще в период русского управления краем (1871–1881 гг.)⁷⁰. К весне 1916 г. на территории округа существовало около десятка русских поселений, где постоянно проживало свыше 850 чел.⁷¹ Интенсивная русская колонизация края вызывала настороженность у китайской администрации. Русские поселения в китайском Алтае, равно как и приграничная торговля, сильно пострадали во время национальных выступлений 1916 г. и эмиграции казахов⁷². Массовый наплыв русскоязычного населения в регион был связан с окончанием Гражданской войны на Южном Урале и в Западной Сибири, а следующая волна эмиграции относится уже к началу 30-х годов, и вызвана она коллективизацией и голодом в СССР. Эти миграционные волны привели к образованию в Синьцзяне крупных казахских и русскоязычных колоний, включавших в себя выходцев из Российской империи и СССР.

Территориальная близость и экономическая заинтересованность в двусторонних отношениях способствовали развитию интенсивных контактов Синьцзяна с Советским Союзом, что привело к созданию разветвленной сети консульских, торговых и экономических представительств и вызвало значительный приток советского населения на территорию провинции. На 30-е годы пришелся расцвет советско-синьцзянских торговых отношений. Согласно договору 1931 г. провинциальное правительство Синьцзяна предоставило советским хозяйственным организациям и гражданам СССР право свободной торговли в Кашгарском, Илийском, Тарбагатайском, Алтайском и Урумчинском округах. Пограничные пункты Иркештам (Турагарт), Хоргос, Бахты и Дзимунуй (Май-Кончегай) стали основными транзитными коридорами. Координатором торговли с середины 30-х годов стало Всесоюзное объединение по торговле с Синьцзяном («Совсинторг»).

Центром русской эмиграции в провинции Синьцзян стал Илийский округ и г. Или (Кульджа), издавна являвшийся крупным коммерческим пунктом Джунгарии, расположенным на основном торговом пути: через Урумчи, Ланьчжоу, Сиань в Пекин. Первые русские торговые караваны дошли до Илийского края еще в начале XIX в., но лишь после подписания Кульджинского договора 1851 г. русским разрешили торговать в Кульдже и Тарбагатае (Чугучаке), где китайские власти создали торговые фактории. В 1855 г. русская фактория в Чугучаке была разграблена. В годы военного присутствия России в Илийском крае г. Кульджа восстановил

свое значение в русско-китайской торговле, достигшее пика в 90-е годы XIX в. и сохранявшееся вплоть до ухудшения отношений уже между СССР и КНР в 60-е годы XX в.

До революции основу российской колонии города составляли торговцы и отходники, в годы Гражданской войны она существенно пополнилась за счет группы оренбургских казаков. С этого времени в структуре русской общины стали доминировать военнотрудовые и перемещенное с армией гражданское население, преимущественно семьи казаков. Сформированные в ходе интернирования беженские группы и офицерский союз преобразовались впоследствии в Русский национальный комитет («Русский шанхой») – структуру, схожую с другими самоуправляемыми национально-культурными организациями, существовавшими в округе, которая стала организационным ядром русской колонии Илийского края. Во второй половине 30-х годов в городе действовали две эмигрантские школы, клуб и несколько общественных организаций. Основными сферами деятельности для эмигрантов стали извоз, кустарный и лесной промысел, работа на близлежащих каменноугольных шахтах.

В сельской местности округа русские эмигранты образовали несколько поселений, в том числе Дашагур, Шашагур, Толки, Кунес, Текес, Кен-Сау, Кара-Су, Нилки, Бутхана, хотя вплоть до середины 30-х годов колонизацию сдерживал запрет на покупку земли – ее преимущественно арендовали. О широком расселении русских на территории Илийского края свидетельствуют масштабы мобилизации эмигрантов в 1932 г. в китайскую армию, брошенную на подавление мусульманского восстания. Из трех уездов, где компактно проживали русские, – Суйдунского, Чимпандзинского, Кульджинского (вместе с долиной р. Текес), а также из Каш-Кунгесского района было мобилизовано 1 750 казаков⁷³. В ходе мобилизации численность русских полков, составленных из бывших белых и частей Красной армии достигала почти 3,5 тыс. чел. Военные подразделения были объединены в Алтайскую добровольческую армию.

Структура русских поселений в Синьцзяне окончательно сложилась после 1934 г. Учитывая роль русских в подавлении мусульманского восстания, китайская администрация разработала специальную программу по их расселению и наделению землей. Основное расселение планировалось осуществить в пограничье – в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах. Сами русские наиболее пригодным для занятия сельским хозяйством считали Илийский округ. В результате казаков и их семьи разместили в нескольких районах Синьцзяна: Пичан-Чиктынском, Лань-Сянском, Карашар-Курлинском, Тарбагатайском и Илийском. Площадь

выделенных земельных участков сильно различалась в зависимости от района вселения и составляла от 3 до 20 десятин на человека; в структуре новых русских поселений доминировали станицы и хутора⁷⁴. Первая перепись среди русскоязычного населения провинции была проведена в 1946 г. Согласно ее результатам на этой территории проживало почти 19,5 тыс. русских⁷⁵. Основными занятиями русскоязычного эмигрантского населения края в 30-е годы оставались военное дело и сельское хозяйство.

Вторым по численности районом расселения русских на территории провинции стал Урумчинский округ. Их основная масса концентрировалась в столице Синьцзяна, г. Урумчи, и к югу от столицы, в сельских районах. В Урумчи эмигранты работали в сфере услуг, а также в иностранных и советских торговых организациях. Еще одна небольшая русская колония находилась в Кашгарии.

В целом немногочисленная русскоязычная колония, включавшая в себя как белых эмигрантов, так и советское население, способствовала распространению в Синьцзяне европейского образа жизни и образования, западных технологий и производства. С приходом в Синьцзян русских здесь появились зерновое хозяйство, молочное животноводство, некоторые виды птицеводства, садоводства, отдельные ремесленные промыслы⁷⁶.

Помимо русскоязычной диаспоры на территории провинции сложилась и динамично развивалась казахская диаспора. Демаркация российско-китайской границы в районе Синьцзяна, осуществленная в 80-х годах XIX в. после присоединения Средней Азии к Российской империи, привела, как уже говорилось, к территориальному разделению казахского этноса. Поскольку при установлении границы руководствовались главным образом географическими соображениями, казахское население, проживавшее в приграничье, оказалось фактически разделенным. Наряду с традиционной маятниковой и сезонной миграцией, характерной для кочевого населения, на протяжении двух первых десятилетий XX в. происходили также массовые долговременные перемещения населения.

Пограничные области Восточного Туркестана, такие как Тайчен на севере, Или на западе, Кашгар и Аксу на юге, стали центрами расселения казахских беженцев. Численность казахского населения на территории Синьцзяна на 1911 г. составляла почти 225 тыс. чел.⁷⁷ Казахи расселялись главным образом в северо-западных округах Синьцзяна – Илийском, Тарбагатайском и Алтайском. Более мелкие группы кочевали в Баркульском и Урумчинском округах, почти повсюду соседствуя с монгольским

населением. После эмиграционного потока в 1916 г. в Алтайском округе насчитывалось около 100 тыс. казахов, в Тарбагатайском – 60–70 тыс., в Илийском – более 100 тыс.⁷⁸

В Китае казахи сохранили деление на родовые и племенные группы: керей были расселены в Алтайском округе – в долине Черного Иртыша и на Южных склонах Алтайского хребта; найманы сосредоточились в пределах Тарбагатайского округа по долине р. Эмиль и в горах Барлык, Майли и Джаир; албаны и казахи проживали в долинах рек Кунгес, Текес и Каш в Илийском округе. В структуре занятий населения доминировали скотоводство и охота⁷⁹. После восстания 1931–1933 гг. значительную группу казахов Алтайского округа Синьцзяна китайские власти насильственно переселили на восток, в соседние провинции Ганьсу и Цинхай.

По мнению казахстанских исследователей, вполне правомочным является подход, позволяющий рассматривать казахское население КНР и как диаспору, и как ирреденту. Казахская диаспора в Китае постоянно пополнялась за счет массовой этнической миграции из России – в силу действия факторов экономического и политического характера. Основанием для использования в отношении казахов КНР термина «ирредента» служит положение о том, что русско-китайские территориально-государственные разграничения в Центральной Азии разделили и исконно казахские территории, и казахский этнос. Однако выделяя этапы и вводя периодизацию формирования казахской диаспоры и ирреденты в Китае, современные исследователи в то же время уделяют мало внимания анализу этнокультурной специфики казахской диаспоры, в частности особенностям поведения и менталитета.

Наибольшую сложность представляет оценка численности эмигрантов-уйгур, так как уйгуры являются самым многочисленным коренным этносом Синьцзяна. Уйгуры из числа переселенцев из российской Средней Азии, не подвергшиеся ассимиляции, оседали преимущественно в городах приграничных северо-западных округов и в Кашгарии.

Высокая миграционная активность на протяжении первой половины XX в. была характерна для киргизов. Киргизы – одна из наиболее древних народностей Синьцзяна, они традиционно вели преимущественно кочевой образ жизни и занимались скотоводством. На юго-западе Синьцзяна киргизы соседствовали с уйгурами, живя оседло и занимаясь земледелием. Небольшие киргизские племена, связанные родственными узами с населением граничивших с Китаем районов Киргизской ССР, были расселены также в Илийском округе, в долинах южных притоков р. Текес. По данным ОГПУ, количество эмигрантов-киргизов составляло на

1933 г. около 60 тыс. чел., основные волны переселения относятся к 1916 и 1929–1932 гг.⁸⁰ Эмиграция была направлена преимущественно в Кашгар, что определялось как сложившимися экономическими связями, так и политическими причинами: активизацией басмачества, мусульманским восстанием и ставкой на реализацию панисламистских идей. На вторую половину 40-х годов численность киргизов, восстановивших советское гражданство, оценивалась в 7 тыс. чел.⁸¹

Вследствие миграции из России на территории Синьцзяна в новейшее время увеличилась численность и более мелких этнических групп. Татарская диаспора в Китае начала складываться достаточно рано – с начала XIX в. Татары заселяли главным образом такие районы Синьцзяна, как Алтай и Чанцзи-Хуэйский автономный округ, Урумчи, районы Или и Тачэн. Небольшая колония существовала также на юге провинции. Татарские колонии имелись в Пекине, Тяньцзине, Харбине, Чжэнчжоу, а также в других крупных и средних городах. Татары, жившие в сельской местности, занимались животноводством. Национальная элита была представлена в основном работниками просвещения, – татарская интеллигенция внесла значительный вклад в развитие сферы образования Синьцзяна⁸². Наибольшая политическая активность татарской диаспоры относится к периоду японского присутствия в Маньчжурии. На середину 40-х годов численность татарской диаспоры оценивалась советской стороной в 4–5 тыс. чел., из которых половина имели советское гражданство⁸³.

На территории китайского Алтая в районах компактного проживания тувинцев в 20–40-е годы за счет миграции из ТНР и СССР возросла численность этой этнической группы, – она оценивается в 2,5–4 тыс. чел.⁸⁴ Сегодня тувинцы (мончаки) компактно проживают в Китае на землях, заселенных преимущественно казахами, в Алтайском аймаке Синьцзян-Уйгурского автономного района, на северо-востоке Или-Казахского автономного округа, в основном в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Атай, Чингиль, Кок-Бугай и Бурул-Дугай. В ходе полевых исследований тувинскими учеными установлено, что последние волны откочевков тувинцев относятся к периоду Гражданской войны, началу 30-х годов и 1944 г.

В первой трети XX в. за счет эмиграции из Российской империи и СССР в приграничных регионах Китая резко увеличилась доля национальных меньшинств. Однако в полной мере выявить влияние миграционного фактора на динамику роста их численности пока не представляется возможным. В Китае консолидация мигрантов из России происходила главным образом на территориях Синьцзяна и Маньчжурии. Здесь были во многом сходные с российскими климатические условия и природная

среда, в силу чего не наблюдалось непреодолимого отчуждения и радикальной смены доминирующих в русской и других национальных культурах систем жизнеобеспечения.

1.3. Регулирование внешних миграций в Советской России

Мощные миграционные потоки, сформировавшиеся после Первой мировой войны, повлекли за собой создание в Советской России целого ряда структур, призванных регулировать межгосударственную миграцию. В апреле 1918 г. в составе Наркомата по военным делам была образована Центральная коллегия (позднее – Управление) по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), которая координировала деятельность учреждений, занимавшихся вопросами пленных и беженцев. В мае 1919 г. Центропленбеж перешел в ведение НКВД на правах отдела, сосредоточив в своих руках работу в отношении пленных и беженцев как мировой, так и Гражданской войны. С мая 1922 г. по январь 1923 г. возвращением военнопленных занималось Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) НКВД РСФСР, имевшее разветвленную сеть эвакуационных комитетов, которые действовали на всей территории страны. В 1920–1921 гг. эвакуационные комитеты наряду с оптационными комитетами занимались организацией обмена военнопленных, интернированных беженцев и оптантов. Не выехавшие из страны до 1923 г. военнопленные и беженцы оказывались в ведении ГПУ и иностранного отдела Центрального административного управления НКВД, на местах ими занимались иностранные отделы губернских отделов управления и губернской милиции. В первой половине 20-х годов регулированием межгосударственной миграции помимо ОГПУ занималась постоянно действующая комиссия Совета труда и обороны (СТО) по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции. Лига Наций также развернула работу по репатриации в Советскую Россию, – с этой целью был создан Комиссариат по делам военнопленных и беженцев.

В результате усилий Советской России и мирового сообщества по ликвидации последствий Первой мировой войны в РСФСР вернулась значительная масса населения, хотя оценить масштабы миграции в полной мере пока невозможно. Возвращение в СССР подданных бывшей Российской империи осуществлялось как путем реализации на практике собственного законодательства о репатриации, так и в ходе выполнения

особых программ, принятых на межгосударственном уровне. Первые разрешительные законы, допускавшие въезд на территорию Советского государства российских подданных, находившихся за рубежом, были приняты в январе 1918 г. Среди возвращавшихся в страну доминировали бывшие военнопленные. Оценивая масштабы их возвращения, можно утверждать, что из 3,3 млн русских пленных Первой мировой войны почти миллион вернулись в страну к моменту Октябрьской революции, а за период работы Комиссариата по делам военнопленных при Лиге Наций, действовавшего в течение почти двух лет, в Советскую Россию въехало еще 437 тыс. военнопленных.

В 1920–1922 гг. обмены военнопленными и интернированными гражданами лицами происходили в основном в рамках межгосударственных соглашений по оптации. По данным Комиссии по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции, с 1922 по 1927 г. в страну вернулись всего несколько тысяч реэмигрантов, главным образом из стран Северной и Южной Америки⁸⁵. Что касается репатриации эмигрантов и русских беженцев, покинувших Россию во время революции и Гражданской войны, то к 1922 г. вернулись 122 тыс. чел., к 1931 г. – 181 тыс., к 1938 – почти 200 тыс. эмигрантов⁸⁶.

Как уже отмечалось ранее, существенное влияние на межгосударственные миграционные процессы оказала оптация (выбор) гражданства. Оптация получила широкое распространение в первые годы становления института советского гражданства, что было связано со значительными территориальными изменениями в стране. Отделение от Советской России лимитрофных государств – Эстонии, Литвы, Латвии и Польши привело к появлению проблемы выбора гражданства. Вопросы оптации регулировались посредством договоров, заключенных правительством РСФСР с сопредельными государствами в 1920–1921 гг., а в других суверенных советских республиках, в том числе и в ДВР, – особыми законами. Все лица, находившиеся на территории РСФСР ко времени вступления в силу соответствующего договора (латыши – до 4 октября 1920 г., литовцы – до 14 октября 1920 г., поляки – до 27 апреля 1921 г., эстонцы – до 29 мая 1920 г.), стали считаться гражданами РСФСР, являясь уроженцами или жителями Польши, Финляндии и Прибалтики. Оптация была возможна также для лиц, проживающих вне территории страны, вследствие чего возможность изменить гражданство использовали, например, некоторые эмигранты, находившиеся в Китае⁸⁷. К 1923 г. процессы оптации были в основном завершены. Оценить масштабы оптации в целом и классифицировать составляющие ее миграционные потоки крайне слож-

но, поскольку этот сюжет все еще недостаточно изучен. Общесоюзное законодательство о гражданстве 1924–1946 гг. не предусматривало право оптации. Выбор гражданства в массовом порядке вновь стал возможен только после Второй мировой войны.

Вопреки ставке на мировую революцию и приверженности принципам интернационализма, советское правительство поспешило законодательно оформить нормативно-правовую базу института гражданства и регулирования внешней миграции. Первый закон о гражданстве РСФСР появился в 1918 г., а окончательно институт гражданства СССР сложился к середине 20-х годов. В это время большинство стран Европы и Азии лишь приступили к юридическому оформлению института гражданства и разработке комплекса юридических норм, регламентирующих натурализацию.

Конституция РСФСР 1918 г. признавала за местными Советами право приема в советское гражданство лиц, проживавших на их территории и не принадлежавших к «эксплуататорскому классу». Что касается вопросов гражданства вне территории РСФСР, то до образования СССР и принятия первой общесоюзной Конституции 1924 г. они регулировались законодательными актами соответствующих советских республик. С вхождением таких государственных образований в состав Советского государства эти вопросы приводились в соответствие с российским законодательством. Так, например, когда Дальневосточная республика в ноябре 1922 г. вошла в состав РСФСР, было аннулировано «российское гражданство ДВР», прекратили действовать все двусторонние соглашения, в том числе по паспортному режиму⁸⁸. 29 октября 1924 г. постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР был принят Закон «О союзном гражданстве», куда были включены и предшествующие законодательные акты⁸⁹. Региональное законодательство по вопросам гражданства, миграции, национальной политики, позволявшее, в частности, лицам без гражданства иметь национально-культурную автономию, было приведено в соответствие с общероссийским законодательством. По Положению 1924 г. право приема иностранцев в советское гражданство было отнесено к ведению ЦИК союзных республик, которые также решали вопросы о выходе из советского гражданства.

В июне 1930 г. и в апреле 1931 г. были приняты поправки к законам о гражданстве СССР. По Положению 1930 г. Президиум ЦИК СССР получил исключительное право регулирования вопросов о приеме в гражданство иностранцев, проживающих за границей, и о лишении советского гражданства. Положение 1931 г. сохраняло за населением право,

будучи гражданами СССР, одновременно сохранять гражданство союзной республики. Этим же Положением предусматривалась возможность изменения республиканского гражданства в силу национальной принадлежности или происхождения. Двойственность института советского гражданства (союзного и республиканского) повлекла за собой изменения в процедуре приема в гражданство, выхода из него и его лишения: это могло осуществляться по постановлению как ЦИК СССР, так и Президиума ЦИК той или иной союзной республики. Сохранялся упрощенный порядок приобретения гражданства и выхода из него для лиц рабоче-крестьянского происхождения и в связи с браком. В этих случаях приобретение гражданства и выход из него осуществлялись по постановлению высших территориальных исполнительных комитетов (краевого или областного уровня, автономной республики, автономной области). Если заявитель проживал за границей, вопрос решался постановлением полномочного представителя СССР.

Конституция СССР 1936 г. вновь подтвердила принцип единства союзного гражданства. В соответствии с Конституцией от 19 августа 1938 г. был принят новый Закон «О гражданстве СССР», согласно которому иностранцы принимались в советское гражданство по их ходатайству решением Президиума Верховного Совета СССР или Президиума Верховного Совета союзной республики, в пределах которой они проживали. В то же время к исключительной компетенции Президиума Верховного Совета СССР относился прием в советское гражданство иностранцев, проживающих за пределами Советского Союза. Законом 1938 г. регулировался вопрос об утрате гражданства, при этом делалось различие между процедурами выхода из гражданства и лишения гражданства, также отнесенными к исключительной компетенции Президиума Верховного Совета СССР. Закон вводил особую категорию лиц без гражданства. К ним относились те, кто проживал на территории СССР, не обладая советским гражданством, и не имел доказательств принадлежности к иностранному государству.

С середины декабря 1921 г. все уполномоченные НКВД начали прием документов на восстановление советского гражданства от лиц, проживающих за границей, и документы принимались до конца 1924 г. В Китае чрезвычайные уполномоченные РСФСР (СССР) приступили к работе в 1923 г., поэтому реализация вышеупомянутого решения на территории Китая началась только с лета 1924 г., одновременно с июньской амнистией. Процедура получения гражданства предусматривала амнистирование с последующей репатриацией на родину. Через советских пол-

номочных представителей (позднее – консулов) документы, включавшие их ходатайства о предоставлении гражданства, отправлялись на рассмотрение в Комитет гражданства НКВД, резолюция которого оформлялась как решение ЦИК СССР. Сама процедура могла занимать время продолжительностью до года. При положительном решении генконсульства оформляли советский заграничный вид на жительство (совзагранвид). О масштабах процесса восстановления в гражданстве свидетельствуют следующие данные: в конце 1923 г. в Китай было отправлено 4 тыс. паспортных бланков⁹⁰. Одновременно широко практиковались отказы в приеме в советское гражданство, основанием для которых обычно служил непролетарский статус заявителя.

После подписания договора о совместном управлении КВЖД и создания сети советских консульских учреждений возникла уникальная ситуация, когда получение гражданства не рассматривалось как условие выезда из страны, а наоборот, предполагало длительное проживание и работу в Китае. В 1925 г. с целью советизации служащих КВЖД консульства обратились в Москву с просьбой о создании комиссии по восстановлению гражданства, которая могла бы на месте восстанавливать в гражданстве отдельные категории заявителей (рабочие и служащие КВЖД, кроме служивших в белой армии; активисты партийных, советских и профсоюзных организаций; рядовые беженцы пролетарского происхождения, спасавшиеся от «белогвардейского террора»)⁹¹. Консульства получили право централизованно отправлять в Москву списки соискателей советского гражданства. Ходатайства рассматривались в кратчайший срок, и по ним, как правило, принималось положительное решение. Большинство заявлений поступало от бывших российских подданных.

Уже к августу 1925 г. советское гражданство получили 8,5 тыс. служащих КВЖД. Если в 1925 г. количество поданных заявлений существенно превышало количество выданных совзагранвидов, то в 1926 – первой половине 1927 г. совзагранвидов выдавалось в полтора-два раза больше, чем поступало ходатайств⁹². Рекордное число совзагранвидов – 490 – было выдано харбинским консульством в октябре 1927 г. Одновременно в том же году была проведена перерегистрация советских граждан, постоянно проживающих в Китае. Однако в следующем, 1928 г., наметилось резкое сокращение количества ходатайств о приеме в гражданство СССР от лиц, проживающих в Китае: если прежде в харбинское консульство поступало в среднем 300 заявлений в месяц, то теперь эта цифра снизилась вдвое⁹³. При эвакуации консульских архивов в связи с конфлик-

том 1929 г. на КВЖД выяснилось, что почти 10 тыс. ходатайств от лиц, проживающих в полосе отчуждения, полученных начиная с 1926 г., оказались недооформленными⁹⁴. В 1930 г. вновь началась кампания по советизации. Это было вызвано необходимостью сформировать персонал КВЖД, не прибегая к массовым увольнениям эмигрантов и допуская одновременно массового перехода в китайское гражданство. Получение гражданства ускоренным образом предусматривалось в первую очередь в отношении лиц, достигших совершеннолетия, что «позволяло порвать с эмигрантской средой»⁹⁵.

Случаев выхода из союзного гражданства в 20-е годы было мало, в большинстве своем все они относились к гражданам лимитрофных государств при выезде их на родину или заключении брака с иностранным гражданином. Массовый случай выхода из советского гражданства (49 заявлений), связанный с конфликтом 1929 г., был зафиксирован в Дайрене⁹⁶. С 1932 г. в связи с изменением политической ситуации в Маньчжурии наметилось резкое увеличение количества отказов от советского гражданства в пользу эмигрантского состояния.

Изначально в советском законодательстве, регулировавшем вопросы гражданства, доминировал не правовой, а политический аспект: упор делался на зависимость населения от государства и политическую принадлежность к нему. На протяжении всей своей истории Советское государство широко практиковало лишение гражданства в качестве репрессивной меры. Начиная с октября 1921 г. правительство РСФСР стало использовать практику лишения гражданства в отношении отдельных категорий бывших подданных Российской империи, ставя тем самым миллионную массу беженцев в положение лиц без гражданства. Подписанное В.И. Лениным Постановление СНК от 28 октября 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий российских граждан, находившихся за границей»⁹⁷ лишало гражданства следующие категории населения: 1) проживших за границей непрерывно более пяти лет и не имевших советских заграничных паспортов; 2) выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. (по новому стилю) без разрешения советских властей; 3) добровольно служивших в армиях, сражавшихся против Советской власти или участвовавших в какой-либо форме в контрреволюционных организациях; 4) имевших право оптации российского гражданства и не воспользовавшихся этим правом. Фактически от 1,5 до 2 млн чел., выехавших из страны после революции, оказались в положении лиц без гражданства.

Согласно союзному Постановлению 1924 г. советского гражданства лишались невозвращенцы и перебежчики, а также все категории населе-

ния, перечисленные в Законе РСФСР от октября 1921 г. Важно подчеркнуть, что по Закону 1924 г. лишение гражданства могло происходить и административным путем. Несмотря на то что подобная практика осуществлялась уже с 1922 г. в форме административных высылки за границу, теперь она была оформлена законодательно и фактически задним числом⁹⁸. Так, первая высылка за рубеж имела место осенью 1922 г., когда по постановлению Политбюро были выдворены из страны 160 видных деятелей науки и культуры. Как форма наказания высылка советских граждан за границу была отменена спустя 10 лет, после принятия Особом совещанием НКВД уточнения о том, что такая мера наказания применима лишь в отношении иностранных подданных, являющихся особо опасными⁹⁹. Консульства имели право возбудить перед ЦИКом ходатайство о лишении лица, постоянно проживающего за границей, советского гражданства. Основанием для этого могли стать антисоветская деятельность, «связь с белой эмиграцией» и отказ от возвращения в СССР¹⁰⁰. В 1925 г. были лишены советского гражданства находившиеся за границей и не зарегистрированные в срок бывшие военнопленные и интернированные военнослужащие царской и Красной армий, а также амнистированные участники восстаний, военнослужащие белых армий и члены контрреволюционных организаций¹⁰¹. Тем не менее вплоть до 1958 г. в Уголовном кодексе РСФСР сохранялась формулировка, предоставляющая государству право лишать гражданства по суду с последующей высылкой за пределы СССР. С конца 60-х годов лишение гражданства и последующая высылка из страны вновь стали широко применяться.

Основанием для приобретения (восстановления) гражданства СССР выходцами из Российской империи и лицами, утратившими в силу разных причин советское гражданство, могла быть политическая амнистия. Советская власть на протяжении всей первой половины 20-х годов объявляла единовременные политические амнистии дважды в год (к очередной годовщине Октябрьской революции и Первомаю). В течение 1921–1924 гг. законы об амнистии были приняты на общероссийском уровне. 3 ноября 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об амнистии лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских организациях». Он касался тех, кто «обманом или насильственно был втянут в борьбу против Советской власти». Амнистия объявлялась также для лиц, которые участвовали в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля и др. в качестве рядовых солдат: они могли вернуться в Россию на общих основаниях с военнопленными¹⁰². В то же время согласно этому декрету военнослужащие белых армий, оказавшиеся в Китае, не подлежали ам-

нистии. Во многом это объяснялось тем, что Гражданская война к моменту принятия декрета не была завершена. Первоначально возвращение рядовых военнослужащих белой армии, оказавшихся на территории сопредельных территорий Синьцзяна и Маньчжурии, осуществлялось на основании приказов по Красной армии.

На территории Китая амнистия 1921 г. позволила провести частичную репатриацию рядовых военнослужащих белой армии. Советские представительства открыли учет военнослужащих: имевшие намерение выехать на родину должны были зарегистрироваться. Правом амнистии пользовались солдаты в звании не выше унтер-офицера. Амнистия распространялась только на рядовых колчаковской армии и не предусматривала аналогичной процедуры в отношении военнослужащих других белых армий. Выезд в СССР был возможен на основании документов по амнистированию, иногда и до получения советского гражданства. Повсеместной была практика въезда в Советскую Россию на основании эвакуационных свидетельств, выдаваемых заграничными советскими дипломатическими представительствами без запросов в Москву и часто без заграничных виз и свидетельств о разрешении на возвращение, которые выписывались только после восстановления в гражданстве¹⁰³. Основанием к возвращению бывших рядовых военнослужащих белых армий помимо российской амнистии 1921 г. были амнистии правительства ДВР, позволявшие ходатайствовать о получении гражданства ДВР. Кроме того, региональные сибирские и дальневосточные власти (Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б)) неоднократно рассматривали и решали вопросы, связанные с возвращением казаков из числа рядовых, эмигрировавших с белой армией в Маньчжурию¹⁰⁴. Фактически первая волна репатриации, проводившаяся с конца 1922 г. по март 1924 г., осуществлялась как реэвакуация, и затронула она военнослужащих.

Китайские власти по обоюдному согласию с российской стороной начали осуществлять плановую реэвакуацию российских беженцев из Маньчжурии. Советские власти настаивали на эвакуации военных беженцев из числа формирований, отступивших из Приморья. Вместе с тем из-за отсутствия средств они не могли осуществлять вывоз самостоятельно. Советская сторона первоначально благожелательно отнеслась к шагам китайских властей Особого района восточных провинций по эвакуации белых из полосы отчуждения КВЖД. Но поскольку комплектование партий эвакуируемых из Маньчжурии и транспортировка их до границы осуществлялись за счет китайской стороны, это не позволяло советской стороне контролировать контингент выезжавших.

В январе 1923 г. вопрос о порядке амнистии и реэмиграции белых из Китая обсуждался в Отделе Дальнего востока НКВД и Иностранном отделе ОГПУ¹⁰⁵. Полномочным представительством СССР в Китае в марте того же года была представлена первичная информация о приблизительной численности белых беженцев и масштабах возможной репатриации. Первоначально планировалось проведение репатриации при содействии полпредств Центроэваком, силами которого предполагалось вывезти около 5 тыс. чел. Спустя месяц, по информации полпредства СССР в Китае, количество репатриантов только в Маньчжурии могло составить не менее 20 тыс.¹⁰⁶ По сообщениям советских представителей, массовая репатриация не исключалась в Западном Китае и Шанхае. Камнем преткновения между ведомствами стал вопрос о контингенте будущих репатриантов: ОГПУ настаивало на реэвакуации только нижних чинов белых армий из числа рабочих и крестьян, НКВД же считал необходимой массовую репатриацию всех белых беженцев, что позволило бы разрушить очаг «белого бандитизма» в Китае¹⁰⁷.

В ожидании массовой репатриации китайская сторона самостоятельно продолжала эвакуацию из полосы отчуждения КВЖД. Репатриацию осуществляли войска охранной стражи КВЖД во главе с генералом Чжу Цинланом, настойчиво проводившим линию по «возвращению всех белобегенцев» в Россию¹⁰⁸. Репатриация осуществлялась на добровольных началах. За первую половину 1923 г. в РСФСР отправили 1 185 чел. Известно, что практически все репатрианты выехали в европейскую часть СССР. В сентябре 1923 г. количество реэмигрантов из Маньчжурии составило 1 325 чел.¹⁰⁹, среди них амнистированных было не более 1–2%. В мае 1924 г. по распоряжению штаба 5-й армии прием репатриантов не осуществлялся, но вскоре это решение было отменено Управлением военных сообщений 5-й армии и в дальнейшем задержек уже не было. Въезд осуществлялся на основании эвакуационных свидетельств, выдаваемых особоуполномоченным СССР в Харбине.

Осенью 1923 г. советские пограничные части впервые отказались пропустить на территорию Советского Союза часть репатрируемых белоэмигрантов на том основании, что китайская сторона высылает белых офицеров, гражданских беженцев и уголовный элемент. Соглашения о репатриации рядовых военнослужащих этого не предусматривали. Соответствующие протесты были высказаны Чрезвычайным полпредством СССР, что вызвало волну комментариев: китайские представители заявляли, что они исходят «из человеколюбия», проводя репатриацию за свои средства и в дальнейшем намерены комплектовать эшелоны по

своему усмотрению. Как заявляли китайские власти, в дальнейшем русские беженцы будут доставляться в приграничную зону, но далее будут вынуждены самостоятельно, пешком, пересекать советскую границу. С января 1924 г. по сентябрь включительно из Маньчжурии в РСФСР эвакуировали 4 120 чел.¹¹⁰, в декабре въехало еще не менее 290 чел. Таким образом, за полтора года китайской стороной через восточную линию КВЖД было отправлено в СССР более 6 тыс. чел.

При отборе кандидатов на репатриацию советские консульские работники в Китае ориентировались в первую очередь на социальное происхождение и политическую лояльность. Тем не менее анализ уголовных дел репатриантов приводит к заключению, что в середине 20-х годов, после упрощения процедуры въезда для некоторых категорий эмигрантов, широкое распространение получили случаи, когда под маркой рядовых участников военных действий в СССР возвращались офицеры, а также и те, кого впоследствии квалифицировали как «зажиточных» и «кулаков». Многие возвращались в места прежнего проживания, в силу чего зачастую им не удавалось скрыть факт нелегального въезда в страну. Советские консульские работники, проводившие репатриацию, осознавали, что возвращения на родину «широких пролетарских и бедняцких масс» эмигрантов не произошло.

С начала 1924 г. НКВД вновь заострил перед ОГПУ вопрос о необходимости массовой и плановой репатриации из Китая. На конец марта 1924 г. был запланирован выезд в Харбин репатриационной комиссии, которая, по мнению НКВД, могла бы выдавать визы на въезд в СССР без запроса центра. Законодательно закрепленный порядок подачи заявлений на амнистию НКВД предлагал упростить, сведя его к подаче списков через ОГПУ в ЦИК, решение которого предлагалось сообщать репатриационной комиссии по телефону. Фактически такая комиссия была создана и ожидала решения о начале массовой репатриации. По предварительной оценке особоуполномоченного в Харбине М.Я. Ракитина, только до октября 1924 г. из Маньчжурии могло выехать в СССР от 15 до 20 тыс. чел. ОГПУ категорически возражало против въезда такого количества белых. В конце августа на межведомственном совещании НКВД и ОГПУ произошло окончательное согласование всех вопросов о порядке осуществления декрета о гражданстве. Было принято решение делать это на базе полпредства в Пекине и уполномоченного комиссии по приему в советское гражданство в Харбине.

Тем не менее по ходатайству советских дипломатических представителей в Китае НКВД СССР обратился во ВЦИК с предложением рас-

пространить амнистию на «группу дутовцев, анненковцев, щербаковцев и бакичевцев». Была создана специальная межведомственная комиссия, призванная решать вопросы применения амнистии к эмигрантам, находившимся в Синьцзяне¹¹¹. «Рядовые участники белогвардейских организаций, ушедшие в Китай и Монголию», были амнистированы ВЦИКом лишь 9 июня 1924 г.¹¹² Данное решение, а также создание в 1925 г. советских консульских учреждений на территории Китая, не только существенно упростили процедуру въезда в СССР для этой категории эмигрантов, но и сделали репатриацию легальной и законной. Сформированная законодательная база по восстановлению в советском гражданстве амнистированных лиц позволяла проводить репатриацию военнотружеников и гражданских лиц, перемещенных за пределы страны в ходе Гражданской войны. С 1924 г. поток реэмигрантов из Китая существенно увеличился и к 1927 г. практически полностью себя исчерпал. Особая кампания по восстановлению в гражданстве СССР белых эмигрантов, проживавших на территории Синьцзяна, была проведена с апреля 1926 г. по апрель 1927 г.¹¹³ За период с 1921 по 1927 г. легально из Синьцзяна вернулось почти 17,5 тыс. чел.¹¹⁴

Среди перемещенного в годы Первой мировой и Гражданской войн гражданского населения особую категорию составляли этнические беженцы, проживавшие на приграничных территориях. Абсолютное большинство перемещенных лиц в Китае и Монголии составляли беженцы из числа коренного населения. В отношении таких мигрантов с окончанием военных действий предпринимались особые усилия, направленные на их репатриацию.

С установлением Советской власти в Средней Азии и Казахстане была продолжена программа возвращения с китайской территории в Российский Туркестан уйгур, дунган и киргизов, начатая царским и Временным правительствами. Еще в ходе военных действий при штабе Туркестанского фронта была создана репатриационная беженская комиссия. Значительную роль в активизации реэмиграции этих этнических групп из Северо-Западного Китая сыграл Илийский протокол, подписанный между РСФСР и Китайской Республикой в мае 1920 г. В нем оговаривался порядок возвращения в Советскую Россию казахского населения¹¹⁵, перемещенного в ходе антирусского восстания 1916 г. (откочевки в Западный Китай с приграничных территорий происходили также в 1918 и 1920 гг.).

Согласно Илийским договоренностям 1920 г. было создано несколько межведомственных комиссий по пограничным вопросам при правительстве Киргизской Республики. Впоследствии подобные структуры дейст-

вовали при правительствах Киргизской ССР, Узбекской ССР и Казахской ССР. На советской территории, в частности в Хоргосе, функционировал специальный пункт по реэвакуации, работу которого курировали ОГПУ и представители исполкомов территорий, куда направлялись беженцы. Работа по реэвакуации проводилась единичными советскими представителями, а с середины 20-х годов – аппаратом советских консульств, действовавших в Урумчи и Кульдже. Илийский и кашгарский консульские округа были заняты преимущественно реэмиграцией казахов. В ходе реализации Илийского протокола в места постоянного проживания вернулось около 100 тыс. казахов, а пик реэмиграции пришелся на середину 20-х годов.

Особые усилия были предприняты правительством ДВР по возвращению бурят из Монголии и Китая. В 1921–1923 гг. правительство и Учредительное собрание ДВР дважды амнистировали граждан из числа «бурят-монгольской народности, проживающих за границей», в том числе «рядовых участников бурятских подразделений, действовавших на стороне атамана Семенова и барона Унгерна»¹¹⁶. Сформированная при Министерстве по делам национальностей специальная комиссия по реэмиграции провела на территории МНР перепись откочевавшего населения. Были также созданы структуры национального самоуправления. Однако усилия ДВР, а затем и РСФСР, направленные на реэмиграцию бурят, закончились неудачей, хотя некоторая часть бурят выбрала советское гражданство, оставшись на постоянное жительство в Монголии. В ноябре 1923 г. российская сторона была вынуждена согласиться на натурализацию эмигрантов-бурят в МНР¹¹⁷. В целом реэмиграция этого периода не затронула территории компактного проживания бурят в Китае.

В отношении сельскохозяйственных реэмигрантов на протяжении всех 20-х годов существовали значительные налоговые льготы, принятые декретами и постановлениями правительства. Для казахов, возвратившихся до 1922 г., льготы по сельхозналогу действовали вплоть до конца 1925 г. В январе 1926 г. постановлением ЦИК и СНК СССР были введены льготы на пять лет реэмигрантам, возвращающимся в Казахскую АССР, а в октябре 1926 г. это постановление было распространено на реэмигрантов, возвращающихся в Киргизскую автономную область (с 1927 г. – Киргизская АССР)¹¹⁸. Льготы распространялись и на реэмигрантов-бурят. Либеральная экономическая политика в отношении реэмигрантов, занятых в сельском хозяйстве, в этот период преследовала цель ограничить вновь начавшее активизироваться эмиграционное движение национальных меньшинств.

Что касается выезда из Советской России за границу, то его регулирование начинается лишь с 1919 г. До апреля 1919 г. заграничные паспорта РСФСР выдавались иностранным отделом ВЧК и соответствующими отделами губернских Советов, а с апреля 1919 г. право их выдачи принадлежало только Народному комиссариату иностранных дел. Паспорта получали лишь те советские граждане, против выезда которых за границу не возражали органы НКВД и Наркомата по военным делам. С 1920 г. заграничные паспорта предварительно визировались еще и Особым отделом ВЧК.

С 1922 г. советский заграничный паспорт был действителен для пребывания за границей в течение шести месяцев. Право продления срока действия паспортов за пределами РСФСР принадлежало только полномочному представителю РСФСР в той или иной стране¹¹⁹. Выезд допускался по особому разрешению НКВД, «выдаваемому... в виде визы, накладываемой на заграничные паспорта». Кроме заявления в НКВД необходимо было представить разрешение ГПУ, «удостоверяющее отсутствие законного препятствия к выезду», которое выдавалось по предъявлении заявления, вида на жительство, поручительства двух граждан РСФСР, удостоверения с места работы и справок из общественных организаций¹²⁰. Порядок выезда за границу в служебные командировки регламентировался инструкциями Рабоче-крестьянской инспекции. В конце 1922 г. советское правительство временно запретило выезд за границу по личным делам военнослужащим и лицам призывного возраста, и впоследствии они могли выезжать согласно общесоюзному Постановлению 1925 г. лишь с разрешения командующего военным округом. Облегченный порядок выезда за границу действовал только для отдельных категорий граждан, например для пострадавших от голода, если они выезжали к родственникам. При этом они могли как эмигрировать, так и получить заграничный вид на жительство и проживать за границей в течение года. Помимо общесоюзного и республиканских законодательных актов о порядке выезда из страны действовали также многочисленные ведомственные инструкции.

Вопреки преимущественно запретительному характеру выездного законодательства, на практике миграционная активность населения продолжала оставаться значительной. Это объясняется тем обстоятельством, что на протяжении первой половины 20-х годов в стране еще только формировались механизмы, ограничивающие внешнюю миграцию. В это время советское законодательство позволяло гражданам СССР долговременно проживать за границей, что привело к формированию многочислен-

ных советских колоний. Совокупная численность советской колонии в Туве, Монголии и Китае составляла около 100 тыс. чел. Динамику выезда и въезда населения на китайском направлении наглядно демонстрирует статистика. Согласно данным ЦСУ СССР, в 1924 г. из Китая в СССР въехало более 9 тыс. чел., а выехало в Китай более 1 тыс., в 1925 г. – более 16 тыс. и 13 тыс. соответственно, в 1926 г. – 23 тыс. и 8 тыс., в 1927 г. – 27 тыс. и 16 тыс.¹²¹

С середины 20-х годов в связи с переходом на систему округов в административном устройстве страны выдачу заграничных паспортов, прием иностранцев в гражданство и вывод из гражданства стали осуществлять окружные отделы НКВД. Принятие решений по подобным вопросам возлагалось на начальника (или его заместителя) административного отдела губернского или областного исполкома¹²². Заявитель должен был представить все необходимые документы в иностранный отдел ОГПУ, в случае возражения последний выдавал справку. Жалобы на действия окружных органов рассматривались краевыми и губернскими органами НКВД совместно с ОГПУ.

В 1926 г. вновь изменился порядок получения общегражданских заграничных паспортов, как и процедура выезда за границу в целом, последовали соответствующие циркуляры НКВД и Наркомата финансов. Существенно, в зависимости от социальной категории выезжавших, различались размеры госпошлины на заграничные паспорта. Инструкцией специально оговаривались условия получения паспортов лицами, командированными НКПС для работы в учреждениях КВЖД, и красноармейцами, возвращавшимися в полосу отчуждения КВЖД. В отношении специалистов требовалось выданное НКПС командировочное удостоверение за подписью наркома или его заместителя. Красноармейцы могли получить паспорт после получения разрешения на выезд за границу, выданного командующим войсками округа¹²³. В 1926 г. был принят специальный циркуляр НКВД «О выезде на территорию Китайско-Восточной железной дороги красноармейцев, проживающих там до призыва и увольняемых в краткосрочные и долгосрочные отпуска»¹²⁴.

В первые годы существования РСФСР охрана границы имела скорее экономические, а не политические цели, поэтому в первую очередь восстанавливалась таможня. В силу этого обстоятельства советская пограничная охрана первоначально была сформирована в структуре Наркомата финансов. Пограничные войска перешли в ведение ГПУ в 1922 г., а в 1934 г. ОГПУ, в свою очередь, вошло в состав НКВД. Постепенно за пограничными службами закреплялись все новые функции, возрастала

степень их участия в военной и политической охране границы. Существенные изменения произошли в районировании пограничных зон. Особые пограничные зоны появились в 1922 г. сначала на западных рубежах страны, а затем на всем протяжении советской границы. С 1922 по 1927 г. существовали 15-верстные пограничные зоны, с 1927 по 1934 г. – 22-километровые с выделением особой зоны глубиной в 7,5 км, с 1934 г. пограничными считались только 22-километровые зоны. С конца 20-х годов особый статус приобрели территории, расположенные на расстоянии до 100 км от границы.

Порядок пересечения границы и условия пограничного режима определялись общесоюзными законами об охране государственной границы и Уставом пограничной службы, изменения которых отражались в специальных постановлениях исполнительной власти, ведомственных циркулярах и разъяснительных инструкциях. На протяжении 20-х годов трижды – в 1921, 1924 и 1927 гг. – принимались законы об охране границы и дважды – в 1923 и 1926 гг. – вводились временные уставы, фиксировавшие общие принципы устройства института пограничной охраны, порядок несения службы, процедуры пересечения границы, условия пограничного режима и т.п. Положением ЦИК от сентября 1924 г. «Об охране границ СССР» определялся порядок пересечения границы пограничным населением, предполагавший переход только через оговоренные пограничные и таможенные пункты. Переход границы в неустановленных местах рассматривался как нелегальный и наказывался задержанием нарушителя¹²⁵.

В 1926–1927 гг. выдача разрешений на переход границы по хозяйственным надобностям для пограничного населения (однократных и многократных, на срок до трех месяцев) осуществлялась на основании пропусков, выдаваемых сельсоветами и районными исполнительными комитетами, и мотивированного заявления, визируемого погранчастями. Разрешения на выезд в погранзону выдавались административными отделами окружных исполкомов и районными исполнительными комитетами по особым разрешениям ОГПУ. Согласно инструкциям ОГПУ причины отказа в выезде заявителям не объяснялись. В своих инструкциях местным органам власти ОГПУ Дальневосточного края рекомендовало не давать разрешений на выезд за границу и въезд в пограничную зону лицам свободных профессий, безработным и элементам, «не внушавшим доверия»¹²⁶. По статье 84 УК РСФСР нелегальный переход границы предусматривал уголовную ответственность и конфискацию имущества. Несанкционированный въезд в по-

граничную зону и нарушение правил регистрации влекли за собой ответственность по ст. 192 УК РСФСР.

Согласно Закону 1927 г. в обязанности пограничных войск ОГПУ входило обеспечение экономической, военной и политической охраны границы. Въезд в пределы особой приграничной зоны глубиной 7,5 км запрещался всем, кроме местных жителей и лиц, имеющих специальные пропуска ОГПУ и НКВД, переход границы допускался только через контрольно-пропускные пункты. По Закону 1927 г. в ведении пограничных войск находилась вся территория пограничной полосы. В 22-километровой зоне погранслужбы могли проводить задержания, проверки документов, обыски. Они имели право вести преследование и за пределами пограничной полосы. На территории особой зоны пограничники обладали правом административной высылки, подавления антиправительственных выступлений вместе с регулярными частями Красной армии. В 1935 г. Постановление СНК СССР еще больше ужесточило режим в особых пограничных зонах, въезд в которые без разрешения воспрещался. Проводились дополнительные мероприятия по паспортизации населения, закрывались для общего пользования дороги, примыкающие к линии границы¹²⁷.

С 1927 г. все более очевидной становится тенденция к ограничению поездок за границу. Увеличивается срок рассмотрения дел при выезде за рубеж по частным вопросам, вводятся дополнительные сборы и усложняется процедура обжалования отказов. Политика ограничения и запрещения эмиграции из СССР достигла своей кульминации осенью 1929 г., когда вышло постановление, запрещавшее эмиграцию представителей ряда национальных меньшинств. Во второй половине 20-х годов количество открыто публикуемых правительственных решений по вопросам гражданства и миграций сокращается. С 1927–1928 гг. их заменяют секретные правительственные постановления, циркуляры и инструкции НКВД. 19 декабря 1928 г. был принят циркуляр НКВД (№ 427/52/с «О выезде за границу граждан СССР по частным вопросам»), согласно которому ограничение выезда и эмиграции обосновывалось «необходимостью сокращения вывоза валюты». Например, в Китай можно было вывезти валюту на сумму, не превышавшую 75 руб. Согласно тому же циркуляру в ходатайствах граждан СССР о выезде за границу по частным делам «для свидания с родственниками, эмиграции временной – подыскания себе работы, устройства на службу или на постоянное пребывание, для обучения в заграничных учебных заведениях и прочего» надлежало отказывать. Целесообразным выезд признавался лишь

в исключительных случаях, а разрешение на него имели право давать только центральные органы ОГПУ¹²⁸. Ограничение частных выездов, в том числе и в Китай, в эти годы происходило одновременно с расширением практики централизованной вербовки по трудовым договорам для работы в Монголии и Туве.

На протяжении второй половины 20-х – 30-х годов Советское государство постепенно ужесточало политику в области эмиграции и иммиграции, что привело к полному прекращению легальной эмиграции из СССР. Ужесточение политического и экономического режима в стране подстегнуло нелегальную эмиграцию в сопредельные страны, включая Китай. Наиболее значительные масштабы эмиграция приобрела у нескольких этнических групп: у казахов, немцев, бурят и татар-бухарцев.

В 1924 г. о своем желании эмигрировать в Турцию официально заявили татары-бухарцы, проживавшие в Тарском округе Сибирского края. Сибревком в принципе был не против эмиграции и соглашался дать разрешение на выезд. Но в 1926 г. ЦИК РСФСР запретил татарам-бухарцам эмигрировать. Одновременно были предприняты меры по расширению их национальной автономии.

С 1923 г. наблюдалось усиление эмиграционного движения немцев. Масштабы их выезда из СССР нарастали, несмотря на создание в 1924 г. Автономной республики немцев Поволжья. В 1925 г. СССР и Германия заключили соглашение, позволявшее советским немцам выезжать на постоянное жительство в Германию, однако сами они направлялись преимущественно в Америку и Канаду. В 1929 г. эмиграция приобрела массовый характер, особенно с территорий Сибири, Казахстана, Урала и Украины. Большинство немцев, желавших эмигрировать, стремились перебраться в Москву и легально выехать из страны, но в ноябре силами ОГПУ была проведена широкомасштабная акция по возвращению немцев-меннонитов в Сибирь. Одновременно, опасаясь международного скандала, в декабре 1929 г. власти дали 6 тыс. чел. разрешение на выезд. Позднее часть немецкого населения перебралась из Сибири на Дальний Восток и нелегально эмигрировала в Китай.

В конце 20-х годов возобновилась эмиграция в Китай бурятского населения. Один поток шел транзитом через МНР, другой – непосредственно в Баргу, в местность Чэнхэн, где располагался центр бурятской эмиграции. Эмиграционное движение бурят из Агинского аймака в Китай возникало в 20–30-е годы неоднократно. В 1925–1926 гг. массовый масштаб приобрело так называемое Борзинское движение, связанное с откочевкой из БМАССР бурятского населения, в том числе бурят – ре-

эмигрантов из МНР, в Борзинский район Забайкальского округа Дальневосточного края. На территории района был основан поселок (сомон) Новая Заря. Оказавшись за пределами БМАССР, буряты фактически приобрели статус национального меньшинства. Переселение в Забайкалье позволяло получить значительные налоговые льготы, избежать призыва на военную службу, за переселенцами сохранялось право сезонной перекочевки в Монголию. Движение активно поддерживалось ламским духовенством. Руководство БМАССР выдвинуло требование о передаче сомона Новая Заря в ведение республиканских властей. К началу 1929 г. численность переселенцев составила более 1 тыс. чел.

В первые месяцы 1929 г. в СССР стартовала кампания по переводу кочевого населения на оседлость, были проведены мероприятия по кооперированию всех бедняцких хозяйств в пограничных районах, началась коллективизация. Ситуацию усугубила бескормица, вызванная неурожаем. Весной 1929 г. наметился массовый уход бурятского населения из Агинского аймака, охвативший в большей степени Адун-Чилонский хошун. Эмиграция приобрела такие масштабы, что вопрос об этом специально обсуждался партийным руководством БМАССР и Сибирского края. 13 апреля 1929 г. была принята резолюция Бюро обкома БМАССР «Об эмиграции и мероприятиях по борьбе с ней», в соответствии с которой Бурятскому ЦИК предписывалось провести районирование аймаков, где наблюдались особенно сильные эмиграционные настроения¹²⁹. Постановлением СНК РСФСР от 11 июня 1929 г. правительству БМАССР поручалось разработать практические мероприятия по изживанию эмиграционных настроений в пограничных районах и ускорению перевода населения этих территорий на оседлость¹³⁰. В Агинском аймаке была проведена мощная репрессивная кампания в отношении духовенства, «табхаевцев» и «кулацко-ноенатского элемента».

Весной 1931 г. эмиграционное движение в Агинском аймаке вспыхнуло с новой силой, особенно в улусах и сомонах Адун-Чилонского района. Известно, что за лето–осень 1931 г. в Китай откочевало более 200 чел. Эмиграция бурят получила широкую поддержку со стороны русскоязычного населения и буддистского духовенства¹³¹. Усиление миграционного движения вызвало волну репрессий.

Самое интенсивное эмиграционное движение наблюдалось среди казахов. Вопросы об эмиграции в Синьцзян населения Казахской АССР несколько раз обсуждались на Президиуме ВЦИК. На протяжении второй половины 20-х годов Центральному исполнительному комитету Казахской АССР неоднократно рекомендовалось провести кампании по

возвращению казахов, для чего следовало активно применять амнистии, практиковать массовое прекращение судебных преследований в отношении перебежчиков, скорректировать налоговую политику. Тем не менее эмиграционное движение продолжало нарастать. В начале апреля 1930 г. СНК Казахской АССР предпринял серию превентивных мер, призванных ограничить нелегальные перекочевки в Китай. Среди этих мер особенно выделялись высылки социально опасных категорий населения – баев и кулаков за пределы 100-километровой приграничной полосы и преследование лиц, оказывавших содействие бандитским формированиям¹³². С правительством провинции Синьцзян были подписаны специальные соглашения о выдаче нелегальных эмигрантов, бежавших с территории СССР, вместе со скотом и имуществом. Однако на практике эти договоренности так и не были реализованы.

В качестве реакции на массовый характер эмиграционного движения среди национальных меньшинств в пограничных районах СССР последовали соответствующие директивы со стороны Президиума ВЦИК и Президиума ЦИК СССР. В целях исполнения этих директив были разработаны специальные циркулярные инструкции, призванные обеспечить принятие «срочных мер к ликвидации эмиграционного настроения среди нацменьшинств». В инструкции ВЦИК от 18 апреля 1930 г. в качестве подобных мер назывались исправление допущенных перегибов в области колхозного строительства, улучшение хозяйственного и культурного обслуживания национального населения, создание партийного и советского аппарата по возможности из местных кадров, проведение административной реформы на основе образования национально-территориальных единиц. Своего пика эмиграционное движение достигло в 1932–1934 гг., и реальным препятствием его дальнейшему росту в условиях проведения коллективизации стали только репрессивные меры.

Нелегальная эмиграция населения в период коллективизации до сих пор не изучена. О масштабах миграции в 1929–1933 гг. наглядно свидетельствуют уголовно-следственные и фильтрационные дела реэмигрантов из Китая. Анализ уголовно-следственных материалов на участников крестьянских восстаний, вспыхивавших в 1930–1931 гг. в приграничье, также показывает широкое распространение нелегальной эмиграции среди крестьян и казаков. Так, в 1930–1931 гг. в приграничных районах Забайкалья, охваченных крестьянскими восстаниями, фиксировались всплески эмиграционных настроений и переходы границы¹³³.

На протяжении 20–30-х годов миграционная обстановка на границе с Китаем была сложной и динамичной. Она характеризовалась интенсив-

ными и разнообразными по своему составу потоками с доминированием нелегальной и маятниковой миграции, вызванной экономическими, политическими и этническими факторами. Несмотря на масштабность перемещений населения за пределы страны вследствие Гражданской войны и коллективизации, эмиграция с приграничных территорий Казахстана, Сибири и Дальнего Востока не привела к безвозвратным потерям населения, поскольку параллельно происходила массовая реэмиграция и осуществлялся приток населения из других регионов.

В 20-е годы было в основном отрегулировано миграционное законодательство. С одной стороны, советская власть, реализуя программы по репатриации, фактически признала беженство и ввела практику амнистирования. С другой стороны, были приняты законы о депортации политически и социально неблагонадежного населения из пограничной полосы, ряд законодательных актов, ужесточающих выезд из страны и запрещающих эмиграцию, а также ограничивалась сезонная и маятниковая миграция. На рубеже 20–30-х годов Советское государство перешло от регулирования миграционных потоков к ограничению, а затем и полному запрету межгосударственной миграции. Изменения, внесенные в миграционное законодательство, не способствовали естественным процессам развития приграничных регионов за счет межгосударственных контактов, не создавали демократических механизмов регулирования миграций и, следовательно, не соответствовали национальным интересам страны.

1.4. Белая эмиграция и советская колония

С началом 20-х годов положение россиян в Китае претерпело значительные изменения, которые были обусловлены комплексом причин. Гражданская война в России привела к развалу российской государственности и созданию нескольких государственных образований на востоке страны, что вызвало неопределенность в отношении территориальной принадлежности полосы отчуждения КВЖД. Немаловажное значение в данной связи имела, с одной стороны, позиция мировых держав, сделавших ставку на «интернационализацию» дороги, с другой – политика китайских властей, оперативно отреагировавших на изменение ситуации в России.

Падение самодержавия привело к организации в марте 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД политических партий, советов и профсоюзов.

В Харбине был создан Комитет общественных организаций, действовавший от имени Временного правительства. В июле 1917 г. возник объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, который предъявил претензии на политическую власть в полосе отчуждения и противопоставил себя управляющему КВЖД генералу Д.Л. Хорвату, поддержавшему Временное правительство. В начале ноября Харбинский совет заявил о поддержке решений II Всероссийского съезда Советов и предпринял шаги к захвату власти на КВЖД путем образования Военно-революционного комитета. Последний в середине декабря издал приказ об отстранении от должности генерала Хорвата и назначении взамен его администрации революционных комиссаров. Совет поддержал созданные членами РСДРП(б) дружины охранной стражи КВЖД, которые должны были обеспечить переход власти в полосе отчуждения к большевикам. По просьбе администрации дороги с целью не допустить установления на КВЖД советской власти Совет министров китайского северного правительства в конце декабря 1917 г. ввел на территорию Харбина и в полосу отчуждения четырехтысячный воинский контингент, спровоцировав тем самым военный конфликт с революционными частями.

Советские предложения о демилитаризации зоны КВЖД, создании совместных советско-китайских органов власти в городах, об управлении полосой отчуждения через интернациональные советы, а также о передаче охраны дороги китайской стороне были отклонены¹³⁴. В начале 1918 г. функции охраны КВЖД перешли к китайским войскам, около 5 тыс. солдат, находившихся в распоряжении прежней администрации, были депортированы в Россию. Совет был распущен, а его руководители высланы из страны. Генерал Хорват остался во главе администрации КВЖД, однако по его полномочиям был нанесен непоправимый удар. Китайская сторона оказалась в выигрыше, поддержав курс Антанты на непризнание советской власти, воспользовавшись «благоприятным поводом ввести войска, распустить революционные отряды и постепенно вернуть суверенные права на территорию КВЖД и право на охрану этой территории»¹³⁵.

В годы Гражданской войны Дальний Восток, а следовательно, и КВЖД стали ареной острой политической борьбы, развернувшейся между антибольшевистскими правительствами, стремительно сменяющими друг друга, и другими структурами, претендующими на всю полноту государственной власти в регионе. Первой в полосе отчуждения весной 1918 г. оказалась группа членов Временного правительства автономной Сибири, проведшая серию длительных и бесплодных переговоров с ге-

нералом Хорватом и Дальневосточным комитетом защиты родины и Учредительного собрания с целью организации антибольшевистского подполья в Сибири и на Дальнем Востоке. Но только падение советской власти в Сибири в мае–июне 1918 г. дало возможность Временному правительству автономной Сибири претендовать на власть. В июне 1918 г. генерал Хорват, будучи комиссаром Временного правительства в полосе отчуждения КВЖД, провозгласил себя Временным правителем России и сформировал правительство, получившее название Делового кабинета. После подписания соглашения в конце сентября 1918 г. между двумя конкурирующими правительствами оба были расформированы и создано Временное Сибирское правительство, распространившее свою власть на полосу отчуждения КВЖД. Хорват был назначен Верховным уполномоченным нового правительства. Политический кризис в сентябре 1918 г. привел к созданию Временного Всероссийского правительства (Директории), однако уже в ноябре Директория была свергнута. К власти пришел адмирал А.В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем России и сформировавший Российское правительство. До июня 1919 г. Хорват являлся уполномоченным Российского правительства Колчака.

В марте 1919 г. США, Великобритания, Франция, Италия и правительство Колчака заявили об установлении международного контроля над КВЖД и железными дорогами Сибири и российского Дальнего Востока, попавшими в зону действия войск интервентов, для чего создавался Межсоюзный железнодорожный комитет (МЖК). В январе 1920 г. пекинское правительство обратилось ко всем державам с заявлением о том, что считает КВЖД исключительно китайской собственностью¹³⁶. Подписав в октябре 1920 г. соглашение с Русско-Азиатским банком «О совместном управлении КВЖД», китайские власти сорвали попытку межсоюзного управления дорогой и взяли на себя «верховный контроль», а в конце октября переименовали полосу отчуждения КВЖД в Особый район восточных провинций. В мае 1922 г. маршал Чжан Цзолинь объявил об автономии трех восточных провинций в составе Китайской Республики, в результате чего фактический контроль над Северной Маньчжурией и КВЖД перешел в его руки.

Позиция советской стороны в отношении КВЖД оказалась весьма противоречивой. В июле 1919 г. Москва, обратившись к китайскому правительству, предложила «безвозмездную передачу КВЖД». Это обращение носило скорее номинальный характер, поскольку КВЖД находилась вне контроля Советской России (любопытно, что пункт о передаче КВЖД впоследствии исчез из данного обращения). В соответствующей декла-

рации 1920 г. речь уже шла о намерении Советской России подписать с китайским правительством «специальный договор о дальнейшей организации работы КВЖД»¹³⁷. Такая постановка вопроса свидетельствовала о намерении советских властей сохранить КВЖД под русско-китайским контролем. В качестве сторон, могущих принять участие в подписании такого договора, помимо советского и китайского правительств указывалось также правительство Дальневосточной республики: при создании последней к сфере ее компетенции относилась и полоса отчуждения КВЖД, что никогда не признавалось китайскими властями. С осени 1921 г. вопрос о совместном управлении дорогой обсуждался в ходе переговоров между Китаем и РСФСР без участия представителей ДВР.

Как уже отмечалось, с начала 1920 г. Китай предпринял серию акций, позволивших ему восстановить суверенитет в полосе отчуждения КВЖД и ограничить экстерриториальность русских в стране. Первым шагом в этом направлении стал отказ от выплаты с августа 1920 г. российской доли «боксерской» контрибуции, хотя она и продолжала аккумулироваться на особом счете в Китайском государственном банке. 23 сентября 1920 г. президент Китайской Республики издал декрет «О прекращении признания полномочий российских посланников и консулов в Китае», согласно которому проживающие в Маньчжурии подданные бывшей Российской империи были лишены прав экстерриториальности и консульской юрисдикции. В тексте декрета принятое решение обосновывалось политической нестабильностью в России, отсутствием единого политического руководства, сложностью установления дипломатических отношений, а также позицией нейтралитета, которую в данной ситуации занял Китай¹³⁸. Российские дипломаты выразили протест и обратились за международной поддержкой, потребовав от китайского правительства принять меры к охране неприкосновенности личности и имущества российских граждан. Несмотря на протесты дипломатического корпуса и иностранных организаций, дипломаты царского правительства были вынуждены сложить свои полномочия и прекратить консульскую работу среди бывших подданных Российской империи.

Затем китайское правительство предприняло меры по регулированию положения бывших подданных России на территории Китая. Российские подданные, имевшие право экстерриториальности на китайской территории, по новым правилам, введенным в октябре 1920 г., были приравнены к беженцам и эмигрантам. 30 октября 1920 г. Госсовет и Министерство внутренних дел издали Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан, в соответствии с которыми

российские подданные перешли под юрисдикцию управления по иностранным делам¹³⁹. Им гарантировались проживание в местах, открытых для иностранцев, право заниматься хозяйственной деятельностью, личная и имущественная защита. Россияне были обязаны подчиняться китайским законам и в случае незаконной деятельности подлежали судебному преследованию. Правила частично ограничивали свободу передвижения по Китаю, обязательной становилась санкция на поездки в виде выдачи охранного листа полицией или местным комиссаром по иностранным делам¹⁴⁰.

В марте 1921 г. китайское правительство издало указ «О порядке регистрации русских эмигрантов». С этого времени всем эмигрантам из России необходимо было зарегистрироваться в полицейском управлении. Въезд на территорию Китая осуществлялся с санкции посольства Китая в России, либо приграничных местных правительственных учреждений, поскольку россияне имели статус граждан страны, не имеющей никаких договоров с Китаем. В отличие от многих стран, которые закрыли свои границы для беженцев из России, китайские власти не вводили законодательных ограничений на въезд в страну. При смене жительства прежняя регистрация аннулировалась и было необходимо получать ее вновь¹⁴¹. Повсеместно в городах и населенных пунктах Северной Маньчжурии при полицейских управлениях были учреждены административные отделы, в ведении которых находились регистрация русских беженцев и выдача видов на жительство на территории ОРВП.

В 1922–1923 гг. на региональном уровне была инициирована серия новых законодательных актов, регламентирующих правовой статус русских эмигрантов. Особо оговаривалось положение об их политической и правовой благонадежности, призванное стать преградой на пути распространения «экстремизма» (большевизма) в Китае¹⁴². Подобные документы приняло полицейское управление Пекина, провинция Цзянсу¹⁴³. В начале сентября 1923 г. МИД Китая издал единое Положение о проживании русских подданных, согласно которому условием регистрации и проживания в Китае для выходцев из России объявлялась «непричастность к экстремистским политическим организациям».

Изменения в правовом статусе россиян определялись степенью их влияния в зоне КВЖД, поэтому были предприняты шаги к отстранению русских от управления дорогой и полосой отчуждения. 27 сентября 1920 г. Министерство юстиции Китая, на основе решения Кабинета министров, составило Порядок возвращения судебных прав на КВЖД. Согласно этому документу 11 окружных судов, ранее учрежденных русскими, пере-

шли к Китаю¹⁴⁴. Несмотря на протесты членов русской колонии в полосе отчуждения, их попытки противодействовать «захватам» российских судебных и пенитенциарных учреждений, китаизация суда в ОРВП все-таки была проведена. В конце октября 1920 г. китайское правительство издало указы о создании судебных учреждений ОРВП, образовании института иностранных советников и создании в составе МИД Китая специальной комиссии по русским делам, а в декабре провело реорганизацию судебных учреждений в полосе отчуждения КВЖД.

Одновременно китайская сторона приняла меры по переходу к ней административной власти в полосе отчуждения. На основании соглашения от 2 октября 1920 г. с Русско-Азиатским банком, который фигурировал как одна из сторон в контракте 1896 г. и являлся держателем акций Общества КВЖД, изменялись принципы управления и функции Общества. Предусматривалась кооптация в состав правления дороги пяти китайских представителей с сохранением за русскими должности управляющего. Таким образом, Китай законодательно закрепил за собой политические права, ранее принадлежавшие российскому Обществу КВЖД. С этого времени дорога, которой совместно управляли китайское правительство и Русско-Азиатский банк, стала рассматриваться как чисто коммерческое предприятие. Принимая данное соглашение, китайские власти закладывали правовую основу для полного перехода дороги в их распоряжение.

Трансформировалась вся система управления полосой отчуждения. 5 февраля 1921 г. отдел гражданской администрации КВЖД упразднили, и городские дела в полосе отчуждения КВЖД перешли в ведение вновь созданного Управления по делам городского и поселкового хозяйства. Русское городское управление Харбина в 1923 г. реформировали, а в 1926 г. и вовсе упразднили¹⁴⁵. С 1923 г. вся китайская администрация была подчинена одному лицу – Главноначальствующему ОРВП с резиденцией в Харбине. Он, в свою очередь, подчинялся местному правительству трех восточных провинций в Мукдене и через него, формально, – центральному правительству в Пекине¹⁴⁶. Такой порядок административного управления ОРВП сохранялся до провозглашения Маньчжоу-Го в 1932 г.

Китайское правительство захватило полицейские функции в полосе отчуждения КВЖД, создав Управление городской полиции и Управление железнодорожной полиции. 10 декабря 1920 г. МВД Китая издал Порядок полицейской организации в ОРВП, согласно которому в Харбине формировалось Главное полицейское управление ОРВП с отделениями

в Чанчуне, Маньчжурии и Суйфэньхэ. В его подчинении находилась вся городская и поселковая полиция полосы отчуждения и Харбина¹⁴⁷. Таким образом, вся полицейская власть в полосе отчуждения КВЖД также перешла в руки китайской администрации. В январе 1921 г. были захвачены почтовые учреждения при КВЖД, а почтовая служба оказалась в ведении Гири-Биньцзянского управления почтовой службы. В сентябре 1922 г. харбинский телеграф также перешел к Китаю.

Наконец, китайские власти присвоили себе и земельные права в полосе отчуждения дороги. 28 июля 1923 г. Чжан Цзолин издал указ об упразднении Земельного отдела КВЖД, создании Земельного управления ОРВП и передаче всех земель, приобретенных в свое время Россией для дороги, в ведение китайской администрации. Отвечая на ноту протеста, поданную советским правительством, Министерство иностранных дел Китая заявило, что «возврат земельных прав относится к внутренним делам Китая»¹⁴⁸.

Установление советско-китайских отношений в 1924 г. и подписание соглашения о КВЖД с пекинскими (31 мая 1924 г.) и мукденскими (сентябрь 1924 г.) властями внесло коррективы в положение бывших российских подданных на территории Китая. Соглашение по КВЖД предусматривало управление дорогой на паритетных началах, устанавливая равное соотношение советского и китайского персонала. Именно это условие послужило причиной массового изменения гражданства служащими КВЖД весной 1925 г. Данное обстоятельство свидетельствовало, что получение китайского гражданства русскими эмигрантами было вызвано исключительно экономическими причинами. Китайское законодательство разрешало натурализацию апатридов, а у детей от смешанных браков гражданство определялось по линии отца. Однако до 1925 г. отмечались единичные факты перехода русских в китайское гражданство. В связи с ситуацией на КВЖД китайские власти ввели упрощенную процедуру получения гражданства для русских, служивших на КВЖД, что вызвало протесты советской стороны. Часть служащих КВЖД к июню 1925 г. успели подать заявление о получении китайского гражданства, однако большинство все же предпочли взять советское или хотя бы подать заявление на его получение. Распределение 13,5 тыс. служащих КВЖД по состоянию на лето 1925 г. было следующим: советских граждан – 8,5 тыс. чел. (62%), китайских граждан русской национальности – 3,8 тыс. (28%), перешедших в китайское гражданство – 1,3 тыс. (10%)¹⁴⁹. Лица, не пожелавшие получить советские или китайские паспорта, были уволены с дороги.

С мая 1925 г. распоряжением Начальника управления по иностранным делам провинции Цзянсу советские граждане должны были подтвердить свой статус распиской от советского консульства, а все прочие русские при подаче заявления о выдаче паспорта рассматривались как граждане страны, не имеющей с Китаем никаких договоров. Таким образом, произошло размежевание русской эмиграции в Китае на «советских» и «бесподданных» (или эмигрантов). СССР согласился на подчинение советских граждан, проживавших на территории Китая, китайской юрисдикции, в то время как другие иностранцы продолжали пользоваться правами экстерриториальности. Подобная ситуация сохранялась вплоть до продажи дороги в 1935 г. Несмотря на то что Китай подписал Женевскую конвенцию 1928 г., определявшую правовой статус «армянских, русских и других беженцев», практических мер к ее осуществлению принято не было, поэтому в Китае, в отличие от стран Европы, не получили распространения нансеновские паспорта¹⁵⁰. Не были реализованы и рекомендации по приравниванию в правах беженцев к иностранным гражданам, в том числе и в плане неприменения к ним ограничений на рынке труда.

Правовое положение русских эмигрантов и беженцев из СССР в каждом регионе Китая имело свою специфику. Значительная часть русско-язычной колонии Синьцзяна уже в первой половине 20-х годов получила советское гражданство, рассчитывая реэмигрировать в СССР. В середине 20-х годов в структуре российской диаспоры этой провинции произошли заметные перемены, связанные с изменением национально-государственного статуса различных категорий русскоязычного населения. Диаспора в провинции была представлена белыми русскими («бай э»), советскими гражданами («суцяо» – советские эмигранты) и китайскими гражданами русской национальности. Помимо русских в Западном Китае сформировалась многочисленная казахская диаспора, которую также затронул процесс массовой советизации, что объяснялось репатриацией, широкими экономическими и культурными связями провинции со Среднеазиатскими республиками. Аналогичные процессы происходили и в татарской общине.

В середине 30-х годов с учетом заслуг белых эмигрантов, казачества и татарского населения в подавлении антикитайского восстания 1931–1933 гг. члены русскоязычной общины получили значительные льготы. После окончания военных действий местные китайские власти осуществили мероприятия, способствовавшие адаптации русских казаков в Синьцзяне. Казакам были выделены в собственность значительные земельные участки и предоставлены гражданские права, что фактически уравнило

их с остальным населением региона. Любопытно, что за участие в военных действиях, когда на стороне официального Пекина выступали и войска Красной армии, белым русским, служившим в китайской армии, советское правительство также гарантировало амнистию и советское гражданство. В 1935 г. на Съезде народов Синьцзяна русские под названием «гуйхуацзу» (натурализованная национальность) были впервые признаны категорией населения, официально проживающей в Синьцзяне¹⁵¹. В 1949 г. этническим русским было возвращено и их исконное название – «русские».

В «международных» городах, таких как Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу и др., судебно-правовые институты строились по признаку национальной принадлежности концессий. Иностранцы, в том числе русские эмигранты, проходили регистрацию в Бюро общественной безопасности¹⁵². В Шаньдуне и Южной Маньчжурии действовало японское законодательство. Привилегии, предоставленные подданным Японской империи, в том числе право на приобретение и аренду земель, на эмигрантов не распространялись.

Правовое положение русских эмигрантов и беженцев из СССР в Китае имело ряд как общих, так и специфических черт в зависимости от территории расселения. При этом на территории страны в отношении русских эмигрантов повсеместно действовали статусные и экономические ограничения. В первую очередь это касалось запрета на покупку и долгосрочную аренду земли, который сохранялся в Синьцзяне до середины 30-х годов, а в Маньчжурии был фактически отменен только в начале Второй мировой войны.

В середине 20-х годов соотношение численности белых русских, советских и китайских граждан русской национальности определял в первую очередь статус КВЖД. Во второй половине 20-х годов численность советских граждан возрастала. К концу десятилетия этот процесс стабилизировался, а советские граждане составили примерно половину численности диаспоры. Подобный рост был обусловлен в первую очередь въездом в полосу отчуждения КВЖД граждан СССР. С начала 30-х годов под влиянием политических событий начиналось неуклонное сокращение количества советских граждан, что привело к трансформации обширной этнической колонии и ее превращению в эмигрантскую диаспору. Постоянное пополнение колонии на протяжении последующего времени обусловило формирование самой крупной русскоязычной диаспоры в Азии. Оптимальная половозрастная структура и интенсивная миграция из России способствовали воспроизводству диаспоры, что препятствова-

ло ассимиляции и обусловило специфику адаптации мигрантов, происходившей главным образом в рамках собственной этнической группы.

Соотношение эмигрантов, советских граждан и китайских граждан русского происхождения неоднократно менялось. Применительно к 20-м – началу 30-х годов можно говорить о равном соотношении эмигрантов и советских граждан, на фоне которых выделяется небольшая (менее 2%) прослойка лиц, принявших китайское гражданство. Наибольшие различия между этими категориями были заметны в Маньчжурии, где на протяжении почти десятилетия «советские» составляли половину всей диаспоры. С середины 30-х годов наблюдалось резкое сокращение советской колонии на северо-востоке Китая – с 45 до 2% от общего числа иммигрантов. После Второй мировой войны произошли многократное увеличение численности колонии во всех регионах Китая и почти поголовная советизация эмиграции. Несмотря на доминирование этнического и национально-государственного компонентов, можно говорить об образовании в Китае единой русскоязычной диаспоры, которая на протяжении нескольких десятилетий представляла собой трансформирующееся, но устойчивое сообщество.

Формирование общественных, религиозных и других институтов русской общины в Китае началось еще в конце XIX – начале XX в. Первоначально жизнь колонии складывалась в благоприятных условиях, что привело к переносу на китайскую почву российских общественных институтов и форм культурной жизни. Деятельность советской колонии в Китае группировалась вокруг консульских учреждений, активно действовали заграничные партийные и коминтерновские структуры, административный и политический аппарат, курировавшие работу советских специалистов, советские школы. Самые многочисленные советские колонии сформировались в Синьцзяне и Маньчжурии. Их основу составили советские специалисты, советники, представители спецслужб и советизированное эмигрантское население. Что касается эмигрантов, то их повседневная жизнь протекала преимущественно в семье и внутри общины.

Квалифицируя эмигрантское сообщество как единую группу «русских беженцев», национальные правительства и международное сообщество в 20-е годы объективно способствовали тому, что российская диаспора также осознала себя некоторой общностью, «зарубежной Россией» как в отдельных странах (русские национальные общины), так и в мире в целом¹⁵³. Это повлекло за собой формирование собственных групповых интересов и отразилось на процессе адаптации эмигрантов к новым политическим, социально-экономическим и этнокультурным

условиям. Консолидация диаспоры происходила в рамках этнокультурных и религиозных общин, корпоративных и профессиональных групп. Процесс организационного оформления эмигрантских колоний обязательно включал в себя возникновение и эволюцию институтов и обществ, призванных аккумулировать и защищать индивидуальные и коллективные интересы эмигрантов, координировать основные сферы жизни российских беженцев.

Русские эмигранты оказывались «включенными» в первую очередь в создаваемые ими самими институты и структуры и идентифицировали себя с эмигрантским сообществом. Это способствовало их адаптации в рамках обширной переселенческой группы, позволяло противостоять инокультурному влиянию и препятствовало ассимиляции. Эмигрантское сообщество благодаря массовости, замкнутости и корпоративности на всем протяжении своего существования обладало сложной и многоуровневой организационной структурой, которая являлась одновременно и условием, и следствием адаптации эмигрантов к новой этнокультурной среде обитания. Обособленность российского населения в Китае была обусловлена расовыми и культурными отличиями, что минимизировало количество смешанных браков и естественную ассимиляцию. Обособление было вызвано и наличием компактных поселений, в которых помимо демографических и хозяйственных особенностей репродуцировалась и российская культурная идентичность. С точки зрения принимающего китайского общества русские отличались обликом, поведением, расовыми характеристиками, символизировали чужеродность и наследие колониализма. Доминирующая установка на замкнутость и самодостаточность диаспоры была существенным барьером на пути ассимиляции, усиливала черты этнической самоизоляции, препятствовавшие объективно неизбежному вхождению эмигрантов в жизнь принимающей страны.

Эмигрантское сообщество выступало в качестве относительно устойчивого, самостоятельного и активного социокультурного образования, способного благодаря наличию сложившихся собственных структур и особого эмигрантского менталитета адекватно реагировать на внешние воздействия. Если на протяжении первых двух десятилетий XX в. происходил процесс переноса в Китай российских институциональных структур, то в 20–30-е годы осуществлялась трансформация таких государственных институтов в структуры самоуправления, призванные координировать основные сферы жизнедеятельности российских эмигрантов. При этом выходцы из Российской империи и СССР, не относив-

шие к русским, могли сохранять культурную и религиозную автономию, но инкорпорировались в институты русской эмиграции.

Считается, что для формирования диаспоры необходимы не только культурные деятели или национальная элита, но и относительно развитые общественно-политические структуры. Роль элиты в составе русской эмиграции выполняла интеллигенция, преимущественно политическая и военная, тогда как в других диаспорах это была национальная элита. Анализ деятельности политических организаций, созданных в среде российской эмиграции и существовавших в 20–30-е годы, позволяет выявить основную закономерность трансформации их организационного устройства: на место политических партий, характерных для предреволюционной и революционной России, приходят политические группы, не имевшие, в отличие от первых, развитой организационной структуры.

На Дальнем Востоке политические организации придерживались главным образом монархической или эсеровской ориентации. Им была свойственна тенденция к фрагментации, обычно как результат идеологических разногласий или борьбы за первенство между лидерами. Отдельные организации, существовавшие на Дальнем Востоке, являлись филиалами центральных европейских структур. Деятельность политически ориентированных групп эмиграции принято трактовать как «белоэмигрантский активизм». Одним из его проявлений стали острые политические дискуссии вокруг проблемы предполагаемого крушения советской власти и принципов будущего государственного устройства страны. В этом смысле «белоэмигрантский активизм» можно рассматривать как важнейшую характеристику диаспорного поведения – активный и политизированный дискурс размышлений о родине, который включал в себя идеализацию ее образа и идею «возвращения». При этом идеальная родина и политическое отношение к ней сильно различались, вследствие чего «возвращение» понималось как восстановление некой утраченной нормы или приведение этой нормы-образа в соответствие с идеалом¹⁵⁴.

Все исследователи русской эмиграции обращают внимание на многообразие существовавших форм объединения русских за рубежом. Эти объединения охватывали самые различные сферы деятельности и были построены по корпоративному, национальному, возрастному, территориальному принципам. При рассмотрении любой крупной эмигрантской колонии можно выделить эмигрантские организации, выполнявшие административно-регулирующие функции в отношении бывших российских граждан и существовавшие параллельно с национальными государственными институтами. Большинство органов самоуправления

российских эмигрантов возникло в первой половине 20-х годов. Они заняли место прежних представительских органов – российских посольств и консульств, которые ввиду объективных причин к этому времени были упразднены почти повсеместно. Возникла потребность в институтах, призванных, с одной стороны, заменить упраздненные представительства и взять на себя исполнение их функций по защите интересов русских эмигрантов, а с другой – скоординировать деятельность как существовавших ранее национальных учреждений, так и появляющихся новых, уже эмигрантских, обществ и организаций. Наличие подобных организаций избавило национальные государства от необходимости создавать разветвленную сеть специальных государственных структур, регулирующих жизнедеятельность эмиграции. Бывали случаи, когда эмигрантские административные организации по своему статусу и объему полномочий приравнивались не к общественным, а к государственным органам.

В Китае формирование административно-регулирующих структур, призванных координировать жизнедеятельность диаспоры, относится к началу 20-х годов. Административно-регулирующие органы эмигрантских колоний эволюционировали от заменивших прежние российские консульства беженских комитетов при полицейских комиссариатах первой половины 20-х годов до собственно эмигрантских общественных комитетов защиты прав, включая предпринимавших попытки создания общеэмигрантских структур типа Дальневосточного объединения русской эмиграции. Во второй половине 30-х годов в Маньчжурии и Северном Китае им на смену пришли созданные сверху японскими оккупационными властями единые эмигрантские организации.

Особо остановимся на эволюции институтов, отвечавших за трансляцию базовых культурных ценностей, – это семья, образование, церковь. Одной из динамично развивающихся была сфера российского образования, сначала начального и среднего, а затем и высшего. За четверть века появилось около сотни учебно-воспитательных учреждений начальной и средней школы, образованных правлением дороги и частными лицами. Формирование российской высшей школы за границей происходило в 20-е годы. Первым возник Харбинский техникум (предшественник Харбинского политехнического института), позднее один за другим открылись Педагогический, Медицинский, Коммерческий институты, Институт Востока, Юридический институт, Владимирская семинария, Северо-Маньчжурский университет. После перехода дороги в совместное управление СССР и Китая большинство русскоязычных школ формально стали советскими. В период совместного советско-китайско-

го управления КВЖД соседствовало несколько образовательных стандартов, когда часть российских частных школ продолжала придерживаться дореволюционной системы обучения, а в советских школах были введены новые программы. Во всех школах с 1929 г. начинается преподавание китайского языка. С этого времени все российские образовательные учреждения, в том числе и высшие учебные заведения, переходят в подчинение китайских властей.

Если советские школы финансировались из бюджета КВЖД, то бюджеты эмигрантских школ формировались за счет платы за обучение, пожертвований частных лиц и благотворительных организаций. В Харбине имелось несколько средних и начальных школ, которые принадлежали польской, еврейской, мусульманской, немецкой и другим местным этническим общинам и содержались ими. С начала 30-х годов началась ликвидация советских школьных учреждений, которая была завершена в 1935 г. Возрождение советской школьной системы на территории северо-востока Китая происходило уже после Второй мировой войны.

Менее разветвленной была сеть советских и эмигрантских школ в провинции Синьцзян, где доминировали школы первой ступени. Свыше половины русскоязычных детей Шанхая, Пекина, Тяньцзина обучались в иностранных учебных заведениях, а к концу 30-х годов их было почти две трети, что во многом предопределило прозападную, а не советскую ориентацию этих детей.

Закономерно, что объединение происходило и на основе религиозной идентичности. Институт церкви, имевший вековые традиции, в эмиграции не претерпел каких-либо существенных структурных изменений. Ощутимые перемены коснулись лишь сферы церковного управления, что было обусловлено в первую очередь разрывом с Московской патриархией и созданием собственных управленческих структур. Условия, в которых оказалась церковь, отразились в основном на ее роли в эмигрантском сообществе, на тех функциях, которые церковь в нем выполняла. Православные храмы стали не только религиозными, но и общественными центрами русских колоний; религия способствовала формированию групповых ценностей. В 30-е годы, в период оккупации Северо-Восточного Китая, японцы, сделав ставку на консолидацию российской диаспоры на единых антисоветских позициях и на основе российского (русского) этнического самосознания, опирались при этом также и на православие.

Большое распространение в эмиграции получили объединения, формировавшиеся по типу землячеств и корпоративных союзов. Обществен-

ные эмигрантские организации были призваны представлять интересы либо всей колонии, либо ее части, оказывать поддержку соотечественникам и решать практические проблемы, возникавшие в условиях зарубежья. За частным характером задач, стоявших перед каждой конкретной организацией, просматривались общие цели: обеспечение взаимопомощи, содействие сохранению этнического единства и традиций. Именно общественные институты, созданные в эмиграции, позволили диаспоре вести творчески-активную жизнь и сохранять принесенные из России культурные традиции.

Российская диаспора в Китае обладала высоким экономическим потенциалом. Сформировавшаяся русская экономическая элита, российские капиталы и экономическая эффективность мелкого и среднего бизнеса позволили русскому сектору в экономике северо-востока и северо-запада Китая выжить и достаточно динамично развиваться в неоднократно изменяющихся социально-экономических условиях. Экономическую основу выживания диаспоры составил высокий трудовой потенциал мигрантов, оказавшихся конкурентоспособными на азиатском рынке труда, ориентировавшихся на развитие западного производства и технологий. Важное значение имело то обстоятельство, что изменение социального статуса эмигрантов не приводило к снижению их социальной мобильности.

Таким образом, к середине 20-х годов завершился этап формирования российской диаспоры в Китае. Окончательно сложилась ее структура, позволившая сохранять и поддерживать основы жизнедеятельности, давшая ей возможность в течение трех десятилетий функционировать в качестве составной, но относительно автономной части российского социокультурного пространства.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ЭМИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА (КОНЕЦ 20-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 40-Х ГОДОВ)

Дипломатические отношения между СССР и Китаем были установлены в мае 1924 г., что устраивало оба государства. Китайская сторона в ответ на признание Советского Союза получила выгодное для себя решение вопроса о статусе КВЖД. Соглашение, с одной стороны, обеспечивало государственные интересы СССР, усиливая советское влияние в Северной Маньчжурии, с другой – подтверждало права Китая на восстановление суверенитета в зоне отчуждения дороги в полном объеме. Срок концессии был сокращен с 80 до 60 лет, после чего Китай получал возможность досрочного выкупа магистрали. В октябре 1924 г. КВЖД перешла в совместное управление. Пекинско-мукденские договоренности 1924 г., определяющие статус дороги, неоднократно нарушались, что приводило к конфликтам, крупнейший из которых произошел в 1929 г. Являясь важнейшим стратегическим объектом, дорога оставалась предметом острейших споров СССР с Китаем и Японией.

На рубеже 20–30-х годов статус-кво, сложившийся в международных отношениях на Дальнем Востоке, был нарушен. Японская аннексия Маньчжурии в 1931 г. изменила военно-политическую обстановку на северо-востоке Китая, поскольку именно эта территория являлась удобным плацдармом для развертывания военной агрессии как против Китая, так и против СССР. Советский Союз, со своей стороны, пытался сохранить нейтралитет в японо-китайских отношениях, одновременно восстановив в декабре 1932 г. дипломатические отношения с Китаем, прерванные в конце 20-х годов. Лига Наций в феврале 1933 г. осудила вторжение Японской империи в Маньчжурию, и месяц спустя Япония заявила о своем выходе из Лиги Наций.

СССР, вслед за большинством стран не признавший Маньчжоу-Го, в то же время не желал обострения конфликта с Японией. Исходя из этого, советское правительство вынужденно пошло на уступки и согласилось на продажу КВЖД. Соглашение о продаже дороги было подписа-

но в марте 1935 г. Продажа КВЖД, устранив опасность войны, одновременно привела к потере Советским Союзом своего влияния в Маньчжурии. С 1932 г. Япония приступила к целенаправленной реализации политики японизации всего Северо-Восточного Китая. В ноябре 1936 г. она присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а Германия в феврале 1938 г. признала Маньчжоу-Го. Создавая единый фронт против общего врага, СССР и Китай в 1937 г. подписали Договор о ненападении. Кроме того, Советский Союз оказал восточному соседу военную помощь. Угроза начала большой войны на Дальнем Востоке продолжала сохраняться даже несмотря на то, что в апреле 1941 г. между СССР и Японией был заключен пакт о нейтралитете.

2.1. Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия

Во второй половине 20-х годов во внутривнутриполитической обстановке в Китае произошли значительные изменения. В результате переворота, организованного Чан Кайши, образовались три центра, претендовавших на общегосударственное значение: Пекинское правительство, пользовавшееся международным признанием как центральное правительство Китая, но не обладавшее реальной властью, Уханское правительство, состоявшее из представителей левого крыла Гоминдана, некоторое время сохранявшее власть в Центральном Китае (провинции Хэбэй, Хунань, Цзянсу), и, наконец, Нанкинское правительство, состоявшее из правых гоминдановцев. Именно последнее в октябре 1928 г. объявило себя национальным правительством страны, перехватив власть у Пекина. Партия Гоминдана переориентировалась на Запад, что не могло не привести к ухудшению советско-китайских отношений. Апогеем этого процесса стал конфликт 1929 г.

Конфликт возник вокруг КВЖД, находившейся в соответствии с соглашениями 1924 г. в совместном советско-китайском управлении. Фактически же во второй половине 20-х годов дорога почти полностью превратилась в советское предприятие. Но с приходом к власти в Китае Чан Кайши, последовательно проводившего линию на уменьшение советского присутствия в стране, положение на дороге стало меняться. В июле 1929 г. губернатор Маньчжурии Чжан Сюэлян по согласованию с Чан Кайши объявил о национализации КВЖД.

Напряженность между Пекином и Москвой нарастала. В сложившихся условиях и Москва, и Пекин стремились переложить ответственность

за нагнетание напряженности друг на друга. По мнению китайской стороны, ее действия стали ответом на возрастающее советское влияние в Маньчжурии. При этом речь, как правило, шла о деятельности Коминтерна и советских спецслужб, т.е. об «использовании финансовых средств КВЖД для подрывной деятельности против Китая»¹. Именно к этому аргументу апеллировали китайские власти, обосновывая обыски, проведенные в конце мая 1929 г. в Генеральном консульстве СССР в Харбине, а также в советских консульствах в Сахалине, Цицикаре и Маньчжурии. Результатом таких обвинений стало настойчивое стремление китайской стороны провести в отношении 39 арестованных сотрудников Управления КВЖД и советских хозяйственных учреждений в Харбине открытый судебный процесс, где она намеревалась документально подтвердить свои обвинения. Проводниками советского влияния считались и профсоюзы. На железной дороге действовали 13 советских профсоюзных организаций, в которых числилось более 19 тыс. чел., повсеместно работали клубы, издавалась профсоюзная газета «Молва»².

Советский Союз предпринял ответные шаги, приведшие к вооруженному конфликту и разрыву отношений с Пекином. В июле из Москвы пришла директива о разрыве на КВЖД широкого забастовочного движения, которое приняло вид кампании по «самоувольнению» советских служащих. Одновременно поступили распоряжения о закрытии советского торгового представительства, отделений «Нефтесиндиката», «Совторга» и других учреждений. Согласно приказу до конца июля всем советским хозяйственным организациям, работавшим на территории Маньчжурии, предписывалось свернуть свою деятельность и вывезти в СССР имущество, ценности и персонал. Было также прекращено железнодорожное сообщение между КВЖД, Забайкальской и Уссурийской железными дорогами.

Ответ китайских властей не заставил себя долго ждать. 10 июля последовал приказ об увольнении советской администрации дороги. Был арестован ряд высших административных работников, 20 из которых подлежали немедленной высылке из страны. Китайские власти поспешили также заявить о закрытии советских хозяйственных учреждений, аресте и высылке около 30 сотрудников из числа руководящих работников. Уже вечером часть арестованных под усиленным конвоем была отправлена в СССР. Советская сторона истолковала события 10 июля как захват КВЖД и грубое нарушение соглашений о паритетном управлении дорогой.

Одним из первых шагов китайской администрации КВЖД стал роспуск просоветских профсоюзов, призывавших к акциям протеста в виде

забастовок и массового самоувольнения с дороги советских служащих, — эти призывы китайская сторона расценила как саботаж и антигосударственную пропаганду среди русского населения. В Харбине и на ст. Пограничная китайская полиция заняла телеграф, тем самым лишив советскую администрацию оперативной связи, текущей информации о происходящем и возможности контролировать забастовочное движение.

В течение последующей недели по всей линии КВЖД прокатилась волна обысков и арестов среди профсоюзных активистов и членов стачечных комитетов. Всего в течение июля было арестовано более 200 чел.³ Непосредственной причиной арестов советских железнодорожников были, как правило, подача заявления об увольнении со службы и отказ выйти на работу. Наиболее массовые невыходы на работу и последующие увольнения имели место в Харбине, где только за один день, 20 июля, заявили о прекращении работы 400 советских педагогов, а 22 июля отказались выйти на работу 120 рабочих железнодорожных мастерских⁴. Вскоре из Москвы по линии профсоюзов последовали директивы о прекращении кампании по «самоувольнению», но процесс к тому моменту принял необратимый характер⁵.

17 июля 1929 г. СССР заявил о разрыве дипломатических отношений с Нанкинским правительством (которое объявило об этом еще в конце 1928 г.), после чего последовала высылка дипломатов и оставшихся в стране советских торговых представителей. В 20-х числах июля был эвакуирован персонал советских консульств в Харбине, Хайларе, Цицикаре, Сахалине, Маньчжурии, Пекине, Тяньцзине и на ст. Пограничная. Китайским дипломатам также предложили немедленно покинуть пределы СССР. Посредником в урегулировании конфликта стала Германия, на дипломатические службы которой была возложена защита интересов китайцев в СССР и советских граждан в Китае.

Наращение конфликта вокруг КВЖД обострило противоречия между белой эмиграцией и советской колонией Китая. В 1929 г. соотношение эмигрантов и советских граждан было приблизительно одинаковым: из 57,1 тыс. русских, проживавших в Харбине, советских граждан было 26,7 тыс., а эмигрантов — 30,4 тыс. чел.⁶ Следует отметить, что эмиграция единодушно поддержала действия китайской стороны. Подобная линия поведения не в последнюю очередь диктовалась тем обстоятельством, что, помимо очевидной политической подоплеку противостояния, в условиях увольнения с дороги советских граждан эмигрантам представлялась возможность «вернуться» на КВЖД. Последовал ряд обращений в Лигу Наций и к иностранному дипломати-

ческому корпусу с воззваниями, осуждавшими действия советской стороны накануне и в период конфликта. Бойкотировались товары советского производства, оказывалась помощь перебежчикам из СССР и т.д. Горячий отклик в среде эмиграции получили кампании в поддержку «трехреченцев», в пользу которых было собрано более 2 тыс. американских долларов⁷. Несмотря на широкое участие в конфликте русских из числа эмигрантов, их действия были разобщенными, а созданный для координации всей антисоветской работы на территории ОРВП Комитет действия никакой эффективной работы наладить так и не смог.

В отличие от Маньчжурии в Синьцзяне в период конфликта прокатилась волна ограничений как раз в отношении антисоветски настроенных русских эмигрантов. Возможно, это было связано с тем фактом, что в СССР в отношении представителей данного региона Китая никаких репрессий не проводилось. Несмотря на то что центральное правительство в Нанкине настаивало на отзыве сотрудников всех пяти китайских консульств с территории Средней Азии и Казахстана, синьцзянские власти проигнорировали это требование. Советские и китайские консульские учреждения в регионе продолжали функционировать, невзирая на разрыв между Москвой и Нанкином⁸. Через Синьцзян продолжалась и двусторонняя торговля.

В сводках ОГПУ о политическом состоянии русскоязычного населения в полосе отчуждения КВЖД отмечалось широкое распространение слухов о скорой войне и вводе частей Красной армии на китайскую территорию. Вместе с тем, несмотря на воинственные настроения и ожидание от правительства решительных шагов в отношении китайцев, подчеркивалось, что только вступление в конфликт частей регулярной армии может толкнуть на активные действия широкие массы просоветски настроенного населения⁹. В сентябрьских сводках, основанных на показаниях перебежчиков, указывалось: советские железнодорожники испытывают серьезные материальные затруднения, семьи арестованных выселяют из квартир, под угрозой арестов и увольнений советские граждане вынуждены давать подписки о неучастии в деятельности профсоюзов и советских организаций, их заставляют принимать китайское гражданство. В октябре–ноябре положение советских граждан квалифицировалось уже как критическое, и на фоне массированной антисоветской кампании часть советской колонии стала склоняться к выезду в Советский Союз¹⁰.

События на КВЖД обострили внутривнутриполитическую ситуацию в самом СССР. Согласно приказу ОГПУ от 20 июля 1929 г. в ответ на дейст-

вия властей Китая надлежало провести массовые аресты китайских граждан в Сибири и на Дальнем Востоке в количестве 1–1,5 тыс. чел.¹¹, а также осуществить «зачистки» от «контрреволюционного элемента» пограничной полосы и районов, прилегающих к железным дорогам. Следуя директивам из центра, поступившим в середине июля, советские и партийные органы развернули широкую агитационно-массовую работу¹², по стране прокатилась волна митингов и демонстраций протестов. Помимо агитационных мероприятий конфликт на КВЖД сопровождался кампанией по подписке на государственные займы, сборами в поддержку армии и целым рядом мероприятий по оказанию помощи советским гражданам, пострадавшим в ходе конфликта. Вместе с тем в сводках «О настроениях в городе и деревне в связи с событиями на КВЖД», подготовленных информационными отделами местных партийных органов, говорилось о «низкой политической активности» населения, отмечался всплеск слухов о «скорой войне» на востоке, указывалось на факты появления очередей за товарами первой необходимости и «активизацию контрреволюционного элемента»¹³.

Пик напряженности в советско-китайских отношениях относится к августу 1929 г. Число уволившихся советских железнодорожников в этом месяце достигло 6 тыс. чел., причем только за два дня, 8 и 9 августа, прекратили работу около 3 тыс. чел. Таким образом, общее количество служащих, уволившихся по собственному желанию, достигло почти 8 тыс. чел.¹⁴ Пытаясь пресечь эту тенденцию, китайская администрация КВЖД издала приказ, разрешающий вернуться на дорогу советским служащим, если они не будут состоять в нелегальных организациях и вести пропаганду. Никакого эффекта данная мера не дала, и контингент дороги пришлось пополнять за счет китайского и белоэмигрантского населения. В начале сентября маньчжурскими властями был издан приказ об аресте всех самовольно оставивших работу сотрудников. В Харбине было введено чрезвычайное положение, начались массовые аресты и репрессии против советских граждан. Газеты пестрели сообщениями о трех тысячах советских граждан, арестованных на ст. Маньчжурия и в Харбине, нескольких сотнях арестованных в Хайларе и на ст. Пограничная, о погромах, издевательствах и убийствах.

Арестованных советских железнодорожников разместили преимущественно в Сумбейском лагере близ Харбина. Под лагеря были переоборудованы также помещения городских механических мастерских и депо. Что касается Сумбейского лагеря, то он представлял собой 22 барака, которые ранее использовались для изоляции больных во вре-

мя эпидемий чумы. По данным советских перебежчиков, допрошенных органами ОГПУ, в лагере содержалось до 3 тыс. чел.¹⁵, среди арестованных были женщины и дети. Перебежчики особо отмечали случаи пыток арестованных и тяжелейшие условия содержания в лагере. По данным харбинской белоэмигрантской прессы и советских официальных изданий, в лагере с сентября по октябрь содержалось от 1 до 1,3 тыс. чел.¹⁶ В октябре китайские власти согласились частично освободить женщин и детей. Тридцать девять служащих харбинского консульства СССР, арестованных во время обыска 27 мая 1929 г., содержались в тюрьме Харбина и были осуждены китайским судом в середине октября. Пятерых приговорили к девяти годам тюрьмы, 21 чел. – к семи, остальных осудили на меньшие сроки¹⁷. По данным советской стороны, на начало декабря в заключении в Харбине продолжали оставаться 1 683 чел., из них в Сумбейском лагере – 1 450, остальные – в городских тюрьмах¹⁸. Лагерь находились также в Хайларе и Цицикаре. Таким образом, более 2 тыс. советских граждан, проживавших по линии КВЖД, подверглись арестам, которые китайская сторона оправдывала массовым саботажем и вредительством, и на протяжении нескольких месяцев находились в заключении.

Усилиями Генерального консула Германии в Харбине Штоббе в конце августа – начале сентября семьям арестованных советских граждан организовали выдачу пособий из средств, полученных от правительства СССР. В октябре 1929 г. удалось урегулировать вопросы содержания, в частности снабжения пищей и одеждой, заключенных Сумбейского лагеря, в том числе за счет двух траншей по 100 тыс. руб., переданных советским правительством для оказания экстренной помощи. В начале ноября в ответ на запрет китайских властей выдавать пособия советским гражданам в лагере началась массовая голодовка¹⁹. По неподтвержденной информации, содержащейся в отчетах ОГПУ, германский консул предлагал заключенным воспользоваться правом репатриации в СССР, однако они якобы отказались, опасаясь «обвинений в контрреволюционности»²⁰.

Помимо широкомасштабных арестов членов советской колонии с июля 1929 г. Китай начал проводить насильственные высылки и депортации советских граждан в СССР. Первыми были высланы члены администрации КВЖД, ответственные работники советских торговых и хозяйственных организаций. В целом, согласно информации, помещенной в советской прессе, китайской стороной было депортировано 354 чел., столько же китайских граждан выслали из СССР²¹. В августе на пограничные пункты, в первую очередь на ст. Маньчжурия (китайская сторона настаивала на депортации именно через эту пограничную станцию), ста-

ли прибывать беженцы из числа советских граждан, желающих выехать в СССР. Ссылаясь на закрытие границы, китайские власти не допустили советские поезда на станцию, что вынуждало депортируемых переходить границу пешком, под конвоем полиции. В начале августа число беженцев, скопившихся здесь, достигло 200 чел. (это были преимущественно женщины и дети), но китайская сторона отказывалась пропускать их на советскую территорию, увязывая эту проблему с возобновлением железнодорожного сообщения. 22 сентября 1929 г. маньчжурские власти вообще запретили выезд советских граждан из данного пограничного пункта. Тем не менее поток беженцев к приграничным станциям нарастал. С началом военных действий часть беженцев предпочла остаться на ст. Маньчжурия, дожидаясь прихода Красной армии, другая хлынула обратно в Харбин.

В конце лета 1929 г. СССР и Китай оказались на пороге войны. 7 августа 1929 г. все вооруженные силы СССР, расположенные на Дальнем Востоке, были объединены в Особую Дальневосточную армию (ОДВА) под командованием В.К. Блюхера. Были созданы Приморская и Забайкальская группы войск. С китайской стороны был сконцентрирован примерно 100-тысячный контингент Мукденской армии.

В период конфронтации участились провокации и пограничные столкновения. Летом и в начале осени 1929 г. после трехлетнего затишья активизировалась деятельность белогвардейских отрядов на границе, что было следствием обострения ситуации на КВЖД. На страницах советской прессы фигурировали цифры от 5 до 70 тыс. чел., – именно столько белогвардейцев якобы входило в состав Мукденской армии. По оперативным данным Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края, на протяжении советско-китайской границы от Даурии до Владивостока в зоне дислокации пограничных отрядов с 53-го по 59-й действовало 12 белобандитских формирований, численность которых в условиях военного времени могла бы достигать 1,5 тыс. чел., а максимальная численность всех военизированных эмигрантских организаций оценивалась в 6 тыс. чел.²² Лидеры дальневосточной эмиграции, в свою очередь, в ряде публичных заявлений утверждали, что осуществляемая с территории Китая вооруженная борьба белой эмиграции не может служить поводом для советско-китайского конфликта, поскольку «на территории Китая нет [крупных] белых вооруженных формирований, действующих против СССР»²³. В то же время, согласно оперативным данным ОГПУ, основными районами дислокации белогвардейских формирований были ряд приграничных районов, а также Трехречье и Мулинские копи. Наи-

более крупной из белогвардейских групп, действовавших в приграничье, являлся отряд Гордеева, расквартированный на станциях Якеши и Пограничная. Наибольшую известность в этот период приобрела группа Мохова численностью 25 чел., перешедшая на территорию СССР в районе Пограничной 10 сентября и окончательно ликвидированная лишь 21 октября 1929 г. Захваченные на территории СССР белогвардейцы по распоряжению ОГПУ были приговорены к расстрелу²⁴.

В конце сентября – октябре, еще до начала широкомасштабных военных действий, Красная армия силами 54-го пограничного отряда провела три военных рейда на территорию Китая в районе Трехречья, ставя перед собой задачу дестабилизировать обстановку в приграничной полосе, заселенной в основном казаками-белоземцами. 28 сентября нападениям подверглись все населенные пункты, расположенные по направлению к поселкам Тынхэ, Драгоценка и Усть-Щучье. Последствия этих операций наиболее разрушительными стали для поселков Вормары, Аргунск, Комарово и Домысово, которые были полностью разгромлены. 11 октября произошел налет на поселки Лабдарин и Усть-Уровск. Всего в ходе рейдов погибло более 130 жителей Трехречья²⁵, а русское население ушло из приграничных районов в глубь Трехречья, в долину р. Дербул. Новая операция на этой территории планировалась ОДВА на декабрь 1929 г., но из-за начавшихся переговоров по урегулированию конфликта и с учетом длительности планируемой операции, которая могла занять до 10 дней, Москва приняла решение не вводить регулярные войска в Трехречье²⁶.

В рамках собственно военного конфликта в период с 12 октября по 20 ноября 1929 г., ОДВА были последовательно проведены три наступательные операции на территории Китая: Сунгарийская (12 октября – 2 ноября), Мишаньфунская (17–18 ноября) и Маньчжуро-Чжэлайнорская (17–29 ноября). Первоначально военные действия велись на благовещенском направлении, против Сунгарийской военной флотилии в устье р. Сунгари (в районе Лахасусу – Фугдин). Мишаньфунская операция была проведена западнее оз. Ханка. Но наиболее заметные успехи были достигнуты советскими войсками в ходе Маньчжуро-Чжэлайнорской операции, в результате которой были заняты 18 октября Чжэлайнор и Чжэлайнорские копи, 20 октября – Маньчжурия, а 27 ноября – Хайлар.

В ходе военных действий в плен было взято несколько тысяч китайских солдат, проведены аресты и депортации русских эмигрантов. По сведениям белоэмигрантской прессы, свыше 600 трехреченских поселенцев были насильственно вывезены в СССР²⁷. Согласно информации ОГПУ,

после отхода советских войск в СССР было отправлено из Чжэлайнора и Маньчжурии более 150 белоэмигрантов, по другим источникам – 300–400 чел.²⁸ После завершения операции только на ст. Маньчжурия количество беженцев, желающих покинуть Китай, достигло 3 тыс. чел.²⁹ Что касается эвакуации советского населения, то она началась 21 ноября, а последний эшелон с советскими гражданами прибыл с китайской территории в СССР в ночь на 25 декабря 1929 г. Движение по дороге в полном объеме было восстановлено только после завершения эвакуации. Беженцы с КВЖД были представлены тремя категориями: лица, выехавшие в СССР до конфликта (командировочные и курортники), высланный партийный и профсоюзный актив, а также вывезенные Красной армией в период конфликта беженцы (инвалиды и пенсионеры КВЖД). Из зоны боевых действий были эвакуированы несколько тысяч человек. Семьи у большинства из них остались в Маньчжурии.

Вывезенное население предполагалось разместить преимущественно в Забайкалье, где их расселением занималась Читинская окружная комиссия по делам эвакуированных. Только в Чите разместили около 3 тыс. чел. Читинский округ был вынужден оказать материальную помощь беженцам и нести все расходы по их содержанию и размещению. В условиях дефицита жилья беженцы располагались в зданиях синагоги, мечети и пожарных служб. Частично служащие КВЖД, преимущественно партийный актив, были трудоустроены на Маньчжурской ветке Забайкальской железной дороги, а после урегулирования конфликта возвратились в Маньчжурию. С ноября 1929 г. по апрель 1930 г. власти Забайкалья израсходовали около 60 тыс. руб. на содержание лиц, эвакуированных из зоны конфликта, материальная помощь составляла 5–7 руб. на едока в месяц³⁰. Столь ограниченное финансирование привело к тому, что большинство беженцев оказались в бедственном положении, фиксировались даже смертельные случаи. Лишь после этого данный вопрос был обсужден в Наркомате путей сообщения. Впоследствии железнодорожников с КВЖД частично распределили по железным дорогам страны, а шахтеров Чжэлайнора – в Сучан (Артем).

В связи с началом массовой эвакуации населения с КВЖД предполагалось разработать упрощенный порядок фильтрации прибывших из-за границы. Согласно директиве ОГПУ, эвакуация разрешалась всем железнодорожникам. Ограничения на въезд распространялись только на граждан, занятых в сфере торговли, даже несмотря на согласие последних безвозмездно передать свои товары на нужды армии. В связи с событиями на КВЖД 21 ноября 1929 г. ЦИК СССР принял специальное

постановление по поводу тех должностных лиц, которые, будучи гражданами СССР, отказались вернуться в Советский Союз: действия невозвращенцев квалифицировалась как измена³¹. Есть основания предполагать, что причиной принятия этого постановления стали случаи отказа от возвращения в СССР части советской партийной и профсоюзной номенклатуры из числа сотрудников Северо-Маньчжурского комитета (СМК) ВКП(б) и партийных ячеек советских торговых организаций в Маньчжурии. На фоне партийной чистки в связи с «правым уклоном» в ЦК ВКП(б) хлынул вал свидетельств о злоупотреблениях среднего звена советской администрации в Маньчжурии. Одним из наиболее громких случаев был отказ секретаря партийной организации торгпредства в Харбине Пученко вернуться в СССР³². Широко обсуждался прессой отказ от возвращения бывшего начальника службы телеграфа КВЖД А.Н. Губарева³³. К январю–февралю 1930 г., когда на территории Маньчжурии возобновили работу все советские торговые и хозяйственные организации, аппарат многих партийных и советских структур был полностью обновлен. Конфликт привел к прекращению деятельности СМК ВКП(б), однако уже в январе 1930 г., когда на ст. Маньчжурия вернулись более 150 рабочих железнодорожников из числа коммунистов и комсомольцев и более 60 партийных работников, одна из партийных ячеек на дороге смогла возобновить работу. Ввиду прекращения функционирования СМК ВКП(б) воссоздаваемые ячейки прикреплялись к Читинскому окружному комитету ВКП(б)³⁴.

Во время конфликта визы на выезд в полосу отчуждения КВЖД не выдавались. Об этом свидетельствуют отказы в выдаче загранпаспортов и виз на выезд в Китай как гражданскому населению, так и военнослужащим, призванным с территории КВЖД. В выезде отказывалось, поскольку «дипломатические сношения с китайским правительством прерваны», вследствие чего «визы в Китай советским гражданам не выдаются»³⁵. После урегулирования конфликта последовала волна обращений советских граждан – служащих дороги и военнослужащих с просьбами о возвращении в Маньчжурию. В ответ были даны соответствующие директивные указания на места о том, что в связи с массовыми ходатайствами лиц, эвакуированных из Маньчжурии, возобновляется выдача разрешений на обратный выезд. Но с этого момента выезд в Маньчжурию стал осуществляться на общих основаниях, а его причины квалифицировались органами НКВД как частные. Таким образом, одним из последствий конфликта на КВЖД стало то, что многие семьи оказались разделенными на многие годы. В то же время, несмотря на ужесточение процедуры для гражданского населе-

ния, по-прежнему был возможен выезд в Китай в служебные командировки, в том числе для военнослужащих и членов их семей.

Советско-китайский конфликт был урегулирован в ходе переговоров, закончившихся подписанием 22 декабря 1929 г. так называемого Хабаровского протокола. Статус-кво на КВЖД был восстановлен, а права СССР в отношении дороги сохранены. Все советские граждане, арестованные после 1 мая 1929 г. в полосе отчуждения КВЖД, освобождались из заключения, и одновременно в СССР освобождались арестованные в связи с конфликтом китайские граждане и интернированные китайские солдаты и офицеры. Всем рабочим и служащим КВЖД – гражданам СССР, уволенным или уволившимся по собственной инициативе, предоставлялось право вернуться на свои должности и получить причитающиеся выплаты. С теми из уволенных, кто не воспользовался этим правом, предполагалось организовать полный расчет по заработной плате, пенсионным и другим социальным выплатам³⁶.

Что касается эвакуированных из-за военных действий работников КВЖД, то в начале 1930 г. на имя Дальневосточного краевого исполкома ВКП(б), краевого административного отдела и полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю поступило значительное количество обращений с просьбой о выдаче выездных виз в полосу отчуждения КВЖД. Массовой выдачи документов, однако, не последовало. В конце апреля 1930 г. окружной комитет Читинского округа, на территории которого оставалось около трех тысяч эвакуированных, настойчиво просил краевые власти ускорить выезд населения за границу к месту постоянного жительства³⁷.

Одновременно в течение первой половины 1930 г. членами семей эвакуированных советских граждан, в первую очередь из числа молодежи, было подано почти 1,5 тыс. ходатайств на въезд в СССР. Свое стремление въехать в Советский Союз они обосновывали безработицей и желанием получить образование. В то же время возросло количество лиц, выезжавших в СССР нелегально. В этой связи Генеральное консульство в Харбине ходатайствовало о расширении полномочий по выдаче виз для легального въезда на территорию Сибири и Дальнего Востока рабочих и служащих КВЖД и членов их семей³⁸.

Хабаровским протоколом предусматривалось восстановление советских консульств в Северо-Восточном Китае, равно как и китайских консульств в Сибири и на Дальнем Востоке. Возобновлялись работа советских хозяйственных организаций на китайской территории и деятельность китайских коммерсантов в СССР. За короткое время на территории Мань-

чжоу-Го была восстановлена деятельность торгпредства СССР, «Центросоюза», «Экспортхлеба», «Дальгосторга». В частности, «Дальгосторгу» удалось открыть свои представительства в приграничных районах Маньчжурии, в том числе в Трехречье (с. Полтавка). Советско-китайская приграничная торговля успешно развивалась до 1933 г. и была искусственно прекращена лишь в силу принудительного выселения японцами китайского населения из пограничной полосы³⁹. В 1935 г. на территории Маньчжоу-Го была свернута и деятельность советских торговых представительств.

Конфликт между СССР и Китаем, имевший место летом–осенью 1929 г., получил широкий международный резонанс и оказал значительное влияние не только на стороны, непосредственно в нем участвовавшие, но также на сопредельные государства. Достаточно сказать, что данный инцидент привел не только к военному столкновению между СССР и Китаем, но и к росту националистических, в том числе просоветских, настроений в ряде регионов Китая, к увеличению численности армий Тувинской Народной Республики и Монгольской Народной Республики в связи с «возросшей китайской угрозой», к закрытию китайско-монгольской границы, к прекращению торговых отношений Монголии с Китаем. Последствия конфликта были преодолены в 1930–1931 гг., но лишь частично. События 1929 г. стали свидетельством координальных изменений в отношениях с Китаем и признаком неизбежного сокращения в перспективе советского влияния в Маньчжурии. Советское присутствие на КВЖД, с одной стороны, ущемляло суверенитет Китая, а с другой стороны, несмотря на временное улучшение советско-японских отношений, противоречило «особым» интересам Японской империи на северо-востоке Китая.

2.2. Продажа КВЖД и репатриация советского персонала дороги

Северная Маньчжурия, считавшаяся с конца XIX в. сферой интересов России, в начале 30-х годов XX в., когда Токио активизировал свою колониальную экспансию в Азии, оказалась включенной в орбиту японского влияния. С одной стороны, Маньчжурия с ее военно-промышленным комплексом, сырьевой и продовольственной базой рассматривалась как удобный плацдарм для развертывания военной агрессии против Китая: южная часть региона находилась под полным военно-экономическим контролем еще с момента окончания Русско-японской войны и к рубежу 20–30-х годов была связана сетью коммуникаций с Кореей и Японскими

островами. С другой стороны, регион считался перспективным и с точки зрения «северного» варианта экспансии против СССР. Во время японо-китайского инцидента, произошедшего в сентябре 1931 г., были практически полностью оккупированы Маньчжурия и часть Внутренней Монголии (Жэхэ). Полная оккупация всей территории северо-востока Китая была завершена Японией в феврале 1932 г.

Оккупация Японией Маньчжурии принципиально изменила ситуацию на КВЖД, поскольку дорога оказалась в зоне прямого контроля японских вооруженных сил. Тем не менее советское правительство, сохраняя нейтралитет в японо-китайском конфликте 1931 г., надеялось обеспечить свои интересы на дороге и на территории Маньчжурии в целом. До 1932 г. Москве еще удавалось эффективно противодействовать попыткам транспортировки японских войск по КВЖД, но в итоге она была вынуждена на это согласиться. Понимая, что Маньчжурия могла стать удобным плацдармом для японской экспансии на российский Дальний Восток и в Сибирь, СССР предпочел в марте 1932 г. неофициально проинформировать Токио о своей готовности продать дорогу маньчжурским властям и ликвидировать потенциальный источник конфликта с Японией. Японская сторона заинтересовалась этой идеей и в августе 1932 г. предложила провести соответствующие обсуждения. Москва ответила согласием, но переговоры затянулись из-за вопроса о цене.

К весне 1933 г. положение на КВЖД ухудшилось из-за провокационных действий маньчжурских и японских властей, местных бандитских формирований (хунхузов) и военизированных отрядов, состоявших из русских эмигрантов. Работа КВЖД была, по сути, дезорганизована в результате нападений грабителей на поезда и железнодорожные сооружения, крушений поездов, убийств и похищений советских служащих. Принимая во внимание ухудшение обстановки, советская сторона весной 1933 г. переправила с КВЖД на территорию СССР около сотни паровозов и несколько тысяч вагонов, являвшихся ее собственностью. В ответ маньчжурские власти блокировали сообщение между КВЖД, с одной стороны, и Забайкальской и Уссурийской железными дорогами – с другой, стремясь пресечь подобные действия в дальнейшем, и захватили советские транзитные грузы. 2 мая 1933 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил о готовности начать переговоры о продаже КВЖД, и 26 июня 1933 г. в Токио открылась советско-маньчжурская конференция по этому вопросу, проходившая при участии японских наблюдателей. Соглашение о продаже КВЖД было подписано 11 марта 1935 г., когда после двух с половиной лет переговоров советская сторона снизила цену

дороги в пять раз. 23 марта состоялась передача прав; дорога была переименована в Североманьчжурскую железную дорогу (СМЖД) и перешла в подчинение Бюро и Департамента Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Продажа КВЖД повлекла упразднение в 1935 г. представительств почти всех советских торговых и хозяйственных организаций, действовавших на территории Маньчжоу-Го, сведя, таким образом, практически к нулю все хозяйственные контакты двух стран.

С принятием советской стороной решения о продаже дороги положение работавших на ней советских граждан намного ухудшилось. Вплоть до подписания соглашения о продаже власти Маньчжоу-Го широко практиковали аресты среди советской колонии, основанные на обвинениях в связях с хунхузами и вредительстве. Крупные аресты прошли в 1934 – начале 1935 г., когда на ст. Пограничная по обвинению в нападении на японскую военную миссию было арестовано 132 чел., большинство из которых были отправлены в Харбин. Позже здесь было арестовано еще более 50 чел. В пограничных районах были закрыты советские культурные учреждения⁴⁰, советские железнодорожники и члены их семей стали объектом нападения хунхузов и политических провокаций со стороны эмигрантов.

Уже с начала японской оккупации в регионе наблюдалось значительное сокращение численности русскоязычного населения, как советских граждан, так и эмигрантов. Отток был обусловлен также выездом в другие регионы Китая. В 1934 г. была проведена перепись иностранного населения в Маньчжоу-Го. На территории Харбина было зарегистрировано 59 622 русских, из них 4 643 чел. – китайские граждане русского происхождения, 34 178 – белоэмигранты и 20 801 чел. – советские граждане⁴¹. По данным Харбинского полицейского департамента, за первую половину 30-х годов численность русских сократилась почти на 10 тыс. чел.⁴² Общая численность русского населения в полосе отчуждения КВЖД (без Харбина) и в Трехречье на август 1934 г. составляла 18 927 чел., в том числе на восточной линии КВЖД эмигрантов было зарегистрировано 749 чел., советских граждан – 2 301, китайских подданных – 196 чел.; на западной линии – 1 529, 3 113 и 340 чел. соответственно; на южной ветке – 30, 634 и 20 чел.; в Трехречье проживало 9 763 эмигранта и 252 китайских гражданина⁴³. Дальнейшее сокращение колонии стало следствием репатриации советского населения, осуществленной после продажи КВЖД.

Вопрос о продаже дороги активно обсуждался как в эмигрантской среде, так и в советской колонии. Эмиграция приветствовала это решение, связывая репатриацию железнодорожных служащих в СССР с на-

деждами на освобождение 6 тыс. рабочих мест⁴⁴. Для многих советских граждан наступило время выбора, продажа дороги переживалась ими как личная беда. В советской колонии доминировали пессимистические настроения, но в то же время была надежда, что решения о «полной эвакуации» все же не последует. В эмигрантской прессе все чаще стали появляться сообщения о выходе из советского гражданства, который к моменту подписания договора о продаже дороги приобрел массовый характер⁴⁵. Среди будущих репатриантов из числа советских служащих было много первых русских переселенцев, прибывших в Маньчжурию еще в начале XX в., и беженцев периода Гражданской войны. Все они в 1925 г. приняли советское гражданство, чтобы сохранить работу на КВЖД. Советская молодежь воспринимала скорый отъезд в СССР с большим подъемом, поскольку государство гарантировало бесплатное образование и работу. В январе и феврале 1935 г. по инициативе администрации КВЖД дважды было проведено анкетирование среди советских рабочих и служащих. Отвечая на вопрос «Что вы намерены делать после увольнения?» (подразумевалась продажа дороги), лишь половина однозначно высказалась за выезд в СССР⁴⁶.

Одновременно происходил и обратный процесс – столь же массовый переход в советское гражданство. Еще 26 февраля 1935 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) и наркома путей сообщения Л.М. Кагановича состоялось специальное совещание по проработке вопросов, связанных с выездом советских граждан после продажи дороги. Управляющему КВЖД Ю.В. Рудому и Генеральному консулу СССР в Харбине М.М. Славуцкому поручалось проинформировать советских граждан о решении правительства эвакуировать семьи железнодорожников в СССР. Начались ускоренное оформление советского гражданства для членов семей железнодорожников и одновременная пролонгация советских паспортов. Основная волна обращений в консульства с просьбами об оформлении гражданства и получении виз на въезд в СССР приходится на весну – начало лета 1935 г. Среди обратившихся за гражданством следует выделить три наиболее массовые категории: члены семей советских железнодорожников; бывшие служащие дороги (преимущественно пенсионеры); служащие и рабочие различных частных предприятий, связанных с КВЖД. Последние две категории имели значительно меньше шансов на получение советского гражданства.

На правительственном уровне еще в марте 1936 г. были решены вопросы об упрощенном порядке выдачи виз на въезд в СССР и предоставлении гражданства членам семей советских граждан. Прием в граждан-

ство СССР бывших работников КВЖД и их семей производился по представлениям Генерального консула М.М. Славуцкого, передававшимся по телеграфу, в ускоренном порядке через ЦИК СССР. Выдача виз осуществлялась Генеральным консульством СССР в Харбине бесплатно, по решению специальной комиссии из консульских работников и администрации КВЖД. Согласно правительственному постановлению в отношении всех эвакуируемых из Маньчжурии советских граждан предполагались меры судебного-правового характера, если среди них «окажутся элементы, пребывание которых в СССР, несмотря на предварительную проверку и выдачу виз, будет вредным с точки зрения государственной безопасности»⁴⁷.

В СССР для практического осуществления процесса эвакуации советского населения с КВЖД в начале апреля 1935 г. была создана комиссия из числа ответственных работников Наркомата путей сообщения во главе с заместителем наркома Г.И. Благодоровым, в состав которой вошли начальники отделов политуправления, кадров, международного отдела, а также представители администрации КВЖД. 10 марта 1935 г. Политбюро утвердило постановление Транспортной комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об организации переезда в СССР и размещения работников КВЖД»⁴⁸. На обеспечение эвакуации железнодорожников и членов их семей уже в марте 1935 г. для НКПС планировалось выделить из резерва СНК СССР 4,5 млн руб., предназначенных для выдачи пособий и оказания других видов денежной помощи, а также для покрытия прочих расходов, которые могли возникнуть в процессе переезда⁴⁹. Народному комиссариату поручалось обеспечить организацию и осуществление бесплатной перевозки всех эвакуируемых. Ответственность за транспортировку советского населения до границы возлагалась лично на Ю.В. Рудого, а за провоз по территории СССР – на Г.И. Благодорова. При Генеральном консульстве СССР в Харбине был сформирован эвакуационный отдел. Для организации репатриации советского населения в структуре СМЖД в апреле 1935 г. создавалась эвакуационная комиссия, которую возглавил Хирота. Японская администрация дороги брала на себя обязательства по провозу эвакуируемых до границы с СССР. Согласно первоначальным планам в течение апреля–июля 1935 г. предполагалось вывезти все советское население, в первую очередь с южной и восточной линии, затем с западной полосы дороги, и в последнюю очередь из Харбина⁵⁰.

Доставка людей от границы до Иркутска обеспечивала Забайкальская железная дорога. 31 марта 1935 г. Управлением Забайкальской

железнодорожной дороги был подписан приказ «О перевозке советских граждан бывших рабочих КВЖД по Забайкальской железной дороге». В приказе особо подчеркивалось, что «каждый работник дороги, причастный к перевозке, должен обеспечить четкое выполнение задания правительства и партии по перевозке бывших работников КВЖД в СССР»⁵¹. На обеспечение перевозок мобилизовали все службы дороги, персональная ответственность, вплоть до привлечения к суду, была возложена на начальников станций и политработников. В кратчайшие сроки для вывоза более 5 тыс. семей (что могло составить около 20 тыс. чел.) и их имущества подготовили 66 составов из 1 254 вагонов, из расчета перевозки в каждом составе до 300 чел. Поезда в ожидании массовых перевозок заранее выставили на Маньчжурскую линию. На ст. Отпор организовали контрольно-пропускной пункт, где происходила пересадка в советские поезда. Все станции Забайкалья были подготовлены к проезду поездов: перроны освещены и вычищены, организованы буфеты, киоски, парикмахерские. Забайкальская железная дорога успешно справилась с поставленной задачей по обеспечению безопасности движения поездов при перевозке советских железнодорожников с КВЖД. Имел место лишь один незначительный инцидент, который стал основанием для специального приказа и административного расследования⁵².

Согласно токийским договоренностям советским гражданам предоставлялась возможность в течение двух месяцев после увольнения заниматься ликвидацией дел. К тому же они имели право на частичную выплату пенсий, вкладов и выходных пособий для работников, выведенных за штат. Официально эвакуация началась 23 марта 1935 г., когда состоялся переход СМЖД в ведение правительства Маньчжурской империи, однако ряд членов советской администрации выехали в СССР еще раньше, да и в составе первых трех групп эвакуируемых были преимущественно представители руководства дороги. По ходу движения поездов на территории СССР устраивались масштабные пропагандистские мероприятия: на вокзалах были вывешены приветственные лозунги, местные газеты поместили соответствующие статьи⁵³. С большой помпой прошел вывоз из Китая в конце марта персонала Харбинского детского дома и 178 его воспитанников. Питомцев Харбинского детского дома в Чите встречали пионеры⁵⁴. Почти треть эвакуированных детей разместили в Иркутске, остальных – в детских домах на Урале⁵⁵. С 29 марта планировалось приступить к массовому вывозу советских служащих и железнодорожников. Но репатриацию пришлось отложить. Эвакуация возобновилась лишь спустя полтора месяца.

Советский Союз уступал Маньчжоу-Го все права на КВЖД за 140 млн иен, которые предполагалось уплатить в течение трех лет. Еще примерно 30 млн иен маньчжурская сторона должна была выплатить увольняемым советским служащим дороги. Эту сумму предполагалось перечислить железнодорожной вспомогательно-сберегательной кассе, которая и должна была вести расчеты с увольнявшимися. В денежной форме для бывших служащих дороги осуществлялась только одна треть выплат, остальные планировались к выплате в рассрочку в течение трех лет под гарантийные обязательства СМЖД, выданные Центральным банком Маньчжоу-Го. Со своей стороны японское правительство обязалось гарантировать финансовые обязательства Манчжоу-Го. Выплаты должны были осуществляться как лично, так и по доверенности. Согласно токийским договоренностям право на единовременные пособия при увольнении получали все работники дороги. При этом выплаты производились не только постоянным работникам, но и тем, кто работал временно и на условиях сдельной оплаты. Право на дополнительные пенсионные выплаты предоставлялось только служащим, проработавшим на дороге больше 10 лет. Эта сумма равнялась пенсиям за восемь с половиной лет и планировалась к погашению четырьмя траншами в течение двух лет⁵⁶.

Единовременная выплата обычно составляла в 5 тыс. гоби (по курсу: 1 золотой рубль равнялся 1 гоби 65 фенам) и выплачивалась в национальной валюте, так как советский рубль с продажей дороги официально больше не использовался на территории Маньчжоу-Го. Эти деньги и получили название «заштатные». На остальные суммы, в которые входили пенсионные выплаты за восемь с половиной лет, а также доплаты из вспомогательно-сберегательной кассы дороги, выписывались именные обязательства со сроком погашения в 1935–1937 гг. Часть наличных денег, превышавшая установленную норму при въезде в СССР, переводилась в Дальбанк по следующему курсу: 1 золотой рубль равнялся 2 гоби 84 фенам. Понятно, что в этом случае советские граждане теряли значительные суммы на курсах валют. Из Дальбанка средства переводились в «Торгсин», где на каждого обладателя вклада открывался специальный счет. Что касается именных обязательств, то они передавались Генеральному консульству, которое было обязано в течение двух лет получить денежные суммы и перевести в Дальбанк⁵⁷. Нередкими были случаи, когда выплаты осуществлялись только при наличии справки из советского консульства, подтверждающей подачу документов на выезд в СССР. Обычно рекомендовалось до 1 тыс. гоби потратить на покупки, а остальную наличность перевести на текущий счет в Дальбанке⁵⁸.

Несмотря на вышеприведенную схему выплат, оглашенную еще в апреле 1935 г. и в основном реализованную советской и маньчжурской сторонами к моменту эвакуации, бывшим железнодорожным служащим удалось вывезти значительные суммы в советских рублях наличными. Вероятно, СМЖД в течение 1935 г. погасила половину своих обязательств по «заштатным» выплатам, о чем сообщалось в прессе⁵⁹. В отношении железнодорожников, возвращавшихся в СССР, отменялись ограничения на ввоз наличных как в рублях, так и в иностранной валюте. В отдельных случаях, как отмечали таможенные органы, советские железнодорожники пытались вывезти большие суммы, достигавшие иногда 20 тыс. руб. золотом⁶⁰.

Именно вокруг «заштатных» выплат и развернулась бурная полемика. По словам М.М. Славуцкого, уговорить людей выезжать в СССР без денег было невозможно⁶¹. Эвакуация возобновилась лишь 19 мая, после завершения переговоров между Харбинским генконсульством и МИД Маньчжоу-Го, на которых были достигнуты договоренности об организации выплат советским железнодорожникам. Но и в дальнейшем задержки с выплатами срывали сроки репатриации. Массовые демонстрации отъезжающих с требованиями выплаты денег проходили у здания советского консульства в Харбине в течение июля 1935 г.

Не менее остро для отъезжающих стояла проблема продажи или вывоза имущества. Большинство железнодорожников проживали в ведомственном жилье, которое, хотя и сохранялось за ними в течение месяца после увольнения, не подлежало компенсации⁶². С большими затруднениями столкнулись советские граждане, имевшие недвижимость в собственности. Поскольку в связи с репатриацией цены на жилье сильно упали, многие из них оказались вынуждены продавать имущество в 3–5 раз ниже рыночной цены, а в отдельных случаях, особенно на периферии, и вовсе бросать дома, на что, как правило, и рассчитывали местные власти и китайское население. Не менее остро стоял вопрос о вывозе скота. Первоначально маньчжурская сторона противодействовала вывозу, введя очень высокие тарифы на транспортировку, однако скот с восточной линии все-таки частично перегнали через границу, в Приморье, а владельцам компенсировали его стоимость в местах нового вселения⁶³. В конце-концов на исходе мая власти отменили таможенные ограничения, в результате чего бывшие служащие КВЖД получили возможность бесплатного провоза всего имущества.

После возобновления репатриации первыми из Харбина выехали представители администрации во главе с бывшим управляющим КВЖД

Ю.В. Рудым. Проводы проходили в торжественной обстановке, эшелон на железнодорожном вокзале провожала новая маньчжуро-японская администрация КВЖД, перрон был переполнен советскими гражданами и эмигрантами. Именно в составе этой группы численностью 200 чел. выехал и профессор Н.В. Устрялов⁶⁴. Отъезд Устрялова был встречен неоднозначно, эмиграция прореагировала на это негативно и достаточно жестко, да и сам Устрялов в своем дневнике при пересечении советско-китайской границы написал о «сумбуре чувств и мыслей в душе»⁶⁵.

Следующий эшелон из Харбина отправился 23 мая. С этого дня через ст. Маньчжурия на советскую ст. Отпор ежедневно отходили поезда, увозившие до 150–200 чел. Основной поток выезжающих приходится на июнь–август 1935 г., когда каждый день в СССР прибывало 250–300 чел. В самый пик репатриации, в конце июня – начале июля, ежедневно отправлялось по два эшелона с реэмигрантами, а число выезжающих в СССР превышало 350–400 чел.⁶⁶ Первоначально эвакуировали служащих восточной и южной линий КВЖД, затем – западной и в последнюю очередь – репатриантов из числа жителей Харбина. К концу июня эвакуировали 3 260 семей, или 11 081 чел.⁶⁷ По информации специального уполномоченного от Забайкальской железной дороги С.И. Крица, за период с конца мая по июль в СССР было вывезено 6 636 семей (почти 19,5 тыс. чел.)⁶⁸. К концу июля эвакуация населения с КВЖД была в основном завершена. Всего в СССР в рамках программы по реэвакуации советского персонала КВЖД было отправлено 74 эшелона. Согласно китайским источникам, до начала августа 1935 г. из Маньчжурии выехало 6 028 бывших служащих КВЖД и 14 607 членов их семей – всего 20 635 чел.⁶⁹ Есть сведения, что некоторые работники КВЖД въехали в Польшу и страны Прибалтики, получив гражданство этих государств.

Небольшие группы железнодорожников из Маньчжурии и Чжалайна выехали в августе. После этого, уже в индивидуальном порядке, начался отъезд советских граждан, работавших в частном секторе и получивших разрешение на въезд в СССР. По информации, опубликованной в прессе, всего в СССР к концу августа было эвакуировано 21,5 тыс. чел.⁷⁰ Согласно данным Наркомата иностранных дел СССР, в течение 1935 г. из Китая выехало 21 343 чел.⁷¹ Столь массовая эвакуация объяснялась жесткой установкой советского правительства на максимально возможный вывоз населения, нарушением принципа добровольности и опасениями самих советских железнодорожников за свою жизнь в Маньчжоу-Го. Несмотря на то что японская сторона настаивала на вывозе населения только через ст. Маньчжурия (зачастую транзитом через всю

полосу отчуждения), советские пограничники неоднократно фиксировали нелегальные переходы границы советскими гражданами в районе ст. Пограничная⁷².

Репатриация прошла организованно. Выезжавшие из Китая лица имели статус эвакуируемых, и все расходы, связанные с их транспортировкой и размещением, производились за счет государства. В правительственном постановлении специально оговаривались социально-бытовые условия перевозки, включавшие транспортировку населения в специальных поездах, состоящих из пассажирских вагонов жесткого типа и багажных вагонов. Государство гарантировало организацию бесплатного горячего питания на крупных станциях не реже одного раза в день и продажу продуктов в пути следования. На Народный комиссариат внутренней торговли возлагались обязательства обеспечить вагоны-лавки и вагоны-рестораны всеми необходимыми продуктами. Утвержденный перечень товаров включал хлеб, сахар, масло, сыр, консервы, папиросы и мыло. Политуправление НКПС должно было организовать при помощи местных парторганизаций культурно-политическую работу с репатриантами в пути следования и снабжение их литературой. Накануне прибытия эвакуированного советского населения партийным секретарям и председателям исполкомов региона направлялись телеграммы за подписями И.В. Сталина и председателя СНК СССР В.М. Молотова, извещавшие о прибытии поездов с КВЖД. ЦК ВКП(б) и СНК обязывали местные власти обеспечить соответствующий прием, проверить подготовленность станций и оказать «всемерное содействие нормальному и культурному передвижению»⁷³.

Согласно решению правительства, принятому в марте 1935 г., эвакуированным предоставлялись значительные таможенные льготы. Народный комиссариат внешней торговли должен был создать условия для неограниченного и беспроцентного пропуска имущества граждан, возвращавшихся в СССР, на основании перечня имущества, составленного советским консульством, причем это касалось и скота. Таможенный досмотр проходил исключительно в вагонах. Таможня ст. Отпор получила особые рекомендации в отношении досмотра выезжающих с КВЖД. Валюта и советские рубли разрешались к провозу в неограниченном количестве. Таможенные работники были предупреждены о том, что не должны проявлять излишнего любопытства по поводу происхождения средств, вывозимых бывшими служащими КВЖД⁷⁴.

Особо оговаривалась необходимость предварительного распределения эвакуируемого из Маньчжурии населения. Первоначальная инфор-

мация, подготовленная администрацией дороги, давала достаточно точное и полное представление о специальностях и занимаемых должностях работников, выезжавших в СССР, что позволяло осуществлять их плановое распределение. Окончательное назначение работников на железные дороги СССР должно было производиться в Иркутске, куда командировалась специальная ведомственная комиссия НКПС.

Прибывших в СССР работников КВЖД планировалось использовать исключительно в системе железнодорожного транспорта – на Среднеазиатской, Рязано-Уральской, Оренбургской, Самаро-Златоустовской, Юго-Восточной и Московско-Казанской (кроме Московского и Рязанского отделений) железных дорогах и на дороге Москва – Донбасс, которые обязаны были командировать своих представителей в Иркутск. Начальники дорог и политотделы представляли в НКПС и комиссию, которую, как уже говорилось, возглавил заместитель наркома НКПС Г.И. Благонравов, номенклатуру вакантных должностей как начальствующего состава, так и рядовых работников. Наркомат просвещения и НКПС обязывались обеспечить беспрепятственный прием детей репатриантов в учебные заведения, а также предоставить педагогическому персоналу КВЖД работу в соответствии с квалификацией⁷⁵. Обязательным было и предоставление жилья.

Сохранились лишь отрывочные сведения о размещении эвакуируемых из Маньчжурии на территории СССР. Большинство репатриантов были распределены по железным дорогам, а часть поступили в распоряжение крайисполкомов. Так, известно, что в августе 1935 г. в распоряжение крайисполкома Западно-Сибирского края прибыло более 50 семей⁷⁶. Региональные исполкомы получали информацию о необходимости организации «культурного» обслуживания очередного эшелона с эвакуируемыми из Маньчжурии, что подразумевало не только декорирование вокзалов и продажу газет, но и организацию горячего питания для проезжающих. Вместе с этой информацией поступали и списки тех, кого распределили в данный регион⁷⁷. В сжатые сроки крайисполкомы должны были перераспределить прибывших внутри региона с обязательным трудоустройством.

Вопросами занятости и социально-бытовым обслуживанием репатриантов, которых планировалось трудоустроить в промышленности, занимался Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) во главе с первым секретарем Н.М. Шверником. В соответствии с изданным ВЦСПС распоряжением «О размещении прибывших из Маньчжурии граждан СССР» Н.М. Шверник лично отвечал за прием

и трудоустройство этой категории граждан: профсоюзы также обязаны были по возможности обеспечить приехавших жильем⁷⁸. Репатриантов, имевших высокий уровень квалификации, достаточно быстро распределили для работы на транспорте и в промышленности, преимущественно в восточных районах страны. Тем не менее при размещении прибывших местные власти столкнулись с огромными трудностями, в первую очередь организационными и финансовыми. Местные бюджеты несли большие затраты, связанные с покрытием расходов на проживание и содержание репатриантов до их трудоустройства, много средств потребовалось на перевозку членов семей и багажа до места постоянного проживания. Подчиняясь директивным распоряжениям вышестоящих органов, власти на местах в то же время просили ограничить направление на свою территорию советских граждан, выезжавших из Маньчжурии⁷⁹.

За счет государства были ввезены в СССР и часть советских граждан не являвшихся железнодорожниками. Примерно 650 чел., получивших разрешение на въезд в СССР, не смогли въехать ввиду тяжелого материального положения. В то же время генконсул СССР М.М. Славуцкий считал целесообразным въезд в страну данной категории граждан, пока «тяга на родину среди этих людей необыкновенно велика». По мнению консула, чем «меньше будет в распоряжении японцев людского резерва из советских граждан для всяких манипуляций... тем меньше будет различного рода конфликтов»⁸⁰. Частично этих людей удалось переправить в СССР за счет средств Генерального консульства в августе–сентябре.

28 июля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение относительно советских граждан не из числа служащих КВЖД, предусматривавшее бесплатный проезд данной категории репатриантов до Иркутска, откуда их предполагалось направлять на работу через местные профессиональные организации в определенные регионы СССР. Перечень таких территорий должны были согласовать между собой Народные комиссариаты путей сообщения и внутренних дел. Оплата проезда этих советских граждан от границы до места назначения, так же как и работников КВЖД, была отнесена на счет НКПС. В связи с тем, что среди советских граждан, приезжающих из Маньчжурии, был целый ряд лиц, крайне нуждавшихся в материальной помощи, секретариат ВЦСПС постановил выдавать таким семьям пособие в размере от 50 до 150 руб., а также предусмотреть расходы на питание из расчета 2 руб. в день на человека в среднем на 10 дней. Общие расходы по встрече и размещению советских граждан, не являвшихся служащими КВЖД, должны были составить 246 тыс. руб. Необходимые средства взяли из

фонда социального страхования, бюджет которого формировался за счет отчислений профсоюзных касс взаимопомощи. Деньги были выделены в августе 1935 г.⁸¹ При пересечении этими репатриантами границы СССР выяснилось, что на этих въезжающих не распространяются таможенные льготы. Но по настоянию региональных властей они проехали без уплаты таможенных пошлин, так как «находились в худших условиях» и были «менее обеспечены, нежели бывшие железнодорожники»⁸². 31 августа 1935 г. решением Политбюро на выезжающих из Северной Маньчжурии советских граждан, работавших на частных предприятиях, были распространены такие же таможенные льготы на провоз имущества, как предоставленные ранее бывшим работникам КВЖД⁸³.

Несмотря на столь масштабное перемещение советского населения из Маньчжурии, даже после завершения эвакуации служащих КВЖД на китайской территории все еще оставалось значительное количество советских граждан. Приблизительно 500–700 семей (около 2 тыс. чел.) квалифицировались Харбинским генконсульством как «невозвращенцы». Они составляли 7% численности советской колонии на территории Маньчжоу-Го⁸⁴. По данным маньчжурских властей, только в Харбине проживало около 7 тыс. советских граждан.

С целью подстегнуть выезд советского населения, власти Маньчжоу-Го уже в конце августа 1935 г. санкционировали новую волну преследований в отношении советских граждан. Обыски и аресты были проведены под предлогом превентивных мер в преддверии визита в Харбин императора Маньчжоу-Го. В городе было арестовано 200 чел., еще 5,5 тыс. чел. заставили пройти проверку на благонадежность⁸⁵. Осенью аресты продолжились, была прекращена деятельность харбинского Общества советских граждан, советские клубы закрывались по всей линии дороги (прошли обыски и аресты в советских хозяйственных учреждениях; полиция провела кампанию по «ускорению выезда в СССР»). В декабре из страны выслали советских журналистов. Просматривалась перспектива полной ликвидации советского представительства на территории всей страны, закрытия всех советских учреждений, в том числе школ. Помимо того что была утрачена собственность советской колонии и ликвидированы советские предприятия на территории Маньчжурии, правительство СССР было вынуждено сократить число консульских представительств. Первым в феврале 1935 г. закрылось генконсульство в Мукдене. Окончательно деятельность дипломатических представителей СССР на территории Маньчжоу-Го была прекращена после подписания в 1937 г. договора о ненападении с Китаем.

С продажей КВЖД, которая до этого рассматривалась как основной фактор японо-советского соперничества, не произошло стабилизации ситуации на северо-востоке Китая. Международная обстановка продолжала осложняться. Это, в свою очередь, обострило японо-советские разногласия и привело к серии вооруженных конфликтов 1938–1939 гг. Относительная стабилизация положения на Дальнем Востоке была достигнута только в 1941 г. после подписания между СССР и Японией пакта о ненападении.

Часть советских железнодорожников все же осталась в Китае, рассчитывая получить причитающиеся выплаты и выехать в СССР весной 1936 г. Но из-за отсрочек выплат выезд задерживался: Центральный банк Маньчжоу-Го начал их производить лишь 25 июня 1936 г. В этот день деньги сумели получить 500 чел., 26 июня – еще 150 чел. Платежи осуществлялись как по личным обязательствам, так и на основе нотариально заверенных доверенностей, оставленных лицами, находившимися к тому моменту в пределах СССР. Доверенное лицо должно было иметь справку от департамента полиции или советского консульства о том, что доверитель действительно выехал в СССР. К концу октября 1936 г. выплаты бывшим служащим КВЖД были полностью произведены, началось погашение задолженности перед пенсионерами. В консульство было подано более 1,5 тыс. заявлений от пенсионеров, выехавших в СССР. Эмигрантская газета «Заря» язвительно писала, что «советская власть прикарманивает деньги пенсионеров КВЖД», поскольку, несмотря на исправные выплаты по пенсионным книжкам в Харбине, пенсионеры в СССР денег не получают. Консульство в ответ оправдывалось, что подобные задержки вызваны сугубо техническими причинами⁸⁶. Одновременно на страницах эмигрантских газет появились сообщения о тяжелой жизни в СССР «экс-харбинцев», что могло служить серьезным сигналом для лиц, собиравшихся вернуться в Советский Союз. С января 1937 г. маньчжурские власти прекратили выплаты пенсий бывшим служащим КВЖД, выехавшим в СССР⁸⁷.

Фактически сразу же после окончания массовой репатриации советских служащих КВЖД властями Маньчжоу-Го был санкционирован перевод в эмигрантское состояние советских граждан, не выехавших в СССР после продажи дороги. Еще в июне 1932 г. были обнародованы новые правила для проживания иностранцев в Маньчжоу-Го, обязывающие лиц, не получивших подтверждения советского гражданства, и детей по достижении совершеннолетия, при оформлении видов на жительство переходить в эмигрантское состояние. Смена гражданства в 1932–1934 гг.

проходила завуалированно, под видом утери документов, подтверждавших советское гражданство⁸⁸. Если первоначально помимо того, что надо было подавать заявления, заполнять анкеты и предоставлять поручительства, полиция запрашивала советское консульство, то к середине 30-х годов процедура смены гражданства предполагала лишь заполнение анкеты и внесение небольшого денежного взноса. Документы препровождались в департамент полиции, и если со стороны департамента не было препятствий, то 3-й отдел Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжоу-Го (БРЭМ) регистрировал эмигрантское состояние, – вся процедура занимала максимум два-три месяца. По информации БРЭМ, в марте 1935 г. о выходе из советского гражданства и переходе в эмигрантское состояние заявили 1,5 тыс. советских граждан. Советским гражданам, изъявившим желание перейти в положение эмигрантов, необходимо было заполнить регистрационные анкеты, а всем остальным также предписывалось зарегистрироваться в Бюро⁸⁹.

Особенно активный переход в эмигрантское состояние наблюдался в 1938 г. Эмигрантские газеты пестрели сообщениями о таких случаях, печатали списки новоиспеченных эмигрантов. Если на 1936 г. в Харбине насчитывалось 7 804 гражданина СССР⁹⁰, то к июлю 1938 г. численность советской колонии Харбина сократилась до 4 тыс. чел. По сообщениям прессы, только за полгода в эмигрантское состояние перешли 3 тыс. чел., а многие другие возбудили ходатайство о переходе⁹¹. В газетах печатались приказы начальника Биньцзянского полицейского управления о переводе советских граждан в эмигранты, выходившие с периодичностью один-два раза в месяц. К декабрю 1938 г. гражданство сменили еще от 850 до 1000 чел.⁹²

О массовом характере перехода советских граждан в эмигрантское состояние в 1936–1938 гг. говорят также фильтрационные и следственные дела реэмигрантов, насильственно вывезенных в СССР после Второй мировой войны. По свидетельству одного из таких подследственных, А.В. Жернакова, он не смог выехать в СССР после продажи КВЖД по семейным обстоятельствам, а переход в эмигрантское состояние (в котором он находился до 1925 г.) повторно состоялся в 1938 г., когда начались «большие преследования советских граждан со стороны японских властей»⁹³. С началом войны колония продолжала сокращаться, в эти годы эмигрантами стали еще 636 чел. В 1942 г. на учете в органах БРЭМ состояло 2 104 советских гражданина, проживавших преимущественно в Харбине⁹⁴.

Помимо выхода из советского гражданства и перехода в эмигрантское состояние в конце 30-х годов происходил массовый отказ от граж-

данства государств, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. В условиях начала Второй мировой войны и аннексии Прибалтики и Польши граждане этих государств, в основном выходцы из России, получившие гражданство вновь образованных государств по программе оптации в начале 20-х годов, предпочли вернуться в эмигрантское состояние⁹⁵, пополнив соответствующие национальные общины.

Часть советских граждан захотела выехать из оккупированной Японией Маньчжурии в другие районы Китая. В течение первой половины 30-х годов большая группа советских граждан смогла выехать в Шанхай. Здесь в отличие от северо-востока произошло укрепление советской колонии. Составить представление о жизни шанхайской колонии в этот период позволяют воспоминания В.В. Серебрякова. Члены колонии «имели “советский паспорт” – советский заграничный вид на жительство (“совзагранвид”), платили консульские сборы, имели право на консульскую защиту и т.п. Однако “совзагранвид” не давал права на въезд в СССР. Получить такое разрешение можно было только в результате специального ходатайства... Большинство шанхайских советских граждан... имели свои магазины, небольшие предприятия, имели медицинскую практику, служили в иностранных фирмах, работали музыкантами, либо жили на свои КВЖД-эковские заштатные... Подавляющее большинство их было харбинцами, сознательно не воспользовавшимися такой возможностью в 1935 г. Доходившие сведения о репрессиях 1937 г., в значительной мере коснувшихся и КВЖД-эков, заставляли их еще более осторожничать и выжидать. И хотя в своей массе эти местные советские подданные далеки были по своим политическим взглядам от советских патриотов, но так или иначе они были безоговорочно лояльны к СССР»⁹⁶.

В марте 1937 г. в советской колонии Шанхай возник Советский клуб («Союз возвращения») – организация, насчитывавшая до 400 чел. В мае 1938 г. его члены в открытом письме на имя М.И. Калинина обратились за разрешением въехать в СССР⁹⁷. Резкое сокращение численности советской колонии Шанхай произошло в 1939 г., когда в связи с началом военных действий между Китаем и Японией было эвакуировано советское консульство. Однако на волне патриотизма в годы Второй мировой войны здесь вновь наметился рост численности советских граждан.

В июле 1937 г. началась японская агрессия в Китае, что не могло не подтолкнуть советское и китайское правительства к укреплению «антияпонского союза». Подобного рода союзнические отношения стали возможными в условиях объединения усилий КПК и Гоминдана по созданию единого антияпонского фронта в период, когда японцы уже окку-

пировали ряд внутренних провинций Китая. 21 августа 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, а также три кредитных соглашения на 1937–1939 гг., в соответствии с которыми китайской стороне предоставлялись займы на 250 млн американских долларов, предназначенные на закупку военной техники. Либеральные условия торговли для китайской стороны предусматривались также в рамках советско-китайского торгового договора 1939 г. Подписание подобных межправительственных соглашений способствовало увеличению численности советской колонии в провинциях, контролируемых центральным правительством.

В течение второй половины 30-х годов значительно возросла численность советской колонии в провинции Синьцзян. Внутриполитическое положение в этом регионе Китая на фоне постоянно возрастающего влияния Советского Союза было в основном стабильным. Отметим, что в тот же период все более отчетливый интерес к данному региону стали проявлять Великобритания и США, что, по сути, было противоречиво советскому влиянию. На территории провинции действовали как государственные организации, среди которых были широко представлены советские хозяйственные и торговые структуры, так и отдельные юридические лица, уполномоченные на ведение хозяйственной деятельности. Развитию широкомасштабной торговли способствовал подписанный в июне 1939 г. советско-китайский торговый договор. С начала 30-х годов СССР вел на территории Синьцзяна добычу полезных ископаемых, а в конце десятилетия в рамках программы оказания экономической и военной помощи Китаю началось сооружение нескольких крупных промышленных объектов.

В соответствии с соглашениями об оказании военной и экономической помощи Китаю СССР начал строительство пересекавшей всю провинцию автомобильной трассы Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу. До начала строительства дорога представляла собой проселочный тракт, а на большом протяжении – просто верблюжью тропу. Строительство дороги, обозначавшейся в секретных документах как трасса «Z», вел Наркомат обороны СССР. В Москве в рамках наркомата для руководства строительством был создан специальный отдел⁹⁸. Стратегическая роль новой дороги состояла в том, что она должна была связать Турксиб с китайской территорией. Полторы тысячи километров трассы уже пролегли по территории СССР, а более 1,1 тыс. км (до Ланьчжоу) построили в течение 1937 г. В 1938 г. дорога была продлена до Синьцзяна, и ее протяженность составила в общей сложности более 3,7 тыс. км. В первые годы

японско-китайской войны эта дорога оставалась единственной артерией, по которой шло снабжение китайской армии. На строительстве и перевозках по шоссе Сары-Озек – Ланьчжоу в 1937 г. было задействовано около 4 тыс. водителей и обслуживающего персонала из СССР.

Проектно-изыскательные работы и строительство самолетосборочного завода в 40 км от Урумчи было в основном осуществлено в 1939–1940 гг. Наркоматом авиационной промышленности и полностью профинансировано советской стороной. На заводе работала большая группа советских специалистов, а вся его администрация была представлена советскими служащими во главе с директором В.С. Еськовым. Для проживания советских специалистов построили жилой поселок, подсобные промышленные и животноводческие предприятия, больницу и школу. В годы войны завод поставлял истребители в СССР. В 1943 г. оборудование и специалисты были вывезены в Ташкент, а стоимость инфраструктуры возмещена поставками скота из Синьцзяна в СССР⁹⁹.

Крупным промышленным объектом на территории провинции стал нефтяной комбинат в местечке Тушанцзы в районе Шихо. С 1937 г. СССР начал геологическую разведку нефти в этом районе и в 1938 г. было обнаружено крупное нефтеносное месторождение в районе Шихо. В августе 1939 г. Народный комиссариат нефтяной промышленности СССР совместно с правительством Синьцзяна приступил к строительству нефтеперерабатывающего завода. Было создано совместное общество «Синьцзяннефть» с равным долевым участием с каждой стороны. Строительство комбината завершилось к июлю 1940 г.

Еще одним фактором, способствовавшим усилению советского присутствия в Синьцзяне, стало очередное восстание в этом регионе. Весной 1937 г. по северо-западным районам Китая прокатилась волна антиправительственных выступлений. Губернатор провинции Шен Шидай обратился за помощью к СССР, и в июле 1937 г. в Синьцзян было переброшено несколько полков НКВД и Красной армии. В ходе боев лета–осени 1937 г. повстанцы были разбиты, и в январе 1938 г., после окончания военных действий, основные советские части были выведены из Синьцзяна. На территории провинции оставались только войсковая часть, обслуживавшая трассу Сары-Озек – Ланьчжоу, и небольшой контингент войск НКВД.

В рамках программы по оказанию Китаю военно-технической помощи в 1937–1940 гг. в стране работала большая группа советских военных специалистов. Первый из главных военных советников китайской армии (данный институт сохранялся вплоть до начала 1942 г.)

генерал М.И. Дратвин прибыл сюда в ноябре 1937 г. После него этот пост занимали генералы А.И. Черепанов, К.М. Качанов, В.И. Чуйков (он одновременно являлся военным атташе). Должность посла СССР в Китайской Республике в предвоенный период занимал А.С. Панюшкин, военными атташе при посольстве в 1938–1941 гг. последовательно были Н.П. Иванов, П.С. Рыбалко, В.И. Чуйков, а после войны – Н.В. Рошин. В годы Второй мировой войны советский дипломатический корпус размещался в г. Чунцине провинции Сычуань, поскольку тогдашняя столица Китайской Республики, Нанкин, была захвачена японскими войсками.

Первые группы советских военных специалистов прибыли в мае-июне 1938 г., сменив немецких военных советников. Численность советников из СССР в 1937–1940 гг. составляла более 300 чел.¹⁰⁰ Это были специалисты всех родов войск. С 1939 по 1942 г. в Китае работало от 3,5 до 5 тыс. военных специалистов¹⁰¹. Первыми стали военные летчики и инженеры, дислоцированные в Ханькоу, Сяогане, Наньчане¹⁰². В 1938 г. советские специалисты были задействованы на строительстве военных аэродромов в Хэньяне, Чанша, Гуанчжоу, Чэнду, Чунцине, Гуйлине¹⁰³, оказывали техническую помощь при поставках советской военной техники на трассе Сары-Озек – Ланьчжоу. В боевых действиях 1938–1939 гг. участвовало около 250 советских летчиков, не считая техников и работников служб обеспечения¹⁰⁴. В 1941 г. летчики вернулись в СССР. Также небольшая группа советских военных специалистов располагалась в г. Яньань провинции Шэньси, столице Особого района (часть территории провинций Шэньси – Ганьсу – Нинся), который прежде контролировала Красная армия Китая, а затем эта территория вошла в состав Китайской Республики. В основном военные специалисты и инструкторы находились в действующей армии, занимаясь разработкой военных операций и переподготовкой китайский военнослужащих.

В конце 1939 – начале 1940 г. на фоне обострения противоречий между Гоминданом и КПК СССР приостановил, а с начала 1941 г. полностью прекратил военные поставки. В 1941–1942 гг. подавляющее большинство наших дипломатов и специалистов вернулись на родину. В условиях китайского внутривластного кризиса февраля 1942 г. СССР принял решение об окончательном выводе из страны советских военных советников.

2.3. Карательная политика в отношении харбинцев и других групп репатриантов

На протяжении 20–30-х годов можно выделить несколько этапов репрессий в отношении лиц, побывавших за границей как нелегально, так и на вполне законных основаниях. В годы «большого террора» эти категории населения были вновь отнесены к контингенту, «подлежащему изъятию». Уже в начале 20-х годов советским законодательством были предусмотрены репрессивные мероприятия касающиеся «социально опасного» и «контрреволюционного элемента», к которому, как правило, причислялись и лица, выезжавшие за границу. С 1920 г. уголовному преследованию подлежали арестованные за границей и этапированные в страну военнопленные белогвардейцы, с 1921 г. – перебежчики и реэмигранты, с 1922 г. – «невозвращенцы», а в 1937 г. к ним были добавлены и так называемые харбинцы.

Советское законодательство изобиловало неологизмами типа «невозвращенцы», «перебежчики», «белобандиты», «харбинцы» и др., появившимися и эволюционировавшими вместе с политическим режимом и нашедшими широкое употребление в официальных документах наряду с обозначениями общепризнанных категорий спецконтингента. Вносимые в уголовное законодательство изменения в отношении лиц, некоторое время проживших за границей, делали все более очевидной тенденцию к ограничению, а в дальнейшем и к полному запрету выезда за границу и контактов граждан страны с иностранцами. Это позволяет поставить задачу выявления основных этапов и масштабов массовых репрессий в отношении лиц, побывавших за границей, в том числе в Китае, из числа военнопленных, перебежчиков, контрабандистов, реэмигрантов и бывших служащих КВЖД.

Разразившаяся в России Гражданская война привела к появлению контингента военнопленных из числа граждан России, сражавшихся на стороне белых, а Сибирь в начале 20-х годов стала местом, где были размещены не только военнопленные Первой мировой войны, но и военнопленные из белых армий. Значительная часть из них поступила в распоряжение двух сибирских военных округов – Омского (Западно-Сибирского) и Иркутского (Восточно-Сибирского). Данный контингент военнопленных в основном сформировался в ходе военных действий по разгрому формирований Бакича в Монголии и Синьцзяне, когда с мая 1920 г. по июнь 1922 г. было захвачено в плен и этапировано в Советскую Рос-

сию около 4 тыс. чел.¹⁰⁵ На родине все военнопленные прошли фильтрацию и были поставлены на учет особыми отделами ОГПУ военных округов. Офицеров подвергли судебному преследованию, а рядовые участники после фильтрации некоторое время были ограничены в правах и находились на учете в ОГПУ¹⁰⁶.

В мае 1922 г. в Новониколаевске состоялся суд над белогвардейцами, переданными монгольскими властями Советской России. Генерал А.С. Бакич и высший командный состав его корпуса были осуждены Военной коллегией Сибирского отделения Верховного трибунала ВЦИК. Согласно решению трибунала Бакич и еще пятеро его подчиненных были приговорены к высшей мере наказания, офицеров бывшего Отдельного Оренбургского корпуса осудили на пять лет, а рядовые получили условные сроки наказания. Спустя полгода условно осужденных рядовых амнистировали, а в 1923 г. были амнистированы и офицеры¹⁰⁷. Уже в начале 30-х годов эта категория, определяемая как «бывшие военнослужащие белых армий», или просто «бывшие», вновь подверглась уголовному преследованию. Основной пункт обвинений – служба в белых армиях и эмиграция в Китай и Монголию. Кроме этого им инкриминировалось создание «белогвардейских повстанческих организаций». Подобного рода повторные обвинения были предъявлены тем, кто проходил, например, по делу Бакича. Так, в 1932 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ на три года лагерей был осужден личный адъютант генерала Бакича Б.В. Гульденбальк де Гийдль¹⁰⁸, а в декабре 1937 г. тройка Управления НКВД по Красноярскому краю приговорила его к расстрелу. В делах репрессированных в 1937–1938 гг. довольно часто встречаются сведения об арестах начала 30-х годов, произведенных по причине службы в белой армии, участии в белогвардейских организациях и эмиграции в Китай или Монголию.

Контингент военнопленных из числа белогвардейцев пополнялся и в 20–30-е годы, поскольку Красная армия неоднократно участвовала в военных действиях на сопредельных территориях Китая, Монголии и Тувы. Там размещались значительные военные контингенты: до 1925 г. советские войска оставались в Монголии, с 1925 по 1929 г. – в Туве. В 1929 г. Красная армия участвовала в военных действиях на северо-востоке Китая, в первой половине 30-х годов – в Синьцзяне, в 1938–1939 гг. – в районе оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Если в начале 20-х годов в РСФСР этапировались только военнопленные из белых воинских формирований, то в последующие годы вместе с военнопленными из состава иностранных армий в страну насильно возвращали и приграничное русскоязыч-

ное население. Кроме того, власти МНР и ТНР также широко практиковали высылку в СССР «контрреволюционного элемента».

Значительную группу репрессированных в 20–30-е годы составляли реэмигранты, легально вернувшиеся на родину. Первоначально под реэмигрантами в нормативной практике подразумевались трудовые мигранты, уехавшие в Америку и Европу еще до Октябрьской революции и возвратившиеся в страну в первой половине 20-х годов. Советская власть, квалифицировавшая послереволюционную эмиграцию как контрреволюционное явление, тем не менее, с 1923 по 1927 г. на государственном уровне финансово поддерживала экономическую эмиграцию (выезд за границу для заработков)¹⁰⁹, делая, таким образом, четкое различие между политическими и трудовыми эмигрантами. Впоследствии термин «реэмиграция» фактически стал синонимом понятия «репатриация»; одновременно нелегалы чаще квалифицировались как перебежчики.

Анализируя объективные и субъективные причины возвращения на родину, необходимо учитывать, каким способом, легальным или нелегальным, оно происходило. Среди субъективных мотивов доминировали такие, как воссоединение семей, учеба и лечение (в этот период вводится ряд ограничений на осуществление поездок за границу по частным причинам). Можно встретить свидетельства о том, что нелегальный выезд за границу был вызван желанием получить высшее образование, которое для детей непролетарского происхождения стало недоступным¹¹⁰. Любопытно, но именно эти причины доминировали и при реэмиграции. Иногда фиксировались парадоксальные ситуации: например, родителям удавалась бежать в Китай, а спустя некоторое время детей задерживали при попытке нелегально вернуться в СССР¹¹¹. Однако чаще возвращались все-таки из-за безработицы¹¹². Желание уехать было связано и с политическими преследованиями. Именно в периоды антисоветских кампаний, проводившихся в Китае, возвращение было наиболее массовым.

Первые преследования реэмигрантов, вернувшихся на родину в 1921–1927 гг., относятся к рубежу 20–30-х годов. В уголовных делах, заведенных на казаков-реэмигрантов, достаточно широко представлены обвинения в контрреволюционной деятельности. Как правило, реэмигранты подвергались уголовному преследованию в ходе борьбы с кулацкими восстаниями в начале коллективизации; обвиненные по 58-й статье получали обычно по три-пять лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)¹¹³. Практически одновременно начались преследования в отношении представителей технической интеллигенции, вернувшихся в СССР после конфликта на КВЖД и трудившихся на железных дорогах по своей прежней

специальности. Уже с 1932 г. в стране поднялась волна шпиономании в отношении бывших работников КВЖД. К подобного рода делам можно отнести судебный процесс 1933 г. над «шпионской контрреволюционной группой Гальмукова», якобы действовавшей на Омской железной дороге. Руководитель группы в мае 1933 г. был осужден Особым совещанием при коллегии ОГПУ на три года ИТЛ¹¹⁴. Очевидно, что подобные дела в отношении лиц, прибывших из Харбина, санкционировались властями в целях проверки лояльности бывших членов советской колонии, вернувшихся в СССР после советско-китайского конфликта на КВЖД.

В 1933 г. в ходе ликвидации «белогвардейской повстанческой организации» по Западно-Сибирскому краю прокатилась волна репрессий в отношении бывших белогвардейцев и казаков, при этом пострадало более 10 тыс. чел., преимущественно бывших военнослужащих царской и белой армий. При ликвидации омского «контрреволюционного центра» особой целевой группой, в отношении которой проводились репрессии, помимо ссыльных белых офицеров стали казаки Сибирского казачьего войска, в том числе реэмигранты¹¹⁵. Во время этой чистки пострадал преимущественно младший офицерский состав, а спустя пять лет – уже и рядовые военнослужащие.

Репатрианты и реэмигранты являлись одной из категорий населения, в отношении которых был начат массовый террор, развернутый согласно печально известному оперативному приказу Наркомата внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. В ходе реализации приказа на территории Сибири было сфабриковано широкомасштабное «дело РОВС». Эта операция выборочно проводилась также на Украине, Урале и Дальнем Востоке. В Сибири она фактически началась еще в первой декаде июля 1937 г.¹¹⁶ и продолжалась вплоть до середины марта 1938 г., а в Новосибирской области и Дальневосточном крае до августа 1938 г. Органами НКВД были «вскрыты» и ликвидированы «контрреволюционные организации РОВС», действовавшие на территории нынешних Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, Красноярского и Алтайского краев, а также в 17 лагерных пунктах СибЛАГа¹¹⁷. По приказу № 00447 реэмигранты вошли в группу «военнослужащих белой и царской армии, подлежащих изъятию и преследованию». В рамках «ровсовской операции» в числе репрессированных в Омской и Читинской областях, Красноярском и Алтайском краях оказались и казаки-реэмигранты из Китая¹¹⁸. По итогам выполнения приказа № 00447 в Читинской области, где не проводилась «ровсовская операция», на январь 1938 г. реэмигранты составили чуть более 1% из общего количества репрессированных

в 6,7 тыс. чел.¹¹⁹ При проведении «кулацкой операции» и арестах по «эсеровско-ровсовскому заговору» факт эмиграции в Китай наряду со службой в царской или белой армии становился для арестованных дополнительным отягчающим вину обстоятельством.

Факты бегства граждан СССР за границу, так же как нелегальный въезд в страну, с первых дней существования новой власти характеризовались как уголовные деяния, а лица, их совершившие, считались «нарушителями» и «перебежчиками». Первоначально термин «перебежчики» имел широкое толкование: к этой категории относились и красноармейцы, перешедшие на сторону белых, т.е. фактически дезертиры. Затем так стали именовать и лиц, «бжавших из мест, где была установлена советская власть». Лишь позднее перебежчиками стали называть нарушителей границы, в том числе и тех, кто въезжал в страну нелегально, а также лиц, чей въезд мог быть расценен как незаконный. Обычно под эту категорию попадали нелегальные мигранты и беглые военнослужащие, прежде всего русские и белорусы из Польши, Румынии, Болгарии, Финляндии и Прибалтики, являвшиеся гражданами этих стран. За редким исключением, к перебежчикам относили и тех, кто нелегально пересек границу со стороны Китая¹²⁰. Перебежчики переходили границу с целью остаться на территории СССР, получить вид на жительство и работу. Эти граждане, пройдя проверку, направлялись в промышленные районы страны, в основном на Урал и в Сибирь.

До середины 20-х годов процедура въезда в страну не была отрегулирована законодательно. Перебежчиками фактически считались и лица, на которых распространялись политические амнистии, провозглашенные советской властью в 1920–1921 гг., которые въехали в страну нелегально, т.е. не оформившие советское гражданство и не получившие въездную визу. По этой причине за нелегальный переход границы были осуждены несколько тысяч «возвращенцев» из Китая, несмотря на то что на них распространялась амнистия 1921 г. Уголовному преследованию подлежали и те, кто при въезде в страну скрыл свое истинное социальное происхождение. Именно по этой причине в 1921–1922 гг. прокатилась волна арестов среди вернувшихся из Китая офицеров белых армий, осужденных военными трибуналами за «контрреволюционную деятельность» на три года лагерей.

В отношении перебежчиков применялась процедура фильтрации, в ходе которой документально устанавливался факт нелегального пересечения границы, а также собирался иной компрометирующий материал. Согласно ст. 84 УК РСФСР за нелегальный переход границы предусмат-

ривалось наказание в виде административного расселения перебежчиков, в том числе на территории Сибири, а за самовольные отлучки с места назначенного жительства – арест и более суровое уголовное преследование. Анализ уголовно-следственных дел показывает, что уже к середине 20-х годов большинство реэмигрантов и перебежчиков были подвергнуты судебному преследованию и лишены избирательных прав. В 1927 г. согласно Постановлению ЦИК и СНК «Об охране государственных границ» на нарушителей границы и тех, кто въехал в страну незаконно, распространялась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до одного года¹²¹. В связи с амнистией по случаю 10-летней годовщины Октябрьской революции, провозглашенной Постановлением ЦИК от 2 ноября 1927 г., в отношении перебежчиков уголовное преследование было прекращено¹²², но уже на рубеже 20–30-х годов аресты и задержания за «контрсоветскую деятельность» среди этой группы вновь приобрели массовый характер¹²³. В конце 20-х годов судебные органы не делали различий между перебежчиками и невозвращенцами, однако эти различия четко проявились в 30-е годы, когда в отношении перебежчиков меры наказания ужесточились.

С июня 1934 г. согласно Дополнению ЦИК СССР к статьям о государственных преступлениях, входившим в Уголовный кодекс 1926 г. (в УК РСФСР были внесены статьи 58-1а – 58-1г), бегство за границу квалифицировалось уже как «измена Родине» и в качестве наказания предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – 10 лет лишения свободы. В случае побега за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, знавшие о готовящейся измене, карались лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи перебежчика, ничего не знавшие о готовящейся или совершенной измене, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет¹²⁴. Принятый в годы «большого террора» оперативный приказ НКВД СССР от 23 октября 1937 г. № 00693 «Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей государственной границы СССР» («польская операция») не затронул перебежчиков из Китая, будучи направленным против перебежчиков из Польши. Решением Политбюро от 31 января 1938 г. репрессивные меры в отношении этой категории нарушителей границы стали максимально суровыми: перебежчиков, чьи «враждебные цели будут обнаружены», надлежало расстреливать, а остальных – лишать свободы на 10 лет¹²⁵.

С 30-х годов фиксируются единичные попытки бегства за границу оперативных работников НКВД и партийных руководителей разных уровней. В период политических репрессий самым громким случаем, получившим значительный резонанс, стало бегство в июне 1938 г. в Маньчжурию (на посъетском участке границы) начальника управления НКВД по Дальневосточному краю комиссара государственной безопасности 3-го ранга Г.С. Люшкова, опасавшегося ареста и неизбежного расстрела. Его сотрудничество с японской разведкой привело к провалу агентурной сети НКВД в Маньчжурии, японцам стала известна дислокация пограничных частей и частей ОКДВА на Дальнем Востоке. В течение семи лет Г.С. Люшков работал консультантом по Советскому Союзу в различных подразделениях японской военной разведки в Японии и Маньчжурии. Все попытки его ликвидации советскими спецслужбами оказались неудачными. Лишь в августе 1945 г. перед вступлением частей Советской армии в Дайрен Г.С. Люшков был уничтожен сотрудниками Японской военной миссии.

В отношении советских граждан, преимущественно жителей пограничья, нелегально пересекавших границу с Китаем и Монголией, преобладали обвинения в контрабанде. С 1924 г. борьба с контрабандой в СССР усиливается, в том числе на территории Сибири. Создается Сибирская окружная комиссия по борьбе с контрабандой, которой фактически руководит ОГПУ, а не Наркомат внешней торговли, хотя аналогичная Центральная комиссия была создана именно при этом наркомате. В 1924 г. последовали циркулярные распоряжения Полномочного представительства ОГПУ по Сибири о персональном учете лиц, занимавшихся контрабандой. В борьбе с контрабандистами были задействованы как пограничники, так и части особого назначения (ЧОН), созданные преимущественно для борьбы с контрреволюцией. Тем не менее всю первую половину и большую часть второй половины 20-х годов значительная часть приграничной территории страны продолжала оставаться открытой для «внедрения» контрабанды. В нелегальную торговлю было вовлечено не только население, жившее непосредственно возле границы, но и население 100-верстной приграничной полосы. Например, в Амурском округе, где р. Амур являлась естественным сдерживающим фактором и где отсутствовала развитая транспортная инфраструктура, в середине 20-х годов только за полтора года было задержано по факту контрабанды более 9,7 тыс. чел., из них около 8% составляли «уголовники», около 7% – «профессиональные контрабандисты», а остальных скорее можно отнести к крестьянам и маргинализированному городскому населению, преимущественно безработным¹²⁶.

Массовая контрабанда в 20-е годы была вызвана отсутствием жесткого пограничного режима, тяжелой экономической ситуацией в пограничных районах страны и дестабилизацией официальной приграничной торговли. Уже к концу 20-х годов была в основном сформирована законодательная база, регламентирующая пограничную торговлю и миграцию. В соответствии с введенными в действие законодательными нормами задержание по факту повторной контрабанды влекло за собой административную высылку из пограничной полосы: в этом случае высылка осуществлялась на основании ст. 7 Постановления СНК от 25 ноября 1922 г. В нормативных документах 1922–1924 гг. максимальный срок административной высылки составлял не более трех лет. По УК РСФСР 1926 г. участие в контрабанде товаров влекло за собой конфискацию, штраф и высылку в административном порядке на два года¹²⁷. Контрабандисты составляли приблизительно пятую часть всех приговоренных к высылке¹²⁸. Примерно с 1927 г. дела по факту контрабанды стали рассматриваться во внесудебном порядке¹²⁹. Тем не менее контрабанду удалось пресечь лишь к концу 30-х годов, после принятия целого комплекса экономических и административных мер, определивших статус режимных и пограничных местностей СССР.

С начала 20-х годов в СССР сложилась практика высылки из пограничной полосы целых категорий населения. Чистки пограничных районов Южной Сибири, Забайкалья и Приморья проводились практически ежегодно. Среди высылаемых преобладали раскулаченные крестьяне и «социально чуждые элементы». Первые административные высылки из пограничной полосы контрабандистов и «социально опасных элементов», которые потенциально могли бы вступить в контакты с белой эмиграцией, производились уже с начала 20-х годов, а впоследствии получили очень широкое распространение. В 1922 г. стала практиковаться ссылка за контрреволюционные выступления, в 1923 г. ее распространили на «социально опасных» лиц. Первые крупные чистки пограничных районов относятся к середине 20-х годов, – они стали следствием расширения полномочий ОГПУ и кампаний по борьбе с контрабандой. В 1927–1929 гг. систематический характер приобретает практика чисток приграничья от «неблагонадежного элемента», официально подававшаяся как меры по предотвращению возможных «диверсионных и других опасностей». Пограничные отделы ОГПУ в своей оперативной работе нацеливались на изъятие антисоветского актива на селе и ликвидацию шпионских контрреволюционных организаций и групп. По отчетам Амурского окружного отдела ОГПУ, только за первую половину 1928 г. в приграничье было

ликвидировано 12 шпионских контрреволюционных организаций¹³⁰. Новая волна высылки из приграничья приходится на рубеж 20–30-х годов: осенью 1929 г. начинаются высылки социально опасных элементов из пограничной полосы Сибири и Дальнего Востока в связи с ростом военной опасности из-за событий на КВЖД¹³¹. В конце 1929 г. аналогичные меры стали активно применять и на западных границах СССР.

Самые масштабные волны высылки из пограничных районов фиксируются в 30-е годы. Если в первой половине 30-х годов они были следствием коллективизации, то во второй половине десятилетия представляли собой кампанию по обеспечению безопасности границ и приграничных территорий, основным содержанием которой стали депортации «этнического» и «классово неблагонадежного», с точки зрения советского руководства, населения¹³². Первые высылки из приграничных районов Сибири и Дальнего Востока были проведены согласно приказу ОГПУ от 2 февраля 1930 г. «О мерах по ликвидации кулачества и о массовом выселении кулаков и их семей». Готовя материалы по выселению кулаков, власти на местах руководствовались февральской (1930 г.) директивой ЦИК СССР, в соответствии с которой из пограничных районов подлежали немедленному выселению все семьи кулаков¹³³. Поскольку ряд приграничных регионов попал в число районов сплошной коллективизации, власти в дальнейшем опирались на постановление от 1 февраля 1931 г., где также четко формулировалась необходимость выселения кулаков с подобных территорий.

Сохранившиеся документы позволяют подробнее проанализировать практику высылки периода сплошной коллективизации на примере приграничных районов Забайкалья. Зоной сплошной коллективизации одними из первых были объявлены территории, заселенные преимущественно казаками и крестьянами. При этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что значительная часть населения Южного Забайкалья, прежде всего проживавшая по р. Аргунь, продолжала сохранять интенсивные контакты с китайским приграничьем. Выселение кулачества было проведено согласно циркуляру Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю от 17 мая 1931 г. Основные мероприятия возлагались на органы ОГПУ, в помощь которым в приграничные районы были направлены пограничные отряды, а также боевые группы из партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива. Чтобы не допустить возможных попыток бегства, в селах было введено патрулирование и перекрыты дороги¹³⁴. В ходе операции 1931 г. только с территорий, граничивших с Монголией и Китаем, преимущественно

из русских сел Забайкалья, было выселено 340 семей (2 050 чел.), в том числе в Акшинском районе – 57 семей (378 чел.), в Борзинском – 73 семьи (482 чел.), в Быркинском – 66 семей (405 чел.), в Кыринском – 102 семьи (582 чел.), в Нерчинско-Заводском – 42 семьи (203 чел.)¹³⁵. В 1931 г. численность населения, высланного из приграничья, составила почти четверть от общего числа высланных из Сретенского и Читинского округов Восточно-Сибирского края. В 1933 г. прошла новая волна выселений, однако статистика относительно численности высланных в этот год по Забайкалью в целом отсутствует.

Высылки отдельных категорий населения, проходившие в 1932–1934 гг., были связаны с паспортизацией, которой были охвачены не только крупные города, но и населенные пункты пограничной зоны, где вводился институт обязательной прописки. Кулаки как социально неблагонадежные элементы лишались прописки и права проживания в целом ряде районов. Однако ввиду того, что сибирские и дальневосточные территории остро нуждались в трудовых ресурсах, выселение осуществлялось лишь за пределы пограничных зон.

Новые чистки пограничных районов Восточной Сибири и Забайкалья проходили уже в 1937–1938 гг.¹³⁶ Во время проведения и даже после окончания репрессивных кампаний 1937 г. были осуществлены массовые высылки из приграничья, и на этот раз они коснулись главным образом членов семей репрессированных и той части населения, которая подлежала высылке «за связь с закордоном». Только по Забайкалью на участке пограничных частей НКВД на конец августа 1938 г. было репрессировано 1 143 семьи (5 284 чел.)¹³⁷. По данным на начало 1938 г., из 45,5 тыс. чел. населения пограничья планировалось выслать 797 семей (3 825 чел.) репрессированных и 1 547 семей (7 663 чел.) как контингент, «имеющий связь с закордоном»¹³⁸. В конце 1939 г. руководство погранвойск НКВД настаивало на новой чистке в Борзинском пограничном районе, где к высылке было определено еще 400 семей¹³⁹. Подобные массовые высылки из погранзон «социально чуждых элементов» проводились повсеместно. Так, в конце 30-х годов на территории Дальнего Востока был проведен ряд административных высылки, связанных с ужесточением пограничного режима ввиду советско-японских военных конфликтов на границе.

Высылки из пограничья «социально неблагонадежных» дополнили этнические депортации. В конце 30-х годов во исполнение решений СНК и ЦИК СССР от 17 июля 1935 г., приказов НКВД СССР от 26 декабря 1935 г. и 27 июля 1938 г. «О правилах проживания в режимных и погра-

ничных местностях», принятие которых было вызвано усилением военной опасности со стороны Японии, прошла волна этнических депортаций с Дальнего Востока. В 1937–1938 гг. с территории Дальнего Востока и Забайкалья были депортированы корейцы и китайцы. Высылки мотивировались необходимостью «принудительного очищения» границы с Японией, оккупировавшей Корею и Маньчжурию. В ходе этой «зачистки» вместе с корейцами и китайцами с юга Дальнего Востока было депортировано в Казахскую ССР и Узбекскую ССР также около тысячи харбинских репатриантов¹⁴⁰.

Что касается нелегальных мигрантов, то анализ уголовно-следственного делопроизводства 30-х годов позволяет сделать вывод об увеличении их численности уже с 1928–1929 гг. С южных территорий Сибири и Дальнего Востока, юго-восточных территорий Казахстана эмиграция была направлена преимущественно в Китай, так как Монголия и Тува находились в зоне советского влияния. В ряду причин, вызвавших рост нелегальной миграции из СССР, доминировали экономические и политические факторы. Этот рост подхлестнули как законодательное ограничение частных поездок за границу, так и запрет на эмиграцию некоторым этническим группам. В составе нелегальных мигрантов начала 30-х годов преобладали крестьяне и другие категории приграничного населения, бежавшие за границу от коллективизации и голода. Уголовное делопроизводство тех лет изобилует случаями осуждения как за нелегальный переход границы, так и за нелегальное возвращение в СССР. Всплеск нарушений границы относится ко времени советско-китайского конфликта 1929 г. и коллективизации.

Представляется, что одной из объективных причин нелегальной эмиграции стали национальная и экономическая политика, проводившаяся в СССР. Методы коллективизации сельского хозяйства, практиковавшиеся государством в первой половине 30-х годов, вызвали массовое недовольство у населения национальных автономий и приграничных территорий, зачастую вылившееся в активные формы противодействия – вооруженные выступления и эмиграцию. Начавшаяся коллективизация усугубила напряженную социально-политическую обстановку, создав в ряде районов взрывоопасное положение. Значительная часть приграничного населения СССР оказалась вовлеченной в повстанческое движение и, по мнению спецслужб, была «заражена эмиграционными настроениями». Бежали в Финляндию, Польшу, Турцию, Иран, Китай и другие страны. По линии советско-китайской границы эмиграционное движение и антиправительственные выступления были характерны для Горно-

го Алтая, Забайкалья, Приморья, Казахстана, Средней Азии и Бурят-Монголии. Наиболее массовый характер эмиграция приобрела в последних трех регионах. В 1930 г. на основании постановления Политбюро от 20 февраля 1930 г. «О борьбе с кулачеством в национальных, экономически отсталых республиках и областях»¹⁴¹ ОГПУ провело серию карательных операций в национальных районах. Помимо высылки в числе административных мер применялись конфискации имущества и скота. Одновременно прошли акции по ограничению самовольного вселения в приграничные районы и выселению недавно поселившихся, поскольку подобные действия квалифицировались как «подготовка бегства за кордон»¹⁴².

Весной 1930 г., после начала массовой коллективизации, по приграничным районам СССР прокатилась волна вооруженных восстаний, а вслед за их подавлением прошла серия арестов, связанных с задержанием групп беглецов в приграничье и разгромом «контрреволюционных» эмигрантских организаций. Участники восстаний были арестованы и репрессированы. Основные категории репрессированных проходили по документам как перебежчики («беглецы»), агитаторы, призывавшие население приграничья к откочевкам и эмиграции, белобандиты и басмачи, активисты белоэмигрантских организаций. Так, участники восстания, вспыхнувшего в марте 1930 г. в Кош-Агачском аймаке Ойротии (территория современной Республики Алтай), – казахи и алтайцы, агитировавшие за откочевку в Китай, в сентябре 1930 г. решением Особой тройки Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю были осуждены в различных сроках заключения. Спустя несколько месяцев, в начале июля 1931 г., решением той же Особой тройки по делу «казахов-беглецов» репрессиям подверглись еще 54 чел.: 27 из них были приговорены к высшей мере наказания, остальные получили по 5–10 лет исправительно-трудовых лагерей¹⁴³. В 1932 г. в Тарбагатайском районе Казахстана была ликвидирована националистическая организация «Оншил-Улшил-Уюм», которая с весны 1931 г. якобы подготовила откочевку населения в Синьцзян. Согласно информации Полномочного представительства ОГПУ Казахстана, по этому делу было репрессировано 92 чел.¹⁴⁴ Новая волна судебных преследований в отношении лиц, осужденных в ходе кампаний по раскулачиванию, относится уже к периоду «большого террора».

В особую категорию подследственных надо выделить так называемых невозвращенцев, фигурировавших в циркулярных документах НКВД уже с 1922 г. Этим термином обозначали служащих заграничных струк-

тур дипломатического ведомства, самовольно прекративших работу и вышедших из гражданства РСФСР. Невозвращенчество, хотя и считавшееся весьма нежелательным политическим явлением, не носило массового характера. Чаще всего за границей оставались сотрудники дипломатических служб и торговых представительств, крупные хозяйственные работники, агенты ОГПУ – НКВД, сотрудники аппарата ЦК ВКП(б), реже – ученые. К концу 20-х годов данное явление стало приобретать более масштабный характер. Только с октября 1928 г. по август 1930 г. численность лиц, самовольно оставшихся за границей, превысила 190 чел., из них большинство остались в Германии и Франции, в Китае и Турции – 6 чел. В связи с этим вопрос о невозвращенцах из числа работников советских хозяйственных учреждений обсуждался летом 1928 г. на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). В 1929 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, которое предписывало рассматривать отказ гражданина СССР вернуться в пределы страны «как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену». Лица, отказавшиеся вернуться в Советский Союз, объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию имущества осужденного и расстрел через 24 часа после удостоверения их личности: имена объявленных вне закона невозвращенцев доводились до сведения всех органов советской власти и ОГПУ. Закону придавалась обратная сила, т.е. он распространялся и на тех лиц, которые совершили указанное деяние до его принятия¹⁴⁵. В период советско-китайского конфликта к невозвращенцам отнесли отказавшихся вернуться на родину служащих советских хозяйственных учреждений в Китае, которых было достаточно много. Массовые случаи отказа от возвращения в СССР фиксировались после продажи КВЖД в 1935 г. Именно так квалифицировали советских железнодорожников, не вернувшихся в СССР после продажи дороги.

Особого рассмотрения требует тема репрессий в отношении харбинцев. В середине 30-х годов «харбинцами» или «КВЖДинцами» именовались в основном бывшие служащие КВЖД, эвакуированные в СССР после продажи дороги Маньчжоу-Го. Со второй половины 1937 г. в законодательной практике получило распространение широкое толкование неологизма «харбинцы». Масштабные репрессивные меры по отношению к этой категории были предприняты в числе так называемых национальных операций, по которым в СССР с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. подвергли репрессиям более 335 тыс. чел., в том числе 247 тыс. чел. расстреляли¹⁴⁶.

Собственно «харбинская операция» проводилась согласно приказу НКВД № 00593, но локальные репрессии в отношении бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г., что было связано с кампанией по разоблачению шпионов на железнодорожном транспорте. Наиболее значительным стало «дело руководителей Томской железной дороги» (к ним было отнесено среднее звено руководителей – плановики, начальники групп и дистанций, мастера). «Шпионов» якобы возглавляли начальники нескольких отделов службы пути – харбинцы, ранее работавшие на КВЖД. В конце марта 1937 г. в ходе работы в Новосибирске выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР трех человек приговорили к расстрелу, еще 16 человек – к пяти годам лагерей¹⁴⁷.

С июня 1936 г. по страницам центральной и сибирской прессы прокатилась волна публикаций, посвященных фактам «активизации деятельности на территории СССР иностранных разведок, в том числе японской, которая использовала, в частности, эвакуацию советских граждан с КВЖД для вербовки агентуры»¹⁴⁸. Однако нарком Г.Г. Ягода не оценил усилия Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю, отметив в июне 1936 г., что работа «по чистке транспорта от японских диверсионных групп запущена»¹⁴⁹. Как следствие, с осени 1936 г. вновь активизировались аресты на транспорте. Среди арестованных в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе на железных дорогах, оказались и бывшие служащие КВЖД, которым инкриминировались шпионаж в пользу Японии и вредительство. В большинстве случаев фабрикация подобных дел стала следствием печально известной поездки наркома путей сообщения Л.М. Кагановича в 1936 г. в Сибирь и на Дальний Восток.

Июль 1937 г. положил начало репрессивным акциям, направленным на ликвидацию диверсионно-шпионской сети в СССР, якобы организованной гражданами сопредельных государств. Вслед за немцами и поляками подобную участь разделили финны, эстонцы, латыши, чехи, румыны, болгары, македонцы, греки, иранцы, афганцы, китайцы, перебежчики-иммигранты и так называемые харбинцы. Иностранцы резидентуры были «выявлены» почти во всех крупных городах и районах СССР. 10 июля 1937 г. «Правда» опубликовала большую статью об антисоветской деятельности японской разведки, обличая японских шпионов и диверсантов, скрывающихся в том числе и «под личиной» советских граждан, которые выехали из Маньчжурии в СССР после продажи КВЖД и якобы должны были вести в СССР «шпионско-диверсионную работу»¹⁵⁰. Уже в первой половине 1937 г. репрессивный механизм набрал обороты. По данным НКВД, к середине 1937 г. репрессировали 4,5 тыс. чел.¹⁵¹

19 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением № П53/107 утвердило проекты закрытого письма НКВД и приказа о мероприятиях «в связи с террористической диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа так называемых харбинцев». 20 сентября 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00593, в котором было названо точное количество вернувшихся из Китая лиц, поддававших под маховик репрессий, – около 25 тыс. чел. и говорилось о необходимости «ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности»¹⁵². Харбинский приказ вышел с обширным сопроводительным письмом, по типу схожим с сопроводительным письмом к приказу по «польской операции». На нескольких десятках страниц текста рисовалась фантастическая картина деятельности японской разведки на территории СССР через внедрившихся харбинцев.

Операцию планировалось провести с 1 октября по 25 декабря 1937 г., но этот срок неоднократно продлевался. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов в ноябре 1937 г. форсировал проведение операции в отношении всех «антисоветских элементов», в том числе и бывших служащих КВЖД. Преамбула данного приказа, как и большинства приказов этого типа, состояла из утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведывательных органов «одной из капиталистических стран» и о перерастании этой деятельности из разведывательной в «диверсионно-террористическую и повстанческую». В приказе приводился точный перечень репресслируемых категорий населения, назывались сферы, подлежащие чистке в первую очередь, определялись сроки проведения операции и формы отчетности по ней. Особенность репрессий в отношении харбинцев состояла не в специфике предъявленных им обвинений, а в том, что основанием для расстрела или заключения являлась принадлежность этих людей к определенной категории населения, по которой было принято специальное решение. «Национальные операции», в том числе «харбинская», стали главным направлением в деятельности НКВД в январе–феврале 1938 г., а последние массовые аресты среди харбинцев прошли в июле этого года.

Помимо этого действие приказа № 00486 от 15 августа 1937 г. о репрессиях в отношении семей «изменников родины» распространялось и на членов семей репресслируемых харбинцев¹⁵³, – аресту подлежали жены и дети старше 15 лет. Жены отправлялись по приговору Особого совещания в лагеря на пять–восемь лет, однако в связи с большим наплывом членов семей арестованных по «харбинской» и «польской» операции

ям и нехваткой мест в тюрьмах 21 ноября 1937 г. эта директива была отменена. В некоторых регионах в качестве репрессивной меры к семьям харбинцев применялась высылка¹⁵⁴.

При реализации приказа Н.И. Ежова о репрессиях против харбинцев аресту подлежали все лица из их числа, служившие в Красной армии, работавшие в НКВД, в советских учреждениях, на транспорте, в промышленности и сельском хозяйстве. К первой категории (лица, подлежащие расстрелу) были причислены участники диверсионно-шпионских и террористических групп и антисоветские деятели. Ко второй категории (осуждаемые на срок от 8 до 10 лет) – «менее активные харбинцы». И те, и другие зачислялись в «японские шпионы, диверсанты и террористы» и подлежали немедленному аресту. Тех, на кого не удавалось собрать компрометирующий материал, просто выгоняли с работы и впредь не принимали на предприятия промышленности и транспорта.

Оперативные документы НКВД довольно подробно характеризуют состав лиц, подвергавшихся преследованию. Согласно оперативному приказу № 00593 в категорию «харбинцы» попали помимо бывших советских служащих КВЖД все лица, вернувшиеся из Китая и причисленные к широкому спектру «контрреволюционных и антисоветских элементов». Сюда входили «бывшие белогвардейцы, члены антисоветских политических партий и эмигрантских организаций, троцкисты, бывшие служащие китайской полиции, служащие иностранных предприятий, бывшие владельцы собственности на территории Маньчжурии, контрабандисты и сектанты»¹⁵⁵. Однако помимо тех, о ком говорилось в приказе, подробно характеризующем контингент так называемых харбинцев, в квазисудебной практике 1937–1938 гг. присутствовали следующие подгруппы: 1) бывшие белые, каратели и реэмигранты (вторая по численности группа); 2) бывшие члены антисоветских политических партий; 3) участники фашистских организаций; 4) служившие в китайских войсках и полиции; 5) служившие в иностранных фирмах и владельцы предприятий; 6) обучавшиеся в Харбине на интернациональных курсах («Интернационал», «Прага», «Славия»); 7) нелегально въехавшие и состоявшие в китайском гражданстве; 8) прочий активный антисоветский элемент (доминировавшая по численности группа)¹⁵⁶.

Изучение материалов уголовно-следственных дел второй половины 1937 г. позволяет сделать вывод, что на практике классификация оказывалась гораздо менее дробной. Доминировали две группы: 1) лица, эвакуированные в 1935–1936 гг. с КВЖД; 2) выехавшие в СССР во время или сразу после советско-китайского конфликта 1929 г. Среди лиц, ро-

дившихся или проживавших какое-то время в Китае, значительное число составляли молодые люди, приехавшие в СССР на учебу. В советской колонии в Маньчжурии была широко распространена практика отъезда детей высокопоставленных советских служащих на учебу в СССР. Дело в том, что, будучи советскими гражданами, они не могли обучаться в китайских или эмигрантских высших учебных заведениях¹⁵⁷. Среди молодежи, выехавшей в СССР на обучение или в поисках работы, были и те, кто пытался вернуться в Китай к родителям, но после конфликта 1929 г. лишился этой возможности¹⁵⁸. В составе осужденных встречались перебежчики, вернувшиеся в страну в начале 20-х годов либо по амнистии, либо по репатриационным программам, хотя большая часть лиц данной категории была репрессирована ранее, еще в ходе первой «кулацкой операции». К харбинцам причислялись и те, кто выезжал в Китай на протяжении 20-х годов как в кратковременные частные поездки, так и в служебные командировки. Таким образом, по «харбинской операции» арестовывались все, кто когда-то был в Китае и вернулся в СССР, а также поддерживавшие связи с такими лицами. Известные нам источники содержат также данные об арестах среди тех, кто проживал в Монголии и вернулся¹⁵⁹. В Алтайском крае, Новосибирской и Читинской областях среди репрессированных харбинцев значительный процент составляли реэмигранты из МНР, в большинстве своем высланные в СССР монгольскими властями в 30-е годы.

Харбинцы квалифицировались как агентура японской и, реже, китайской разведок. Две трети из них, по мнению карательных органов, были «шпионами», почти треть – «активным контрреволюционным элементом» и очень незначительная часть проходила как «диверсанты»¹⁶⁰. Анализ следственных дел второй половины 1937–1938 гг. показывает, что абсолютное большинство харбинцев осуждалось «двойками» и «тройками» при НКВД – УНКВД. Между тем подобная практика нарушала установленные процессуальные нормы в отношении лиц, подлежавших суду за «шпионаж и диверсии» в пользу иностранных государств, так как постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. определялось, что дела об измене Родине, шпионаже, терроре и диверсиях находятся в компетенции военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР¹⁶¹. В репрессивной кампании в отношении харбинцев было задействовано и Особое совещание при НКВД СССР. Осужденным в ходе первой волны репрессий, в 1936 г. – начале 1937 г., обычно инкриминировались «шпионаж и диверсии» в пользу иностранного государства, а приговоры им выносились военно-следственными органами. Абсолютное большин-

ство репрессированных в годы «большого террора» были осуждены так называемыми тройками, действовавшими повсеместно с августа 1937 г. по март 1938 г. Дела, сфабрикованные дорожно-транспортными отделами (ДТО), также рассматривались тройками.

Оперативные приказы по национальным операциям создали принципиально новый в практике ОГПУ – НКВД процессуальный порядок осуждения. Справки-заключения на арестованных каждые 10 дней представлялись на рассмотрение комиссии из двух человек – начальника НКВД – УНКВД и прокурора (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа – «двойка»), которая определяла категорию обвинения: первая (расстрел) или вторая (заключение на срок 5–10 лет). Справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), направлялись в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР или их заместители. Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в региональные УНКВД. Такой порядок осуждения в переписке НКВД вскоре стали называть «альбомным». В «альбомном порядке» осуждались подавляющее большинство, но все-таки не все арестованные по «харбинской линии».

Репрессивная роль Особого совещания при НКВД СССР усиливалась специальным решением Политбюро от 5 сентября 1937 г. Особое совещание могло осуждать максимально на восемь лет заключения, что на практике не выполнялось. Большинство харбинцев приговаривалось Особым совещанием к высшей мере наказания. В середине сентября 1938 г. «альбомный порядок» осуждения был отменен. 15 сентября 1938 г. в ряде регионов вновь создавались Особые тройки для завершения текущих и необработанных дел, действовавшие до середины ноября 1938 г. 17 ноября 1938 г. совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявило о прекращении всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД отменил все оперативные приказы 1937–1938 гг. и директивы, изданные в их развитие.

Репрессии в отношении харбинцев прокатились практически по всем отраслям экономики: по предприятиям легкой промышленности, торговым и хозяйственным организациям, советскому аппарату и учебным заведениям. В промышленности и советских учреждениях аресты проводились региональными управлениями НКВД. Репрессии затронули транспорт, в первую очередь железнодорожный. Были арестованы харбинцы, работавшие на узловых транспортных станциях и в структуре базовых служб железных дорог. На железнодорожном транспорте аресты по «хар-

бинской операции» проводились дорожно-транспортными отделами НКВД. В связи с реорганизацией 6-го транспортного отдела Главного управления государственной безопасности в конце лета 1937 г. ДТО воссоздавались в полном объеме на всех железных дорогах страны¹⁶².

Согласно данным комиссии ЦК КПСС по расследованию причин массовых репрессий, работавшей накануне XX съезда КПСС под руководством секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова, на 10 сентября 1938 г. судебными органами было рассмотрено 30 938 дел харбинцев, по которым 19 312 чел. осуждены к расстрелу, 10 669 чел. – к другим мерам наказания, передано в суды 251 дело, возвращено на доследование 706 дел¹⁶³. Согласно оперативным отчетам НКВД и ДТО НКВД и территориальных органов НКВД в рамках «харбинской операции» на 20 февраля 1938 г. были осуждены 16 650 чел., на 10 июля – 22 680, на 15 сентября – 34 511 чел., в том числе приговорены к расстрелу – 22 942 чел., к 10 годам ИТЛ – 9 266 чел., к 8 годам ИТЛ – 1 638 чел., высланы из страны 379 чел., остальные осуждены на пять лет ИТЛ либо на поселение¹⁶⁴.

На основании отчетных сводок НКВД СССР о проведении операции можно в целом представить динамику и масштабы репрессий по «харбинской операции» в каждом регионе. Основные репрессии прошли в РСФСР. Наиболее массовый характер они приобрели в Иркутской, Читинской, Новосибирской, Свердловской, Челябинской, Ленинградской и Московской областях, Алтайском и Дальневосточном краях¹⁶⁵. Наибольшее количество харбинцев было «выявлено» в промышленно развитых районах Сибири, Урала и Центральном регионе, по автономиям РСФСР – в Татарской и Крымской АССР¹⁶⁶, что в целом совпадало со структурой их расселения. Репрессии затронули также Казахскую, Украинскую, Киргизскую, Узбекскую и Грузинскую советские республики. С меньшим размахом аресты проводились в Белоруссии, Азербайджане, Туркмении, Таджикистане и Армении¹⁶⁷. В целом по стране к середине сентября 1938 г. было осуждено 34 511 чел. К середине сентября 1938 г. было рассмотрено дел на 11 401 чел., прошедших через ДТО. Из этого числа осуждено 10 811 чел., в том числе 6 190 чел. – к высшей мере наказания¹⁶⁸. Операция продолжалась до ноября 1938 г. За вторую половину сентября – ноябрь 1938 г. в продолжение репрессивной кампании в отношении харбинцев Особые тройки осудили 7 996 чел., арестованных преимущественно до августа, в том числе по первой категории – 5 406 чел., по второй – 1 899 чел.¹⁶⁹ Таким образом, в рамках «харбинской операции» с сентября 1937 г. по ноябрь 1938 г. число репрессированных составило 42 507 чел., в том числе к расстрелу приговорено 28 348 чел.

Но даже приведенные выше данные не показывают количество арестованных харбинцев в целом. Документально восстановить долю харбинцев в общей массе репрессированных в годы «большого террора» можно лишь для нескольких регионов, где в значительном объеме введены в научный оборот материалы судебно-следственного и оперативного делопроизводства НКВД. На январь 1938 г. в Татарской АССР было репрессировано 111 харбинцев, что нашло отражение в оперативном отчете о ходе проведения массовых операций¹⁷⁰. Кроме того, к январю 1938 г. дорожно-транспортный отдел ГУГБ Казанской (бывшей Московско-Казанской) железной дороги (на линии, проходящей по территории Татарской АССР) в порядке выполнения оперативного приказа № 00447 выявил 221 харбинца, из которых по приказу № 00593 были арестованы 161 чел. Из них 107 чел. были осуждены по первой категории и 45 – по второй¹⁷¹. Таким образом, всего в республике арестовали 272 харбинца. Масштабы арестов по линии ДТО в Татарской АССР оказались сопоставимы с масштабами арестов, проведенных территориальными отделами НКВД. Относительно ряда регионов можно констатировать, что харбинцы составляли вторую по численности группу репрессированных в рамках «национальных операций» после поляков.

Проведение «харбинской операции» в Читинской области частично можно восстановить на основании докладов НКВД в местный обком партии. Крупномасштабная операция в отношении харбинцев началась здесь в январе 1938 г. с «ликвидации гнезда контрреволюционных резидентур» на железной дороге им. В.М. Молотова (Забайкальской железной дороге)¹⁷². Среди пострадавших из представителей высшей администрации оказались специалисты, организовавшие эвакуацию советских граждан из Маньчжурии после продажи КВЖД, в том числе С.И. Криц. До декабря 1937 г. ДТО арестовал 132 харбинца, но основные аресты по операции № 00593 относятся к декабрю–январю, т.е. ко времени после получения директивы НКВД № 331779 от 17 ноября 1937 г. Аресту только в рамках этой операции подверглись 418 чел., в том числе 289 чел. – на Читинском узле, где действительно работали многие бывшие служащие КВЖД¹⁷³. Аресты затронули все узловые станции, но особое внимание было уделено маньчжурской ветке. Многих же просто уволили за связи с заграницей. Органы НКВД отмечали «чрезвычайную засоренность железной дороги антисоветскими элементами», среди которых помимо харбинцев якобы присутствовал также «кулацко-белогвардейский» и «кулацко-ламский» элемент. «Харбинская операция» в Читинской области продолжалась вплоть до середи-

ны сентября 1938 г., а количество арестованных каждые полтора-два месяца составляло 400–500 чел.¹⁷⁴

С самого начала массовых репрессий рассмотрение дел арестованных было поставлено на поток, следственные действия совершались в короткие сроки и в упрощенном порядке. Следственные дела харбинцев различаются по объему – в зависимости от принципа их комплектования. Индивидуальные дела на арестованных харбинцев невелики, тогда как коллективные содержат от нескольких десятков до сотен страниц. В качестве обвиняемых по таким делам, как правило, фигурирует группа, обычно не превышавшая десяти человек. В делах подробно описываются контакты подследственных с иностранцами и харбинцами, прибывшими в СССР, прилагаются документы о пребывании за границей, сведения об арестах и деятельности в период советско-китайского конфликта 1929 г. Сведения, приводимые в протоколах допросов, обычно касаются службы на КВЖД и общественной работы в советской колонии. В ходе следственных действий выяснялись сведения о членстве в комсомольской и партийной организациях, действовавших в полосе отчуждения КВЖД, о связях с белыми эмигрантами, белогвардейскими организациями и японскими подданными, об обучении на интернациональных курсах, об арестах и задержаниях китайской полицией, о времени прибытия в СССР, об имеющихся контактах с харбинцами.

Тем самым речь идет о существовании единой, заранее сформированной и отработанной концепции следствия в отношении этой категории подследственных. Особое внимание уделялось выявлению не одиночек, а фактов преступного сговора, создания групп и организаций. Дела по региональным группам и их руководителям обычно выделялись в отдельное производство. Следствие строилось по типовым сценариям. Так, на железных дорогах после «выявления» центральной резидентуры, якобы действовавшей в узловом транспортном центре, «вскрывалась» сеть мелких периферийных групп, якобы работавших на крупных железнодорожных узлах. Подобная схема была реализована, в частности, на Казанской железной дороге, где помимо «казанской» следователям удалось «вскрыть» еще пять резидентур: «муромскую», «сергачскую», «арзамасскую», «юдинскую» и «агрызскую»¹⁷⁵. Целью создания групп назывались «шпионская работа» по сбору информации о техническом состоянии транспорта в СССР и перемещении войск и военных грузов на Дальний Восток, отслеживание политических настроений у работников отрасли. Среди арестованных ДТО НКВД преобладали харбинцы, вернувшиеся в СССР в 1935–1936 гг. Основнымотягчающим обстоятельством для них

стали события в период конфликта на КВЖД. Тот факт, что человек не уволился добровольно во время кампании по «самоувольнению» советских граждан, квалифицировался теперь как пособничество японцам. Одновременно факт ареста китайской полицией, ставший следствием самоувольнения, однозначно рассматривался как вербовка¹⁷⁶.

В отличие от транспорта, достаточно редко оперативным органам удавалось фабриковать дела о существовании крупных шпионских групп из харбинцев, работавших на производстве. К таковым можно отнести дело о «шпионско-диверсионной группе Лапицкого» на «Уралмашзаводе» в Свердловске. На основании свидетельских показаний численность харбинцев в Свердловске первоначально оценивалась приблизительно в 150 чел.¹⁷⁷ Управление НКВД по Свердловской области начало ликвидацию «выявленной группы» в апреле 1937 г., основные аресты прошли в сентябре, а приговор с применением ст. 58-6 УК РСФСР последовал в ноябре 1937 г.: 7 чел. из «группы» были расстреляны. Из 20 харбинцев, прибывших в разное время из Китая и якобы входивших в «группу», лишь 7 чел. непосредственно работали на «Уралмашзаводе», при этом никто не занимал руководящих должностей¹⁷⁸. Остальные проходившие по делу о «шпионско-диверсионной группе» на «Уралмашзаводе» работали в других организациях Свердловска и не были связаны между собой. Тем не менее «группе» инкриминировались сбор разведывательных данных об «Уралмаше», антисоветская пропаганда и «японофильские» разговоры. Утверждалось также, что активизация ее диверсионной работы должна была произойти после начала войны с Японией. Из анализа материалов уголовно-следственных дел следует вывод, что все репрессии в Свердловске в 1937 г. в отношении харбинцев прошли в рамках именно этого дела. Среди рабочих и служащих «Уралмашзавода», «Уралсельмаша», завода «Уралэлектромашина», Уральского индустриального техникума не осталось ни одного харбинца. Репрессии затронули также работавших на железной дороге и военно-химическом заводе. Свидетельские показания по этим делам коснулись харбинцев, проживавших в других областях СССР – от Воронежа до Благовещенска¹⁷⁹. Заводились новые следственные дела, речь в которых могла идти уже о больших группах харбинцев и их «вредительской» деятельности на предприятиях и в учебных заведениях СССР.

«Ликвидированной» в январе 1938 г. в Ойротской автономной области группе харбинцев (многие из которых не были в Китае) инкриминировались сбор сведений о золотопромышленности, вредительство в животноводстве, разведывательная деятельность на пограничном Чуйском тракте¹⁸⁰. Типовой можно считать схему, разработанную оперативными

органами, в соответствии с которой развертывание шпионской деятельности харбинцев на территории СССР произошло якобы уже в начале 30-х годов, активизация их деятельности относилась к 1936–1937 гг., а широкомасштабные диверсии планировались на начало военных действий между СССР и Японией.

Изучение материалов уголовно-следственных дел в отношении харбинцев, сконцентрированных в архивах Пермского и Алтайского краев, Республики Хакасия, Республики Алтай, Красноярского края, Новосибирской, Свердловской и Читинской областей, позволяет судить о широком размахе репрессий, прокатившихся не только по крупным индустриальным и транспортным центрам, но также по небольшим городам, рабочим поселкам и сельской местности. Когда в регионах не хватало харбинцев для «комплектования» из них самостоятельных «шпионских групп», их дела объединялись с делами преследуемых в рамках других национальных операций и образовывалось причудливое сочетание «агентов» целого ряда иностранных разведок¹⁸¹. В городах среди харбинцев доминировали лица, вернувшиеся в СССР в первой половине 30-х годов, преимущественно бывшие железнодорожники, а также дети транспортников, работавших на КВЖД еще до революции. В сельской местности преобладали реэмигранты первой половины 20-х годов, прежде всего бывшие военнослужащие белых армий.

Уголовно-следственное делопроизводство 20–30-х годов позволяет выстроить вполне определенную типологию категорий репрессированных. Существует также возможность реконструировать хронологию репрессий в отношении лиц, проживавших какое-то время за границей, в том числе в Китае. Очевидно, что советское законодательство за два послереволюционных десятилетия приобрело ярко выраженную репрессивную направленность в отношении лиц данной категории. На протяжении всей советской истории государство декларировало распространение на репатриантов всех гражданских прав и предоставление им широкого спектра социальных льгот. Однако реальностью стали массовые репрессии, жесткие ограничения на перемещения и экономическую деятельность. Помимо уголовного преследования государство широко использовало процедуры специальной государственной проверки лиц, прибывших из-за границы, так называемой фильтрации и административной высылки.

Говоря о массовости репрессий по «харбинской линии», достаточно указать на тот факт, что количество репрессированных почти в 2 раза превысило количество советских граждан, въехавших в СССР после продажи КВЖД, поскольку волна репрессий захватила и реэмигрантов

20-х – начала 30-х годов. Относительно «харбинской операции» 1937–1937 гг. вполне справедливо замечание, что поводом для репрессий был скорее не национальный признак, а «связи с границей», которые ранее считались лишь основанием для подозрения¹⁸². Новые репрессии в отношении реэмигрантов из Китая относятся уже ко второй половине 40-х – первой половине 50-х годов. На сегодняшний день большая часть репатриантов из Китая, репрессированных в годы сталинизма, реабилитирована.

2.4. Эмиграция в период японской оккупации Маньчжурии

Японская оккупация северо-востока Китая привела к образованию 1 марта 1932 г. государства Маньчжоу-Ди-Го (Маньчжоу-Го), которое представляло собой марионеточное государство, полностью зависимое от Японской империи. 15 сентября 1932 г. был заключен договор о дружбе с Японией. В марте 1934 г. государство стало империей во главе с императором Пу-И из правившей в Китае до 1912 г. маньчжурской династии. СССР отказался признать Маньчжоу-Го в качестве субъекта международного права. Одновременно, учитывая сложившуюся обстановку – появление реальной угрозы для МНР со стороны Маньчжоу-Го и развертывание японских войск на советской границе, СССР поспешил наладить отношения с Китаем, и в декабре 1932 г. дипломатические отношения были восстановлены.

Провозглашение государственности привело к серии административно-территориальных реформ. Территория Маньчжоу-Го включала в себя Мукденскую, Гириинскую и Хэйлунцзянскую провинции, к которым были присоединены территории провинции Жэхэ, а также частично территории провинций Чахар и Хэбэй. Столицей государства стал Чанчунь, переименованный в Синьцзин («Новая столица»). Административная структура государства была создана по японскому образцу, японцы заняли и многие высшие государственные должности. В 1934 г. новая административная реформа увеличила количество провинций до 14, а Харбину присвоили статус «Великого». Город сохранял его вплоть до новой административно-территориальной реформы 1937 г., после которой он стал центром Биньцзянской провинции и резиденцией регионального правительства. В 1938 г. Харбин отпраздновал 40-летие со дня основания, но эту дату отмечала только русская колония.

С провозглашением Маньчжоу-Го гражданам гарантировалось «равенство всех наций». В июне 1936 г. Япония отказалась от экстерриториальных прав в Маньчжоу-Го, после чего маньчжурское правительство отменило экстерриториальность всех иностранцев. Тем не менее японские подданные имели значительные привилегии. Им было позволено иметь двойное гражданство. Они располагали свободой экономической деятельности и правом приобретения земли в собственность, чего были лишены остальные иностранцы. При этом японцы, работая на государственной службе, не обязаны были менять подданство. Корейцы наряду с японцами как подданные Японской империи также занимали привилегированное положение.

Японская колонизация Маньчжурии, длившаяся с 1931 по 1945 г., привела к резким изменениям в жизни российской эмигрантской колонии, которая оказалась под жестким идеологическим контролем. 28 декабря 1934 г. властями Маньчжоу-Го с санкции Японской военной миссии (ЯВМ) была принята резолюция, утвердившая создание Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го (БРЭМ), которое должно было руководить жизнью и деятельностью российской эмиграции, став единым общеэмигрантским центром. Фактически эта организация была проводником прояпонской политики, содействовала властям в использовании трудовых и финансовых ресурсов эмиграции. За один-два года БРЭМ поглотил практически все политические, корпоративные, национальные, культурно-просветительные и религиозные организации эмигрантов, что привело к унификации структуры эмигрантской колонии. Только за первый год существования в БРЭМ вошли 150 организаций, из них 100 располагались в Харбине¹⁸³. Практически исчезли или подверглись существенной модификации организации, составлявшие Харбинскую национальную общину, а также Дальневосточный отдел РОВС. Взамен общественно-политических организаций, доминировавших в 20-е – начале 30-х годов, ведущую роль стали играть корпоративные и профессиональные союзы.

Бюро по делам российских эмигрантов пережило несколько реорганизаций. Первая из них относится к ноябрю 1935 г. В ходе этой реорганизации произошло усложнение структуры, прежде всего секретариата (через его дробление на отделы), началось создание отделений и новых эмигрантских структур под эгидой БРЭМа. В разное время существовало от шести до восьми отделов: переселенческий; культурно-просветительный (занимался вопросами школы, литературы и искусства, периодической печати, спортивных организаций, цензуры); регистраци-

онный (в его компетенцию входили выдача удостоверений и паспортов, вопросы регистрации, подданства); трудоустройства; хозяйственный (координировал всю хозяйственную жизнь эмиграции, занимался вопросами недвижимого имущества); благотворительный; юридическо-экономический (осуществлял контроль за деятельностью почти всех эмигрантских организаций, в первую очередь обладавших собственностью); Дальневосточный союз военных (занимался вопросами военных организаций, регистрации и воинского учета, сборов). К концу 30-х годов Бюро имело жесткую организационную структуру: начальник – президиум – секретариат – отделы, а на местах – отделы и представительства. Секретариат БРЭМа ведал вопросами, не входившими в компетенцию отделов, а также выдавал разрешения на проведение массовых мероприятий – демонстраций и митингов, на выпуск однодневных изданий.

В 1935 г. в структуре БРЭМа было организовано восемь региональных отделений, привязанных к крупным станциям по линии СМЖД. К началу 1944 г. отделения БРЭМа были созданы по всей стране. В этот период его структура была следующей: Главное бюро (Харбин), пять самостоятельных подразделений в городах (Дайрен, Мукден, Синьцзин, Тямусы, Сахалян), три районных бюро (Захинганское, Цицикарское и Восточное), четыре отделения и 32 представительства¹⁸⁴. С 1941 по 1944 г. в Харбине проводились ежегодные съезды руководителей русской эмиграции, в работе которых участвовали начальники районных бюро, отделений и представительств БРЭМа.

В 1944 г. в Харбине и некоторых других районах Маньчжоу-Го, где было сосредоточено значительное количество эмигрантов, при региональных правительствах (провинциальных управлениях) были открыты Русские отделы («Ходо иинкай»). Русские отделы (иногда они назывались комитетами) создавались с целью мобилизации людских и материальных ресурсов диаспоры в условиях военных действий. Вновь организованные отделы функционировали на основе директив правительства, в сфере их компетенции входили государственное планирование, молодежная политика, деятельность организации Кио-Ва-Кай и управление русскими школами. Русские отделы возглавляли японцы, работавшие под руководством Японской военной миссии, которые одновременно были советниками БРЭМа. С течением времени роль русских отделов значительно возросла. В частности, харбинский отдел был реорганизован в Комитет по делам русских эмигрантов при Биньцзянском правительстве и его формально возглавлял вице-губернатор. Фактически харбинским Русским отделом с 1944 г. руководил полковник Асано¹⁸⁵.

С созданием БРЭМа для русских вводились обязательная регистрация и прописка – единые эмигрантские паспорта в виде регистрационных квитанций, а затем личных книжек. Для получения права на проживание и передвижение по территории страны было необходимо оформить еще один документ – вид на жительство. В марте 1935 г. БРЭМ начал регистрацию всего эмигрантского населения, сначала в Харбине, а затем по всей территории страны, совпавшую по времени с началом эвакуации советской колонии после продажи КВЖД. Регистрация была обязательной для всего русскоязычного населения старше 17 лет, как эмигрантского, так и имевшего китайские и маньчжурские паспорта¹⁸⁶. Первоначально регистрировались безработные и малоимущие, но с 1939 г. стала проводиться регистрация всего взрослого эмигрантского населения по профессиям с целью учета имеющихся трудовых ресурсов.

В сентябре 1943 г. в дополнение к эмигрантским книжкам власти ввели личные нагрудные значки, носить которые было обязательно. Это делалось с целью выделения русских эмигрантов из остальной массы иностранцев и должно было содействовать росту их самосознания и солидарности, «свидетельствовать о принадлежности к семье наций, строителей нового порядка в Азии». Первые значки были белого цвета, затем их заменили на знаки нового образца, по диагонали которых располагался российский трехцветный национальный флаг. ЯВМ настаивала, чтобы такой же эмигрантский значок носили и представители других диаспор, в частности евреи, армяне и украинцы¹⁸⁷. С 1943 г. для всего мужского населения страны старше 15 лет, в том числе для эмигрантов, вводились «народные книжки». Планировалось, что в дальнейшем они заменят все виды личных документов, включая паспорта и профессиональные удостоверения.

К ноябрю 1935 г. на учете в БРЭМе числилось более 3 тыс. эмигрантов, которым в качестве документов выдавались особые личные книжки. Книжка имела номер, в нее вклеивалась фотография владельца. Год спустя БРЭМ объявил, что до начала 1937 г. произведет полный учет всех эмигрантов. До этого момента учет не носил обязательного характера, теперь же, в связи с завершением регистрации, всем эмигрантам, заполнившим регистрационные анкеты, надлежало подать заявление о желании встать на учет в БРЭМе. К концу 1936 г. в БРЭМе было зарегистрировано уже 24 тыс. эмигрантов, а в 1944 г. – почти 69 тыс. Динамика численности белоэмигрантского населения Харбина была следующей: в 1936 г. – 30,6 тыс. чел, в 1942 г. – 32,7 тыс., в 1944 г. – 34,6 тыс. и в 1945 г. – 29,1 тыс. чел.¹⁸⁸ Приведенная статистика показы-

вает, что в годы войны часть городского населения из числа русских мигрировала в сельскую местность.

В период существования Маньчжоу-Го среди российской диаспоры с большим размахом шла идеологическая и патриотическая работа. На смену разнообразным политическим организациям 20-х годов пришли преимущественно монархические и фашистские объединения, инкорпорированные в политическую систему этого государства. В июне 1932 г. была создана всенародная патриотическая организация Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой, Общество согласия и мирного сотрудничества народов). Она представляла собой политическую партию, задачей которой являлась пропаганда японской идеологии на территории Маньчжоу-Го. Номинальным руководителем партии считался председатель Госсовета Маньчжоу-Го, но фактически ею руководил командующий Квантунской армией. В 1936 г. Кио-Ва-Кай насчитывала 2 700 штабов и отделений, а ее численность достигла 860 тыс. чел.¹⁸⁹

Особым направлением деятельности Кио-Ва-Кай была работа с русской эмиграцией, прежде всего с молодежью. В 1936 г. при харбинской организации партии был создан Русский отдел, который непосредственно контактировал с БРЭМом. Начальник Русского отдела Кио-Ва-Кай являлся советником БРЭМа, а большинство сотрудников составляли эмигранты. Со своей стороны, высшее руководство БРЭМа входило в состав Сопредседательского комитета при штабе Кио-Ва-Кай как «представители русского населения» и участвовало в работе ежегодных всеманьчжурских съездов партии. В 40-е годы в структуре партии была сформирована молодежная эмигрантская организация Кио-Ва. В период войны в Кио-Ва-Кай были созданы Русские добровольные дружины. В то же время, несмотря на значительный размах деятельности среди российской диаспоры, единая всеманьчжурская партия не пользовалась широкой поддержкой со стороны эмиграции.

Первоначально японские власти сделали ставку на русских фашистов, и соответствующей партии была оказана значительная материальная помощь. Наибольшая активность Русской фашистской партии (РФП) пришлась на середину 30-х годов. Фашистская партия рассчитывала в первую очередь на молодое поколение эмигрантов. Для русских эмигрантов членство в РФП было «желательным», поэтому численность партии быстро выросла с 5 до 20 тыс. чел. Несмотря на это, к середине войны деятельность русских фашистов была свернута самой ЯВМ. Малопопулярными оказались и монархические объединения. В большинстве своем они носили официальный характер и поддерживались БРЭМом.

Монархисты занимались преимущественно агитационно-пропагандистской деятельностью и работой с молодежью.

И фашисты, и монархисты, находившиеся на основных постах в администрации БРЭМа, очень ревниво реагировали на усиление казачьих организаций в 30-е годы. Лидер фашистской партии К.В. Родзаевский отмечал, что «атаман Семенов считался японцами, частью эмигрантов основоположником Белого движения... и главой дальневосточной эмиграции»¹⁹⁰. Однако в реальности на протяжении 30-х – первой половины 40-х годов атаман был скорее номинальным главой дальневосточной эмиграции, несмотря на то что осуществлял «высшее руководство» Союзом казаков на Дальнем Востоке.

Союз казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии был создан в 1934 г. как структура БРЭМа (7-й, военный, отдел) и просуществовал до августа 1945 г. Резиденция Союза находилась в Харбине. В пределах Маньчжоу-Го его отделения имелись в городах Мукден, Синьцзин, Хайлар, Цицикар, Якеши и др. Административная структура и управление казачьими поселениями на всей территории Маньчжурии окончательно сложились к середине 30-х годов. В это время вдоль западной ветки КВЖД, в том числе в западных районах Барги, существовало 11 станиц и 14 казачьих поселков в Трехречье, по восточной линии КВЖД – три станицы и три казачьих поселка. В Харбине было девять станиц, объединявших казаков по войсковому признаку. Всего в Маньчжурии в 20–40-е годы в разное время насчитывалось 26 станиц и 27 казачьих поселков. Казачество рассматривалось японскими властями как наиболее военизированная и организованная часть русской диаспоры. На начало 1939 г. общая численность казачьего населения в Маньчжурии составляла 19 460 чел., из них в Харбине проживало 2 453 чел., в Хайларском казачьем отделе – 7 135, в Трехреченском районе – 7 019, на станциях западной линии железной дороги – 1 178, на станциях восточной линии – 1 884 чел.¹⁹¹ Самой многочисленной группой были казаки Забайкальского казачьего войска: их насчитывалось более 10 тыс. чел.

Русская эмиграция, как и остальная часть населения Маньчжоу-Го, во второй половине 30-х – первой половине 40-х годов все больше втягивалась в полувоенное существование. Казаки и школьники участвовали в смотрах почетных караулов при визитах в Харбин командующего Квантунской армией, японского особополномоченного посла и монархических особ. С 1936 г. все русское население стало привлекаться к участию в учениях по противовоздушной обороне, которые проводились сначала раз в год, а потом – каждый квартал. В мае 1938 г. при ЯВМ первоначаль-

но как военная школа был создан отряд Асано, переквалифицированный позднее в пехотный отряд, на практике же являвшийся школой разведчиков. С началом Тихоокеанской войны создается русский отряд самообороны Харбина. Ежегодными стали летние сборы русских военизированных отрядов Кио-Ва-Кай, проверки военно-воспитательной подготовки и «смотри здоровья» эмигрантской молодежи, широкое развитие получили военно-патриотические и спортивные мероприятия.

В 1943 г. власти провели учет эмигрантского населения в возрасте 25–40 лет¹⁹². В сентябре 1944 г. был создан отдельный российский эмигрантский отряд добровольческих общественных дружин. В конце года русских стали призывать в армию Маньчжоу-Го. Из них формировались отряды: Сунгарийский (Сунгари-2), на станциях Ханьдаохэцзы и Хайлар. Мобилизацию в армию русских новобранцев сопровождали политические лозунги: «Все для фронта, все для победы!», «Русская эмиграция в борьбе за новый порядок». На эмигрантское население распространялось распоряжение о регистрации радиоприемников, в том числе надлежало сдавать коротковолновые приемники, которые могли принимать вещание американцев¹⁹³. В рамках «недели усиления борьбы со шпионажем» поощрялись доноительство и борьба с распространением слухов. Все эти мероприятия организовывались и проходили при непосредственном участии руководства БРЭМа и ЯВМ.

За вторую половину 30-х годов вся жизнь российской колонии кардинально изменилась. Одним из наиболее показательных событий стала реформа русской школы, которая началась в декабре 1935 г. БРЭМ уделял особое внимание школьному делу как одному из важнейших компонентов воспитания молодежи в духе преданности Маньчжоу-Го и Японии. Реформа предусматривала, во-первых, перевод частных эмигрантских школ на бюджет БРЭМа и, во-вторых, постепенное сокращение русских учебных учреждений. Созданную в 1935 г. частную школу для детей советских граждан обвинили в насаждении антигосударственной идеологии и в 1938 г. закрыли¹⁹⁴. В ходе реформы существенные изменения претерпели программы обучения. Суть изменений заключалась в резком сокращении количества часов, отводимых на латинский язык и закон Божий. Для обязательного изучения вводился японский язык, монархическая идеология стала доминирующей. Для русских школьников обязательным стал трехкратный поклон портрету императора и флагу. В 1943 г. в русских школах ввели военную подготовку. К 1947–1948 гг. предусматривалась полная замена русских школ японскими¹⁹⁵. Существенно трансформированной оказалась и система высшего образования.

С началом японской оккупации и образованием марионеточного государства Маньчжоу-Го широко стали отмечаться японские государственные праздники. Ежегодные торжества проходили 11 февраля – в день основания Ниппонской империи. Наиболее пышными они были в 1940 г., когда отмечалось 2600-летие существования империи¹⁹⁶. Общенародным праздником стал и день рождения императора Японии. 10 марта проводились военный парад и демонстрация по случаю Дня Ниппонской армии, 27 мая отмечался День Ниппонского Императорского флота. В военизированных праздниках предусматривалось обязательное участие эмигрантских организаций. Русская колонна шествовала под флагом Ниппон, Маньчжоу-Го и русским национальным флагом, общеэмигрантское собрание проходило под девизом «Русская эмиграция – Ниппонской армии».

Японские праздники чередовались с датами, связанными с новейшей историей Маньчжоу-Го. Ежегодно 5 февраля отмечалась очередная годовщина ввода японских войск в Харбин. Это событие, ставшее общегородским праздником, сопровождали собрания в организациях и организованное шествие по улицам. 15 сентября 1932 г. эмиграция вместе со всем населением праздновала признание Маньчжоу-Го Японией, подававшееся как День независимости. Основные торжества проходили в Синьцзине (Чаньчуне). В Харбине в рамках праздника проходила многотысячная манифестация, в которой принимали участие в основном русские ученики. Особенно торжественно отмечалось 10-летие существования Маньчжоу-Го в сентябре 1942 г. В честь этого события БРЭМом был выпущен юбилейный сборник «Великая Маньчжурская империя»¹⁹⁷. С 23 марта 1935 г. ежегодным мероприятием стало празднование продажи КВЖД. С 10 июня 1936 г. проводились торжества по поводу отказа Японии от своих экстерриториальных прав в Маньчжоу-Го. Празднования начала Тихоокеанской войны (8 декабря), дня «обнародования Высочайшего манифеста Пу-И о содействии правому делу союзной Японии» (8 августа) и подписания Маньчжоу-Го декларации государств Восточной Азии (6 ноября 1943 г.) также стали ежегодными мероприятиями. Кроме того, Харбин дважды (8–11 сентября 1935 г. и 21 августа 1939 г.) посещал император Пу-И. По пути следования императорского кортежа были выстроены русские школьники, а высшее руководство БРЭМа удостоивалось аудиенции¹⁹⁸. С 1943 г. 13-е число каждого месяца объявлялось в Маньчжоу-Го траурным днем. В этот день приспускались государственные флаги Японии и Маньчжоу-Го, действовал запрет на увеселительные мероприятия и употребление спиртных напитков. Ежемесячные траурные дни были отменены 13 мая 1945 г.¹⁹⁹

Особый акцент также приобрели события, связанные с российской политической историей. Ежегодно 5 февраля русская колония отмечала трагическую гибель Верховного правителя А.В. Колчака и атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова, а 15 марта – годовщину отречения Николая II от престола. С 1938 г. Первомай был провозглашен БРЭМом Днем Антикоминтерна, и в этот день эмигранты участвовали в антисоветской демонстрации²⁰⁰. Траурные мероприятия ежегодно проводились 18 июля – в день расстрела царской семьи в Екатеринбурге. 25 сентября русская эмиграция отмечала день рождения атамана Г.М. Семенова, провозглашенного ее вождем, и очередную годовщину его борьбы с коммунизмом. Фактически этот день стал праздником всего дальневосточного зарубежного казачества. Первая неделя ноября была Неделей борьбы с Коминтерном. День 7 ноября начиная с 1935 г. был провозглашен БРЭМом Днем общерусской скорби, траура и непримиримости. В 1939 г. в этот день был установлен крест на месте будущего памятника жертвам борьбы с Коминтерном. 8 ноября 1941 г. на Соборной площади в Харбине, где собралось более тысячи эмигрантов, открыли памятник павшим в борьбе с Коминтерном. Монумент был построен на пожертвования русской колонии и средства БРЭМа. На всех ноябрьских мероприятиях присутствовали руководство БРЭМа и начальствующий состав Японской военной миссии.

Русская колония во время японской оккупации продолжала отмечать общеэмигрантские праздники, появившиеся еще в 20-е годы. Среди них – 8 мая (День русского ребенка) и день рождения А.С. Пушкина 6 июня (День русской культуры). Обычно проведение мероприятий, приуроченных к этим дням, поручалось БРЭМом Харбинскому комитету помощи русским беженцам. В 1938 г. День русской культуры был посвящен 950-летию крещения Руси и 325-летию воцарения дома Романовых. 26 июля в русских церквях проходила ежегодная панихида по погибшим при осаде Харбина во время восстания ихатуаней в 1900 г. Традиционно отмечались православные праздники. Особый интерес у японцев и маньчжур вызывало Крещение с купанием в р. Сунгари. Группы туристов специально приезжали в Харбин на Крещение. С 1936 г. с целью увеличения пожертвований на благотворительность БРЭМ возродил традицию общеэмигрантских балов. Начиная с 1943 г. количество увеселительных мероприятий сокращается, их заменяют спортивные и военизированные праздники.

Японский период в жизни русской эмиграции охарактеризовался резким падением уровня жизни. Оно началось в первой половине 30-х

годов и первоначально было вызвано экономической депрессией и японской оккупацией. К середине 30-х годов безработица среди русской диаспоры (белой эмиграции и советской колонии) достигла 50%. Во второй половине 30-х годов безработица снизилась, но с началом войны вновь возросла.

Надеждам эмигрантов на массовое возвращение на КВЖД после отъезда советских железнодорожников так и не суждено было сбыться. Уже в августе 1935 г. в числе 17 тыс. работающих на СМЖД было 5 тыс. японцев и лишь 1 тыс. русских эмигрантов²⁰¹. В 1936 г. русских на дороге насчитывалось около 2 тыс., из них только 10% работали там до перехода дороги в совместное советско-китайское управление, а всех остальных приняли на службу после ее продажи²⁰². Продажа дороги ускорила процессы национализации собственности, ранее принадлежавшей российской стороне. Старейшее русское предприятие региона – фирму «Чурин и К°» в ноябре 1936 г. выкупил Гонконг-Шанхайский банк, а в 1944 г. она перешла к государству. Правда, перемена собственника не привела к сокращению русского персонала.

Рост безработицы отразился на структуре занятости русскоязычного населения и способствовал его оттоку из городов в сельскую местность. В начале 30-х годов маньчжурские власти уже пытались частично переселить пострадавшее от наводнения русскоязычное население. В 1934–1935 гг. в рамках японской колонизационной программы «переселения миллиона дворов» реализовывалась программа «возрождения Трехречья». В годы Тихоокеанской войны японскими и маньчжурскими властями была санкционирована программа переориентации части городского русскоязычного населения на занятия сельским хозяйством. В ноябре 1943 г. русским для вселения отвели Тоогэнский район (р. Тайванхэ, центр – ст. Ново-Покровка). Работу по переселению возглавил переселенческий отдел БРЭМа. Тоогэнский район должен был стать одной из баз для обеспечения городского населения Харбина продуктами питания. Сельскохозяйственная продукция и промышленные товары, произведенные русскими эмигрантами, неоднократно участвовали в сельскохозяйственных и промышленных выставках.

Тем не менее в годы войны впервые за несколько десятилетий сельскохозяйственная Маньчжурия столкнулась с нехваткой продовольствия. Было установлено нормированное распределение продуктов питания, государство пошло на контроль за ценами. С мая 1940 г. вводится общепродуктовая карточная система, с января 1941 г. – хлебные карточки. В 1944 г. особенно остро встал вопрос о снабжении русских эмигрантов

хлебом, овощами и топливом. Ежедневная норма хлеба для них составляла 300 г (в основном хлеб был с добавкой кукурузной муки). Купить хлеб в магазинах было невозможно, его получали в специальных распределительных пунктах. Овощи также продавались по установленным нормам. Так, годовая норма картофеля составляла 10 пудов на каждого едока²⁰³.

В период существования Маньчжоу-Го возросли государственные налоги. Помимо этого, в 1936 г. было введено обязательное самообложение: все эмигранты были обязаны отчислять 1% доходов в БРЭМ. Российскую диаспору принуждали делать многочисленные пожертвования, которые объяснялись необходимостью усиления военной мощи государства, а затем – помощи Японии в Тихоокеанской войне. Сбор пожертвований жестко контролировался Японской военной миссией. Собранные российской диаспорой средства передавались в ЯВМ, причем обычно их передача приурочивалась к маньчжурским и японским государственным праздникам. Первыми еще в середине 30-х годов были введены пожертвования на противовоздушную оборону. С началом войны широкое распространение получили «жертвенные работы» (общественные работы), на которые обычно привлекались школьники. С 1942 г. начался сбор пожертвований на строительство военных самолетов для японской армии. В 1944 г. в среде эмиграции прошла кампания по сбору металлов (платины, меди и железа), обязательной стала покупка облигаций государственного банка («кампания народных сбережений») и другие мероприятия²⁰⁴. В годы войны правительство заморозило вклады в банках. Лишь после 10 августа 1945 г., после того как СССР объявил войну Японии, начались частичные выплаты по вкладам русских эмигрантов.

Стремление японо-маньчжурского режима максимально регламентировать функционирование всех общественных институтов, в том числе эмигрантских организаций, привело либо к полному запрету деятельности «нелояльных» эмигрантских обществ, либо к насаждению структур, образованных искусственным путем и механически объединивших все общественные союзы и ассоциации. Система регламентации общественной жизни эмиграции, созданная в Китае в конце 30-х годов японскими оккупационными властями, не была нацелена на удовлетворение внутренних потребностей колоний, а преследовала цель их всеобъемлющего контроля. В отличие от выросших снизу и самоорганизовавшихся обществ и ассоциаций 20–30-х годов административные органы эмиграции, возникшие под эгидой государственной власти, имели достаточно жесткую структуру. Они практически сосредоточили в своих руках управление жизнью колоний, что явилось главной причиной прекращения деятель-

ности большинства эмигрантских организаций в Китае в конце 30-х – первой половине 40-х годов.

В этот период Россия оказалась вытесненной из Маньчжурии. Массовая миграция населения из России к середине 30-х годов сошла на нет. В экономическом и политическом плане в Маньчжурии доминировала Япония. В начале 30-х годов на территории Маньчжурии (с учетом Южной Маньчжурии) проживало 36 млн чел., из них свыше 30 млн составляли китайцы, а русские были третьим по численности национальным меньшинством после корейцев и японцев, приближаясь в этом отношении к последним. Со второй половины 30-х годов и в период Тихоокеанской войны на фоне резкого увеличения численности японского (почти в 4 раза) и корейского (почти в 3 раза) населения Маньчжурии русскоязычная диаспора сократилась на треть. К 1945 г. общая численность японских подданных на территории Маньчжурии достигла 2,6 млн чел. (1,8 млн корейцев и 800 тыс. японцев). Резкое сокращение российской диаспоры было следствием выезда за пределы Китая – в СССР и США, а также в другие регионы Китая. Итоги Второй мировой войны качнули маятник в противоположную сторону. СССР восстановил свои позиции на северо-востоке, вернул КВЖД и военные базы, произошла советизация белой эмиграции, а подданные Японской империи были репатриированы.